

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

№ 18, 2025

Электронный научный рецензируемый журнал
Основан в 2021 году
Учредитель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Издатель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Периодичность 4 раза в год

12 +

Публикация статей в журнале осуществляется по следующим специальностям:

5. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5.6. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.1. – Отечественная история

5.6.2. – Всеобщая история

5.6.3. – Археология

5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. – История международных отношений и внешней политики

5.9. ФИЛОЛОГИЯ

5.9.1. – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2. – Литература народов мира

5.9.3. – Теория литературы

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам
в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77–81306 от 30.06.2021

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 163-04/2021 от 27.04.2021

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание
в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Сайт журнала: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2025

Главный редактор

*Сарапулов
Алексей Николаевич* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский
государственный гуманитарно-педагогический университет)

Заместители главного редактора

*Шмуратко
Дмитрий Владимирович* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

*Подюков
Иван Алексеевич* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

Члены редакционной коллегии

*Аверина
Анна Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Московский городской педагогический университет)

*Абашева
Марина Петровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Абдуллина
Амина Шакирьяновна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Бирск,
Бирский филиал, Башкирский государственный университет)

*Андросова
Светлана Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Амурский государственный университет)

*Балакин
Сергей Владимирович* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург,
Уральский государственный университет путей сообщения)

*Бакиш
Наталья Александровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Российский государственный гуманитарный университет)

*Данилевская
Наталья Васильевна* доктор филологических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет)

*Забияко
Анна Анатольевна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Амурский государственный университет)

*Егоров
Константин Борисович* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский
государственный гуманитарно-педагогический университет)

<i>Иванов Владимир Александрович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы)
<i>Ивашкевич Ирина Николаевна</i>	кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
<i>Костева Виктория Михайловна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)
<i>Крыласова Наталья Борисовна</i>	доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Россия, г. Пермь, ПФИЦ Уральское отделение РАН, Отдел истории, археологии, этнографии)
<i>Мароши Валерий Владимирович</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)
<i>Степанов Валерий Леонидович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Москва, Институт экономики РАН)
<i>Тюрк Аттила</i>	Ph.D (History) (Венгрия, г. Будапешт, Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя)
<i>Шипова Ирина Алексеевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)
<i>Нагзибекова Меҳриниссо Бозоровна</i>	доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
<i>Юшкова Людмила Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

HUMANITARIAN STUDIES. HISTORY AND PHILOLOGY

No. 18, 2025

Electronic scientific peer-reviewed journal
Founded in 2021
The founder: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
The publisher: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
Issued 4 times a year

12 +

The journal publishes articles covering the following fields of knowledge:

5. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

5.6. HISTORICAL SCIENCES

5.6.1. – Domestic history

5.6.2. – General history

5.6.3. – Archeology

5.6.5. – Historiography, source studies, methods of historical research

5.6.7. – History of international relations and foreign policy

5.9. PHILOLOGY

5.9.1. – Russian literature and Literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.2. – Literature of the peoples of the world

5.9.3. – Theory of literature

5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.6. – Languages of peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages)

5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics

The articles presented in the journal will be of interest both to the specialists
in these spheres and to a wide range of readers, including students and postgraduates.

The journal is registered with the Federal service for supervision
of communications, information technologies and mass communications.

Certificate of registration of mass media EL № FS77–81306 from 30.06.2021.

The journal is posted in the SEL eLibrary, contract № 163-04/2021 from 27.04.2021

The journal is registered as a serial network publication
in the National ISSN center of the Russian Federation 04.02.2021

The journal's website: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Published by the decision of the editorial and publishing
Council of Perm State Humanitarian Pedagogical University

Chief Editor

Sarapulov Ph.D. (History), Associate Professor
Aleksei Nikolaevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Deputy chief editors

Shmuratko Ph.D. (History), Associate Professor
Dmitry Vladimirovich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Podyukov Grand Ph.D. (Philology), Professor
Ivan Alekseevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Editorial team

Averina Grand Ph.D. (Philology), Professor
Anna Viktorovna (Russia, Moscow, Moscow City Pedagogical University)

Abasheva Grand Ph.D. (Philology), Professor
Marina Petrovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Abdullina Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Amina Shakiryantovna (Russia, Birsk, Birsk Branch, Bashkir State University)

Androsova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Balakin Grand Ph.D. (Philology), Professor
Sergey Vladimirovich (Russia, Yekaterinburg, Ural State Transport University)

Bakshi Grand Ph.D. (Philology), Professor
Nataliia Andrejevna (Russia, Moscow, Russian State Humanitarian University)

Danilevskaya Grand Ph.D. (Philology), Professor
Natalia Vasilievna (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Ivanov Grand Ph.D. (History), Professor
Vladimir Aleksandrovich (Russia, Ufa, Bashkir State Pedagogical University
named after Akmulla)

Ivashkevich Ph.D. (Philology), Associate Professor
Irina Nikolaevna (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

- Krylasova
Natalya Borisovna* Grand Ph.D. (History), Professor, Chief Researcher
(Russia, Perm, PFITS Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Department of History, Archeology, Ethnography)
- Kosteva
Viktoria Mikhailovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)
- Maroshi
Valerii Vladimirovitch* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)
- Stepanov
Valery Leonidovich* Grand Ph.D. (History), Professor
(Russia, Moscow, Institute of Economics, RAS)
- Türk Attila* Ph.D (History) (Hungary, Budapest, Institute of Archaeology Catholic
University named after Peter Pazman)
- Shipova
Irina Alekseevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University)
- Nagzibekova
Mehrinisso Bozorovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)
- Yushkova
Lyudmila Anatolyevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 7–14.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 18. P. 7-14.

Научная статья

УДК 94(470.53)

doi: 10.24412/2713-0231-2025-18-7-14

САДЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ГОРОДСКОЙ ПЛАНИРОВКИ: ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ВОССОЗДАНИЯ ПРОСТРАНСТВА ВОКРУГ ГОСПОДСКОЙ УСАДЬБЫ СТРОГАНОВЫХ В Г. УСОЛЬЕ

Юлия Владимировна Бушмакина^{1,2}

¹Пермская государственная краевая универсальная библиотека им. А. М. Горького, Пермь, Россия

²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
yuliyabushmakina@gmail.com

Аннотация. Сады и парки были значимыми элементами планировки в частновладельческих поселениях Пермской губернии, некоторые из них сохранились до настоящего времени и обладают самостоятельным статусом объекта культурного наследия. В Усолье как элемент планировочной структуры Посадской слободы сохранился лишь один сад (из многих существовавших ранее) – при господской усадьбе Строгановых. Помимо сада в состав усадьбы входят господский жилой дом, два флигеля (под общей крышей) и баня. Территория усадьбы признана объектом культурного наследия регионального значения. Господский дом был построен в 1832 г. для барона Григория Строганова неизвестным архитектором. Сначала небольшой сад располагался южнее господского дома, но после большого пожара 1842 г. и изменения плана города, его значительно увеличили путем прирезки соседних усадеб. После ремонта господского дома в 1894 г. началась реконструкция сада: были проложены извилистые прогулочные аллеи, вдоль границ высадили хвойные деревья, определили сочетания цветочных растений и кустарников для клумб, места отдыха. В настоящее время сад заброшен, на его территории произрастают дикорастущие деревья. В 2024 г. на основании сохранившихся исторических источников был разработан проект благоустройства территории, предусматривающий восстановление сада при господском доме Строгановых.

Ключевые слова: Усолье, Господская усадьба, Строгановы, планировка, культурное наследие.

Для цитирования: Бушмакина Ю. В. Сады как элементы городской планировки: источники для воссоздания пространства вокруг господской усадьбы Строгановых в г. Усолье // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 7–14. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-7-14>

Original article

GARDENS AS ELEMENTS OF URBAN PLANNING: HISTORICAL SOURCES FOR RECREATING THE SPACE AROUND THE STROGANOV'S MANOR ESTATE IN USOLYE

Yuliya V. Bushmakina^{1,2}

¹ Perm State Regional Universal Library named after A. M. Gorky, Perm, Russia

² Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, yuliyabushmakina@gmail.com

Abstract. Gardens and parks were significant elements of planning in private settlements of the Perm province and some of them have survived to this day and have a status of a cultural heritage. In Usolye, only one garden (out of many that existed previously) has been preserved as an element of the planning structure of the Posadskaya Sloboda – at the Stroganov manor estate. In addition to the garden, the estate includes a manor house, two outbuildings (under a common roof) and a bathhouse. The territory of the former estate is recognized as a cultural heritage site of regional significance. An unknown architect built the manor house in 1832 for Baron Grigory Stroganov. At first, a small garden was located to the south of the Stroganov manor house, but after the great fire of 1842 and the change in the city plan, it was significantly enlarged by adding neighboring homesteads. After the renovation of the manor house, in 1894 the reconstruction of the garden began: winding walking paths were laid out, coniferous trees were planted along the borders, combinations of flowering plants and shrubs for flower beds and recreation areas were determined. It is currently abandoned and wild trees grow on its territory. In 2024, based on surviving historical sources, a project for the improvement of the territory was developed, which included, among other things, the restoration of the garden at the Stroganov manor house.

Ключевые слова: Usolye, Manor estate, Stroganovs, urban planning, cultural heritage.

For citation: Bushmakina Yu. V. Gardens as elements of urban planning: historical sources for recreating the space around the Stroganovs' manor estate in Usolye. Humanitarian Studies. History and Philology. 2025;18:7-14. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-7-14>

Введение

Сады и парки были значимыми элементами планировки в частновладельческих поселениях Пермской губернии, некоторые из них сохранились до настоящего времени и обладают самостоятельным статусом объекта культурного наследия (например, парк «Кузьминки» в пос. Ильинский). Садово-парковые пространства были не редкостью и в с. Новое Усолье (ныне – г. Усолье). Здесь сады имелись при усольских храмах, канцеляриях, господских домах и домах управляющих, а в центре главной улицы был устроен бульвар [УИАМ. КП-27/1]. К сожалению, из всех них сохранился лишь один – при бывшем господском доме Строгановых, – но большая часть его насаждений утрачена, историческая структура почти не прослеживается. Выявленные документы из фондов Государственного архива Пермского края позволяют реконструировать его облик.

Основная часть

Господский дом Строгановых в центральной – посадской – части села был построен на средства барона Григория Александровича в 1832 г. [СКМ. Ед. хр. 3000/11. Л. 27; ПГКУБ им. А. М. Горького. Инв. № 255 069]. Кроме него в составе усадьбы в сходной стилистике были возведены два каменных одноэтажных флигеля, фиксирующих западную границу домовладения. Мы не будем подробно останавливаться на строительстве и перестройках в границах строгановской господской усадьбы (лишь кратко обозначим функциональное назначение зданий и дискуссионные вопросы, требующие дополнительных исследований), основное внимание уделив господскому саду.

Считается, что господский дом был выстроен по проекту крепостного архитектора Трефила Тудвасева [Безсонов 1938: 87–88], однако такое предположение основывается лишь на том, что в одном из альбомов строгановских построек план дома подписан именно его

именем [СКМ. Ед. хр. 3000/11. Л. 27]. Однако, во-первых, в этом альбоме им были подписаны вообще все планы, в том числе предписываемый архитектору Андрею Воронихину проект Никольской церкви, и, во-вторых, сохранился второй такой альбом выполненный другим автором с аналогичными проектными чертежами, но без чьей-либо подписи [ПГКУБ им. А. М. Горького. Инв. № 255 069].

Несмотря на то, что как правило, господские дома предназначались для проживания их владельцев, в здании по неизвестной причине первоначально разместили строгановский госпиталь [БИХМ. КП-7118/3. Л. 1; БИХМ. КП-7118/1. Л. 1об]. С самого начала складывания ансамбля при господском доме существовал сад. В 1830-е гг. он был относительно небольшим – 22х15 сажен (47х32 м) и примыкал с юга к главному дому [БИХМ. КП-7118/3].

Рис. 1. БИХМ. КП-7118/3.
План Посадской слободы села Новое
Усолье, 1830-е гг. Фрагмент.
Квартал с господской усадьбой

Рис. 2. БИХМ. НВ-2764/62. План на
Посадскую часть села Нового Усолья
по прожектору 1842 г. Фрагмент.
Квартал с господской усадьбой

В мае 1842 г. в Н.-Усолье произошел крупный пожар, после которого управляющие внесли изменения в правила застройки села и разработали новый «прожект кварталов». В результате усадьба на юго-западной окраине квартала занятого в том числе господским домом была обращена в площадь, а остальные – принадлежавшие людям Строгановых – ликвидированы и их территории были прирезаны к господской усадьбе. Именно так в ее границах оказалась каменная баня на северной оконечности квартала, построенная в конце 1830-х гг. [ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 1861].

На протяжении XIX в. использование усадьбы неоднократно менялось. Известно, что некоторое время внутри находилось мужское училище. Однако в 1870-е гг. оно освободило дом, в котором начался ремонт для приспособления его под квартиру для приема владельца Новоусольских соляных промыслов – графа Сергея Григорьевича Строганова [БИХМ. Ф. 256. Оп. 8. Д. 5]. Вероятно, идея упорядочивания сада была связана с приспособлением усадьбы под жилье владельца солепромыслов. После прирезки к усадьбе других участков к югу от господского дома его размеры увеличились до 22,2х24,2 саженей (47,5х51,5 м) [ГАПК. Ф. 279. Оп. 7. Д. 1303]. Вероятно, изначально сад не был упорядоченным. В это время усадьба и сад, занимающие квартал целиком были огорожены дощатой оградой с несколькими деревянными воротами [БИХМ. НВ-1307/38], а вдоль ее границ были высажены одиночные липы и березы [ГАПК. Ф. 279. Оп. 5. Д. 395]. Центральная часть

квартала – с каменными постройками – была дополнительно выгорожена, и таким образом северная его часть с каменной баней фактически также представляла собой второй сад, только не благоустроенный.

Во второй половине XIX в. начался большой ремонт господского дома для приспособления его под квартиру владельца – графа Сергея Григорьевича Строганова, и на южном фасаде дома дополнительно был устроен балкон с видом на сад. В этот период на территории усадьбы построили деревянную караульную избу и погреб. В северо-западном углу устроили овощную яму, а рядом с каменными службами расположили водоносную трубу и котел для нагревания воды [ГАПК. Ф. 279. Оп. 5. Д. 395]. Наконец, в 1894 г. вместо рядов лип и берез южнее господского дома (со стороны устроенного на южном фасаде балкона) был разбит новый сад, представляющий собой образец ландшафтного садового искусства конца XIX в.

Вдоль извилистых дорожек и ограды были высажены аллеи из чередующихся берез, лип, осин, рябин, черемух, вязов, тополей, ольхи, лиственниц, ив и пихт, вдоль которых были поставлены скамейки для отдыхающих. Вдоль границ сада поместили – «куртины» (то есть группы) – елей, сосен и пихт. С аллеями чередовались кустовые насаждения, с девятью видами сочетания цветущих растений и кустарников (например, вместе были высажены ирга, мелколистная акация, сирень обыкновенная, яблоня китайская, калина, лох серебристый, барбарис, кизильник и шиповник), симметрично были высажены четыре кедра, выделено место для цветника. В центре сада планировали установить беседку [ГАПК. Ф. 279. Оп. 5. Д. 396].

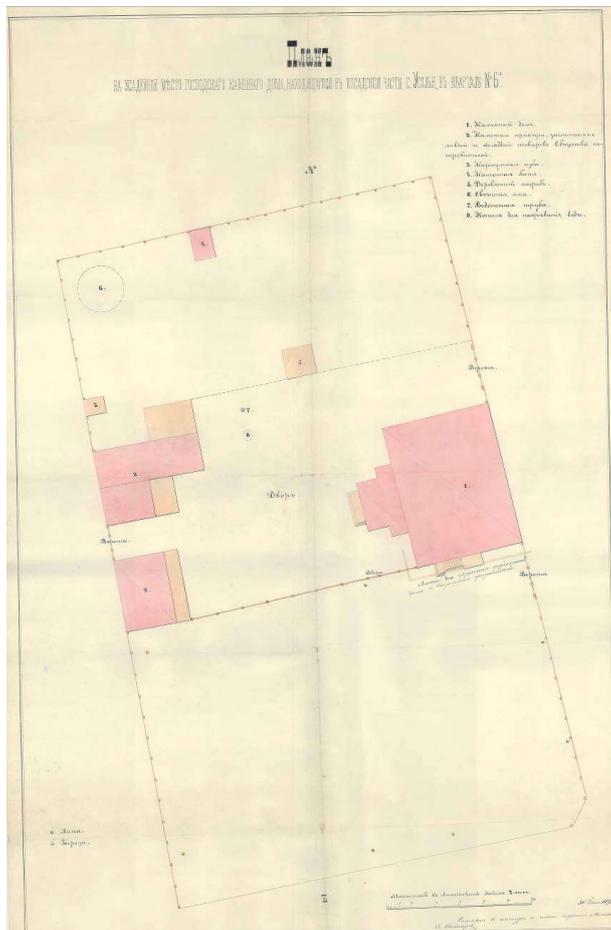

Рис. 3. ГАПК. Ф. 279. Оп. 5. Д. 395. План на усадебное место господского каменного дома, находящегося в посадской части с. Усолья, в квартале № 6, 1891 г.

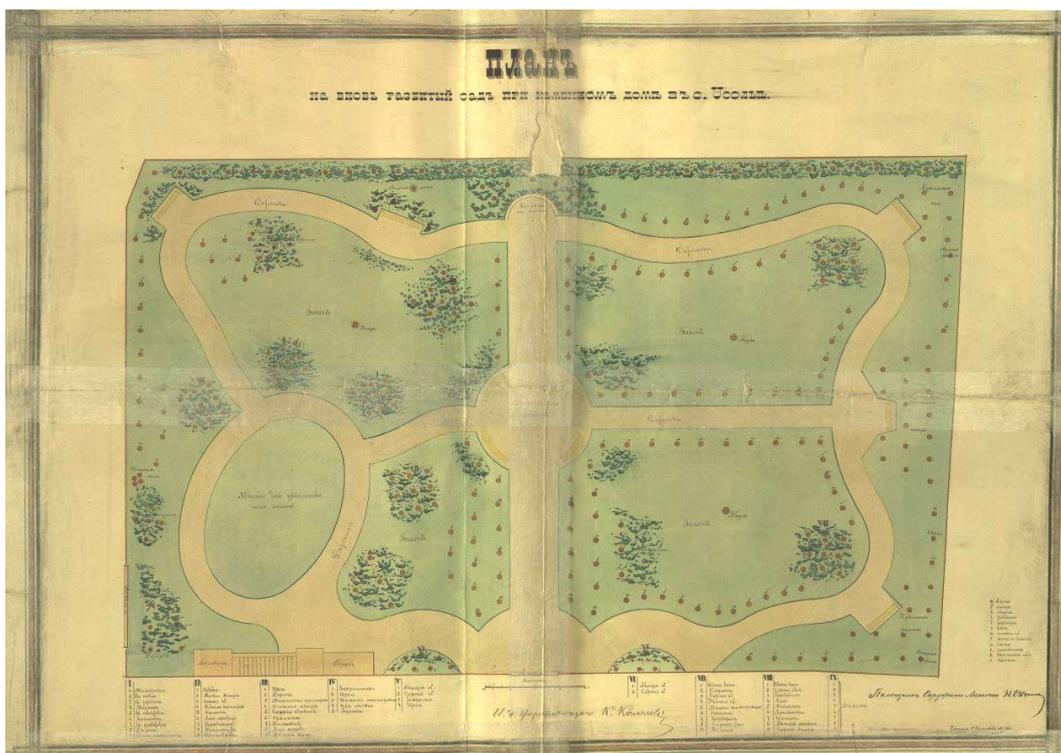

Рис. 4. ГАПК. Ф. 279. Оп. 5. Д. 396.

План вновь разбитого сада при каменном доме села Усоле, 1894 г.

Рис. 5. БИХМ. КП-1710-5. Усоле. Вид сверху. 1950-е гг. Фрагмент

Мы не знаем, удалось ли в полной мере воплотить в жизнь этот проект, однако сохранившиеся фотографии первой половины XX в. показывают, что частично он был реализован [БИХМ. КП-1710/5]. Вероятно, парк существенно трансформировался после муниципализации всех частновладельческих строений и передачи бывшей господской усадьбы под нужды детского сада. После нескольких десятков лет запустения сад дошел до нас со значительными утратами – его планировка не сохранилась, на территории произрастают лиственницы и липы. В настоящее время размеры сада составляют 80х60 м (больше, в сравнении с обмерами рубежа XIX–XX вв., что, однако, можно списать на несовершенство картографии и геодезии в тот период).

В центре сада в начале XXI в. установлена беседка, он был огорожен чугунной оградой. В 2010-х гг. планировалось даже разбить на территории пруд, что не было реализовано, поскольку, во-первых, это не соответствовало бы исторической планировке сада, а во-вторых, требовало бы проведение спасательных археологических раскопок. Северную часть усадьбы и вовсе не пытались благоустроить. В настоящее время на ее территории произрастают дикорастущие деревья и кустарники, а каменная баня находится в руинированном состоянии. Улица Республиканская сдвинулась примерно на 10 м к северу, в результате баня расположена сейчас не на красной линии улицы, а в глубине усадьбы.

Заключение

Выявленные в фондах Государственного архива Пермского края документы позволят воссоздать близкий к первоначальному облик сада при Господском доме: его планировку, древонасаждения и расположения клумб, скамеек для отдыха и т. п.

Схема функционально-планировочной организации общественной территории (генплан)

Пермский край, город Усолье
Между двух улиц 07

- 1 Центральная площадь
- 2 Закрытый отапливаемый павильон
- 3 Спуск к воде
- 4 Площадка с шезлонгами
- 5 Пирс
- 6 Деревянный настил
- 7 Аллея
- 8 Арт-объект
- 9 Яблоневый сад
- 10 Спуск к воде
- 11 Господский сад
- 12 Перголы-навесы
- 13 Открытый павильон
- 14 Туалет
- 15 Господский дом
- 16 Типография купца М.А. Тарасова
- 17 Флигеля
- 18 Усадьба Голицына
- 19 Руины бани при господском доме

Рис. 6–8. Проект благоустройства общественной территории северной части историко-архитектурного комплекса «Усолье Строгановское».

Генплан и визуализация проектных решений

В августе 2024 г. в конкурсе проектов благоустройства IX Всероссийского конкурса проектов по благоустройству «Малые города и исторические поселения» национального проекта «Жилье и городская среда» победил проект «Между двух стихий» по благоустройству общественной территории северной части историко-архитектурного комплекса «Усолье Строгановское». В рамках проекта планируется восстановление сада при господском доме на основании сохранившегося плана 1894 г., благоустройство северной части усадьбы и обустройство площадки на берегу у типографии купца Тарасова [IX Всероссийский конкурс создания комфортной городской среды 2024]. Таким образом, с большой долей вероятности сад при господском доме в ближайшее время будет воссоздан на основании сохранившихся исторических материалов.

Список источников

1. БИХМ (Березниковский историко-художественный музей им. И. Ф. Коновалова). КП-1710/5.
2. БИХМ. КП-7118/3.
3. БИХМ. НВ-1307/38.
4. БИХМ. НВ-2764/62.
5. БИХМ. Ф. 256. Оп. 8. Д. 5.
6. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. 279. Оп. 5. Д. 395.
7. ГАПК. Ф. 279. Оп. 5. Д. 396.
8. ГАПК. Ф. 279. Оп. 7. Д. 1303.
9. ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 1861.
10. ПГКУБ им. А. М. Горького (Пермская государственная краевая универсальная библиотека им. А. М. Горького). Инв. № 255 069.
11. СКМ (Соликамский краеведческий музей). Ед. хр. 3000/11.
12. УИАМ (Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых»). КП-27/1.

Список литературы

1. IX Всероссийский конкурс создания комфортной городской среды. URL: https://fkgs-pdm-konkurs.ru/uploads/FJp67oruhO_1719162220.zip (дата обращения: 29.08.2024).
2. Безсонов С. В. Крепостные архитекторы. М. : Издательство всесоюзной академии архитектуры, 1938. 144 с.

List of sources

1. ВИМ (Bereznikovskiy istoriko-khudozhestvennyy muzey im. I. F. Konovalova) [ВИМ (Berezniki Historical and Art Museum named after I. F. Konovalov)]. KP-1710/5 (in Russ.).
2. ВИМ. KP-7118/3 (in Russ.).
3. ВИМ. NV-1307/38 (in Russ.).
4. ВИМ. NV-2764/62 (in Russ.).
5. ВИМ. F. 256, op. 8, d. 5 (in Russ.).
6. GAPK (Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya) [GAPK (State Archive of the Perm Krai)]. F. 279, op. 5, d. 395 (in Russ.).

7. GAPK. F. 279, op. 5, d. 396 (in Russ.).
8. GAPK. F. 279, op. 7, d. 1303 (in Russ.).
9. GAPK. F. 716, op. 3, d. 1861 (in Russ.).
10. PGKUB im. A. M. Gorkogo (Permskaya gosudarstvennaya kraevaya universalnaya biblioteka im. A. M. Gorkogo) [PGKUB im. A. M. Gorkogo (Perm State Regional Universal Library named after A. M. Gorky)]. Inv. № 255 069 (in Russ.).
11. SKM (Solikamskiy kraevedcheskiy muzey) [SKM (Solikamsk Museum of Local Lore)]. Ed. hr. 3000/11 (in Russ.).
12. UIAM (Usolskiy istoriko-arkhitekturnyy muzey «Palaty Stroganovykh») [UIAM (Usolye Historical and Architectural Museum «Chambers of the Stroganovs»)]. KP-27/1.

References

1. IX Vserossiyskiy konkurs sozdaniya komfortnoy gorodskoy sredy [IX All-Russian competition for the creation of a comfortable urban environment] (in Russ.) Available at: https://fkgs-pdm-konkurs.ru/uploads/FJp67opuhO_1719162220.zip (accessed: 2024).
2. Bezsonov S. V. Krepostnye arkhitektory [Serf architects]. Moscow, izdatelstvo vsesoyuznoy akademii arkhitektury, 1938, 144 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Ю. В. Бушмакина – ученый секретарь, Пермская государственная краевая универсальная библиотека им. А. М. Горького; старший преподаватель, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

Yu. V. Bushmakina – Scientific Secretary, Perm State Regional Universal Library named after A. M. Gorky; Senior Lecturer, Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 05.11.2024; одобрена после рецензирования 15.12.2024; принята к публикации 28.12.2024.

The article was submitted 05.11.2024; approved after reviewing 15.12.2024; accepted for publication 28.12.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 15–23.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 18. P. 15-23.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.24412/2713-0231-2025-18-15-23

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ АПЕЛЛЯТИВНОСТИ В ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ ПОЛИТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ Г. БРАУНА)

Катерина Юрьевна Гладкова¹, Мая Акмырадова²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ Katerina_G_L@mail.ru

² mayaakmyradova9@gmail.com

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования категории апеллятивности в публичной речи политика. Актуальность исследования обусловлена тем, что, во-первых, функция воздействия является доминантной функцией публицистического текста, и она играет немаловажную роль в жанре публичной речи. Во-вторых, в политическом дискурсе категория апеллятивности служит реализации его основных функций, в частности борьбы за власть. В качестве материала исследования в рамках данной статьи выбрано одно из публичных выступлений Г. Брауна, посвященное проблеме детского образования в условиях политического, социального или экономического кризиса, представленное на заседании ЮНИСЕФ. Целью статьи было выявить и проанализировать, какими средствами репрезентирована категория апеллятивности в публичной речи Г. Брауна. В качестве методов исследования были использованы как общенаучные (анализ, синтез, описание, обобщение, классификация, систематизация), так и собственно лингвистические (компонентный анализ, контекстуальный анализ, стилистический анализ). В результате исследования было установлено, что категория апеллятивности представлена в выбранной публичной речи комплексом лексико-грамматических средств и разнообразных стилевых ресурсов на микро- и на макроуровнях. Среди лексических средств апеллятивности нами были выявлены различные лексические повторы (полные, частичные, синонимические, антонимические, тематические), использование эмоционально окрашенной лексики и слов-усилителей, активное использование личных местоимений, использование глаголов со значением действия, преодоления, достижения. К грамматическим средствам апеллятивности в анализируемом выступлении относятся модальные глаголы, использование повелительного наклонения, синтаксические повторы, синтаксический параллелизм, анафора, эллипс. Анализ показал, что комплекс лексико-грамматических средств вместе с таким стилевыми ресурсами, как эпитет, антитеза, климакс (нарастание), с одной стороны, способствуют заострению внимания слушателей на остроте и актуальности заявленных в речи проблем, на необходимости их скорого решения, апеллируя как к рациональному, так и к эмоциональному. С другой стороны, они служат организации речи, поддержанию ее цельности и связности.

Ключевые слова: категория апеллятивности, публичная речь, политический дискурс, апеллятивная функция языка, языковые средства апеллятивности.

Для цитирования: Гладкова К. Ю., Акмырадова М. Репрезентация категории апеллятивности в публичной речи политика (на материале публичных выступлений Г. Брауна) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 15–23. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-15-23>

Original article

APPELLATIVE MEANS REPRESENTATION IN A POLITICAL PUBLIC SPEECH (BASED ON PUBLIC SPEECHES BY G. BROWN)

Katerina Yu. Gladkova¹, Maya Akmyradova²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ Katerina_G_L@mail.ru

² mayaakmyradova9@gmail.com

Abstract. The article demonstrates the results of the appellative means representation analysis based on the political public speech. The issue under consideration is being actively discussed in the contemporary linguistics as it is related to discourse studies, fundamental text properties analysis, stylistics. The research is based on UNICEF public speeches by G. Brown, dedicated to the problem of children's education in the places with severe social and economic conditions. The paper aims at the analysis of various appellative means and their functions in one of G. Brown's speeches. A complex of scientific methods both general (analysis, synthesis, description, classification, generalization) and special (contextual analysis, stylistic analysis, analysis of sentence organisation) were applied in the course of the research. The findings demonstrate that the complex of appellative means is presented both at the microlevel and the macrolevel of the speech under consideration. Various lexical means, such as different types of lexical repetition, active use personal pronouns, lexical intensifiers, dynamic verbs, as well as grammar means, i.e. modal verbs, imperative voice, syntactical parallelism, ellipsis, anaphora, and stylistic devices, epithet, antithesis, climax, all serve to appeal to the listener, addressing to the most acute and serious global questions. Moreover, the mentioned lingual means function in sustaining such fundamental speech properties, as cohesion and coherence.

Keywords: appellative means, public speech, political discourse, appellative function, text properties.

For citation: Gladkova K. Yu., Akmyradova M. Appellative means representation in a political public speech (based on public speeches by G. Brown). Humanitarian Studies. History and Philology. 2025;18:15-23. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-15-23>

Введение

Изучение категории апеллятивности не теряет своей актуальности в современном языкознании. Апеллятивность традиционно рассматривается в лингвистике как одна из существенных функций языка, ориентированная на получателя сообщения с целью воздействия [Бюлер 1993; Якобсон 1975]. С точки зрения изучения апеллятивности как текстового свойства, она служит одним из критериев типологии текстов и дискурсов [Москальская 1981; Райс 1978]. В рамках функциональной стилистики исследуются вопросы реализации данной категории в текстах разных функциональных стилей. Так, для одних стилей функция воздействия является вторичной, частной, в то время как для публицистического стиля она образует типологическую доминату текста наряду с информативной и экспрессивной функциями [Данилевская 2011: 403].

В современной лингвистике плодотворны исследования апеллятивности как функционально-семантической категории, представляющей собой совокупность разноуровневых языковых средств с семантикой прямого и косвенного побуждения, которые объединены на основе общности семантической функции [Бондарко 1978: 178]. Согласно Е. В. Комлевой, основу категории апеллятивности образует понятие апеллятивной функции языка, которая реализуется в выражении семантики побуждения к действию с использованием различных грамматических, синтаксических и стилистических средств. С ее помощью организуется воздействие адресанта на адресата для достижения желаемого результата, который может быть как речевым, так и посткоммуникативным. Кроме того, она реализует функции установления контакта с адресатом и волеизъявления адресанта сообщения [Комлева 2015].

Поскольку данное исследование проводится на материале публичного выступления британского политика, обратимся к другому ключевому понятию – понятию политического дискурса. Под политическим дискурсом мы, вслед за Е. И. Шейгал, понимаем институциональный вид дискурса, который использует собственную систему профессионально-ориентированных знаков для реализации своей центральной функции – борьбы за власть, а также ряда других функций, в частности, регулятивной, референтной и магической [Шейгал 2000]. Ключевыми концептами данного дискурса являются концепты «власть» и «политик», ценности данного дискурса сводятся также к обоснованию своего права на власть. В рамках политического дискурса реализуется широкое разнообразие жанров, центральными из которых являются, например, публичная речь политика, дебаты, голосование. В число периферийных жанров, в частности, входят интервью, памфлет, проблемная политическая статья, репортаж и другие [Шейгал 2000].

Основная часть

Целью данной статьи является выявление и анализ различных языковых средств апеллятивности в публичной речи политика. В качестве материала исследования нами выбрано публичное выступление бывшего премьер-министра Великобритании Г. Брауна на конференции ЮНИСЕФ в 2018 г. Гордон Браун (род. 1951) – британский политик, занимавший пост премьер-министра Великобритании с 2007 по 2010 г. За период своей политической деятельности с 1983 г. активно занимался вопросами экономики и финансов, а также проблемами всемирного образования и здравоохранения. Помимо политической деятельности Г. Браун является автором научных трудов на историческую и политическую тематику [ТАСС; Britannica]. В выбранном для анализа выступлении он касается проблем детского образования и условий жизни детей в кризисных ситуациях. Анализ материала позволил сделать вывод, что категория апеллятивности в выбранной нами публичной речи представлена комплексом разнообразных языковых средств разных уровней, как лексических, так и грамматических, а также посредством стилистических ресурсов семасиологии. Рассмотрим способы репрезентации данной категории в речи Г. Брауна более подробно. Обратимся к следующему примеру:

Пример 1

Education cannot wait because you have done more in a few short months facing the biggest refugee crisis since the second world war. You have done more to advance the cause of refugee education in a few short months than has been achieved in decades of conflict and struggle [Brown 2018].

В приведённом примере выявлен комплекс лексических и грамматических средств репрезентации категории апеллятивности, которые подчеркивают значимость деятельности ЮНИСЕФ в контексте кризиса беженцев и служат для создания эмоционального воздействия на слушателей. В частности, использование лексики со значением числа, количества (*more, biggest – short, few*) образует в рассматриваемом контексте антитезу «много – мало», которая служит актуализации идеи выполнения большого объема работы за малый срок. Этому также способствует грамматическая категория степени сравнения, которая усиливает семантику значительности, масштабности событий (*biggest crisis, more*). Кроме того, повтор наречия *more* и использование глагола *advance* актуализируют доминантную для контекста микротему улучшения и движения вперед. Анализ примера показал, что лексические повторы в целом служат сильным средством воздействия на слушателя. Так, повтор существительного *education* репрезентирует центральную тему речи и обращает слушателя к проблемам образования в мире. Полный тождественный повтор существительного *refugee* актуализирует одну из центральных проблем выступления, вопрос о кризисе беженцев. Помимо лексического повтора, в данном примере выявлено использование частичного синтаксического повтора *you have done more*, который образует прием подхвата, связывая представленные предложения в единый комплекс, и заостряет внимание слушателя на результатах проведенной работы. Еще одним грамматическим средством воздействия на адресата является использование категории времени глагола. В данном случае мы наблюдаем употреблением глаголов во времени Present Perfect (*you have done*), что также выражает значение результативности совершенных действий. Немаловажное в рассматриваемом контексте грамматическое средство модальности – модальный глагол *can* – актуализирует значение невозможности дальнейшего промедления и необходимости принятия мер.

Анализ данного контекста показал также использование стилевых ресурсов семасиологии, служащих репрезентации категории апеллятивности в выбранной нами речи. Например, гиперболическое сравнение *biggest refugee crisis – the Second World War* усиливает значение масштабности проблемы и вызывает эмоциональный отклик у аудитории. Это яркий пример эмоционально заряженной лексики, призванный привлечь внимание и подчеркнуть серьезность ситуации. Сравнение рассматриваемого кризиса со Второй мировой войной создает контекст огромных масштабов и потерь и подразумевает, что проблема образования беженцев столь же важна и требует немедленного решения.

Рассмотрим еще один пример, демонстрирующий использование лексико-грамматических средств апеллятивности в анализируемом выступлении:

Пример 2

Congratulations on the advances that you're making and let me also say that what you are saying today is that our promise of the sustainable development goal, that we will provide educational opportunity for all by 2030 will remain hollow and will remain an unrealized promise unless we devote our energies and more of them to securing an education for every refugee child, for every displaced child and for every child in a zone of conflict at the moment and that must be our aim [Brown 2018].

Анализируемый контекст развивает темы и проблемы рассмотренного выше примера и вместе с ним открывает выступление. Оба примера задают тон последующей речи, они настраивают слушателя на обсуждение проблемы, которая уже обозначена в начале:

проблемы детского и юношеского образования в зонах конфликта, а также в странах, где образование доступно не всем детям в силу социально-экономических и политических причин. Тональность начала выступления позитивная, праздничная, что репрезентировано на языковом уровне формулами вежливости и приветствия (*thank you, congratulations*), а также лексикой, объективирующей идею достижений, положительного результата работы (*advances*). Важно отметить, что спикер удерживает внимание аудитории на ключевых ценностях их деятельности, которыми являются цели устойчивого развития (*the sustainable development goal*) и доступность образования (*educational opportunity*). Кроме того, акцент сделан и на идее перспективы этой деятельности, на движении в будущее, что объективировано, например, посредством существительного *promise* и указания конкретной даты – 2030 г.

В рассматриваемом примере построение высказывания играет важную роль в удержании внимания аудитории на ключевой проблеме выступления. Данный контекст можно условно разделить на три смысловых блока: начало репрезентирует положительный образ изменений, ценностей, ожидаемого результата, который далее резко меняется на отрицательный образ (*hollow, unrealized promise*), а в конце спикер заостряет внимание аудитории на условии, при котором отрицательного результата можно избежать (*unless we devote our energies...*). Так, используемая лексика с положительной семантикой *congratulations, advances, sustainable development, promise, goal, opportunity*, которая репрезентирует идею достижения и благополучного результата деятельности, образует антитезу с прилагательным *hollow* и причастием *unrealized*, которые объективируют идею провала, обмана надежд, обесценивания. Этот резкий переход от положительного эмоционального настроения к отрицательному призван обратить внимание аудитории на большую значимость и ответственность проводимой работы, на последствия ее невыполнения для людей. Несомненно, еще одним средством апеллятивности в данном контексте является использование лексики, которая репрезентирует значение личного вклада, личной вовлеченности каждого участника деятельности в процесс, например, глаголов *devote, provide, secure*, существительных *promise, energy, aim*, наречия *more*. Повтор личного местоимения *we*, объединяющего спикера с аудиторией, заостряет внимание на этой идее.

В анализируемом контексте можно проследить и определенную динамику развития мысли, что репрезентировано повтором существительного *promise*, формы глагола в будущем времени *will remain*, синтаксическим параллелизмом (*for every refugee child, for every displaced child and for every child in a zone of conflict*), а также посредством приема градации (*refugee child – displaced child – child in a zone of conflict*). Немаловажным грамматическим средством апеллятивности в данном примере, как и в предыдущем, является использование категории времени глагола. Так, настоящее длительное время (*you are making*) актуализирует значение настоящего и семантику процессуальности, активности развития деятельности в настоящий момент; использование будущего простого времени (*will remain*) служит репрезентации возможных будущих результатов настоящей деятельности. Важно отметить, что твердость намерений, выражаемая спикером, его призыв к действию объективированы и посредством модального глагола *must*, выражающего семантику необходимости, обязательности.

Наконец, обратимся в качестве примера к финалу выступления Г. Брауна:

Пример 3

Let us mainstream provision for refugees so that every refugee child has exactly the same rights in the countries therein as every other child in that country, the right and the opportunity to a decent education. Let us mean what we say when we say we are going to be the first generation in history where every child is at school. Let us ensure that that means every refugee child, every displaced child, every child in a conflict zone. This is the challenge of our generation facing this huge refugee crisis, and we can win it, all of us, by acting together. Thank you [Brown 2018].

В рассматриваемом контексте анафора (*Let us*) играет ключевую роль как в организации высказывания, так и в обращении к аудитории. Она также актуализирует семантику следующих за ней глаголов *mainstream*, *mean*, *ensure*, которые репрезентируют ценности осуществляемой деятельности, а именно обеспечение беженцев поддержкой, создание равных условий в получении образования. Синтаксический повтор однородных дополнений (*every refugee child, every displaced child, every child in a conflict zone*), который был использован спикером в начале речи, служит заострению внимания аудитории на ключевой проблеме речи, на цели проводимой деятельности, а также организует кольцевую композицию выступления.

На лексическом уровне повторы являются важным средством репрезентации категории апеллятивности в анализируемом контексте. Так, лексические повторы (*refugee – refugees, child, refugee child, right*) акцентируют внимание аудитории на проблеме прав детей-беженцев. Неоднократный полный и частичный лексический повтор личного местоимения *we* (*we – us – our*) вместе с наречием *together* актуализируют идею личной ответственности представителей ЮНИСЕФ за реализацию результатов своей деятельности. Частотный повтор атрибута *every* (*every refugee child, every child, every other child* и т. д.) усиливает эмоциональное воздействие на аудиторию, акцентирует идею необходимости решения обозначенных проблем в отношении каждого ребенка и, таким образом, актуализирует ценность каждой детской судьбы. Немаловажным средством апеллятивности в рассматриваемом примере является использование атрибутов в функции уточнения или описания, в частности *exactly the same (rights), decent (education), the first (generation), huge (refugee crisis)*, которые способствуют репрезентации ценностей, являющихся целью деятельности ЮНИСЕФ. Идея необходимости активных действий, направленных на результат, репрезентирована также посредством глаголов (*mainstream, mean, say, ensure, win, act*), которые объективируют семантику смены состояния. Идея исключительной роли проводимой деятельности и ее ценности в изменении ситуации в мире является доминантной в финале речи и репрезентирована, в частности, словосочетаниями *the first generation in history, this huge refugee crisis, challenge of our generation*.

Анализ выступления Г. Брауна на макроуровне показал, что доминантным лексическим средством апеллятивности является повтор (*education, children, refugee crisis, opportunities, promises, hope* и др.), который не только обращает внимание слушателей на ключевые ценности деятельности ЮНИСЕФ и на центральную проблему речи, проблему детского образования, но и служит связности выступления, а также формирует его цельность. Немаловажным лексическим средством является использование существительных во множественном числе (*months, decades*), числительных (*millions, 30 million, 80 million, 4 million*), прилагательных (*short, biggest*), наречий (*more*) для объективации значения масштабности существующей проблемы, актуализации идеи необходимости ее решения.

Ценности ЮНИСЕФ и острота проблемы детского образования в условиях кризиса представлены на языковом уровне также посредством разнообразной оценочной лексики (*biggest, short, hollow, fantastic job, decent education*), а также глаголов, объективирующих семантику прогресса, уверенности, защиты, надежды (*advance, achieve, secure, provide, devote, ensure, help*). Среди грамматических средств апеллятивности в речи в целом выявлено активное использование модальных глаголов (*can, should, must, need*), выражающих семантику необходимости, возможности, обязательности, которые актуализируют идею активных действий по решению заявленной проблемы. Активно используется в речи синтаксический прием анафоры, служащий обращению внимания адресата на ценности деятельности ЮНИСЕФ. Показателен в этом отношении повтор императива *let me / let us*, который не только привлекает внимание слушателя к конкретному моменту речи, но и служит композиционной организации речи в целом.

С точки зрения композиции, речь строится на принципе со- и противопоставления достигнутых и ожидаемых результатов проводимой ЮНИСЕФ программы. Антитеза актуального и потенциального, прошлого и будущего, жизни и смерти служит не только ключевым стилистическим приемом, но и способствует реализации категории апеллятивности на макроуровне. Как показал анализ, другим важным средством обращения к аудитории является использование конкретных примеров из жизни детей, которые ждут помощи в условиях кризиса. Имена собственные (*David*), сведения о возрасте (*age 12*), увлечениях (*football*), школьных предметах (*reading*), будущей профессии (*ambition to be a doctor*), чертах характера (*making people laugh*) создают образ о живом человеке и апеллируют к чувственному, эмоциональному, заставляя задуматься о конкретной детской судьбе. Логические переходы от таких примеров к общей статистике (*only 1 %; two young children of 12 attempted suicide*) формируют антитезу «единичное – общее», обращая внимание на масштаб и всеохватность проблемы. Наконец, оптимистический пафос речи, выражающий необходимость сплоченной работы для совместного решения существующих проблем, наиболее ярко проявляющийся в начале и в финале речи, также служит способом прямого обращения к аудитории.

Заключение

В целом, проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что категория апеллятивности представлена в выбранной публичной речи комплексом лексико-грамматических средств, а также посредством стилистических ресурсов, которые вместе направлены на репрезентацию глобальной проблемы, на акцентирование ее значимости, остроты и масштабности. Выявленные средства апеллятивности не только служат обращению внимания адресата на проблему, но и воздействуют на эмоциональное начало в слушателях, вызывая чувство сопереживания.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л. : Наука, 1978. 178 с.
2. Браун Г. Энциклопедия // ТАСС. URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/braun-gordon> (дата обращения: 12.01.2025).
3. Бюлер К. Теория языка. М. : Прогресс, 1993. 504 с.

4. Данилевская Н. В. Стилиевые функции речевых разновидностей // Стилистический энциклопедический словарь / под ред. Кожиной М. Н. М. : ФЛИНТА, Наука, 2011. С. 401–403. EDN: WXZZBL
5. Комлева Е. В. Функционально-семантическая категория апеллятивности как фактор текстообразования (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2015. 45 с.
6. Москальская О. И. Грамматика текста. М. : Высшая школа, 1981. 184 с.
7. Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 202–228. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/reiss-78.htm> (дата обращения: 20.02.2025).
8. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький : б/и, 1975. 175 с.
9. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., Волгоград : Перемена, 2000. 368 с. EDN: NLROTZ
10. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М. : Прогресс, 1975. С. 193–230. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm> (дата обращения: 20.01.2025).
11. Brown G. // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Gordon-Brown> (дата обращения: 12.01.2025).
12. Brown G. Education cannot wait. URL: <https://www.educationcannotwait.org/news-stories/featured-content/powerful-speech-gordon-brown-why-we-must-fund-education-refugee> (дата обращения: 10.01.2025).
13. Cambridge Dictionary Online. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 20.01.2025).

References

1. Bondarko A. V. Grammaticheskoe znachenie i smysl [Grammatical meaning and sense]. Leningrad, Nauka, 1978, 178 p. (In Russ.).
2. Braun G. Entsiklopediya [Encyclopedia]. TASS. (In Russ.). Available at: <https://tass.ru/encyclopedia/person/braun-gordon> (accessed: 12.01.2025).
3. Byuler K. Teoriya yazyka [Theory of language]. Moscow, Progress, 1993, 504 p. (In Russ.).
4. Danilevskaya N. V. Stilevye funktsii rechevykh raznovidnostey [Stylistic functions of speech varieties]. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Stylistic Encyclopedic Dictionary]. Edited by Kozhinoy M. N. Moscow, FLINTA, Nauka, 2011, pp. 401-403. (In Russ.). EDN: WXZZBL
5. Komleva E. V. Funktsional'no-semanticheskaya kategoriya apellyativnosti kak faktor tekstoobrazovaniya (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka) [The functional-semantic category of appellativeness as a factor of text formation (based on the material of the modern German language)]. Doctoral dissertation abstract. Saint Petersburg, 2015, 45 p. (In Russ.).
6. Moskal'skaya O. I. Grammatika teksta [Grammar of the text]. Moscow, Vysshaya shkola, 1981, 184 p.
7. Rays K. Klassifikatsiya tekstov i metody perevoda [Classification of texts and translation methods]. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike* [Translation Theory Issues in Foreign Linguistics]. Moscow, 1978, pp. 202-228. (In Russ.). Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/reiss-78.htm> (accessed: 20.02.2025).
8. Skrebnev Yu. M. Ocherk teorii stilistiki [Essay on the Theory of Stylistics]. Gor'kiy, b/i, 1975, 175 p. (In Russ.).

9. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. M-Volgograd, Peremena, 2000, 368 p. (In Russ.). EDN: NLROTZ
10. Jakobson R. O. Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. Strukturalizm: «za» i «protiv» [Structuralism: pros and cons]. Moscow, Progress, 1975, pp. 193-230. (In Russ.). Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm> (accessed: 20.01.2025).
11. Brown G. // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Gordon-Brown> (дата обращения: 12.01.2025).
12. Brown G. Education cannot wait. URL: <https://www.educationcannotwait.org/news-stories/featured-content/powerful-speech-gordon-brown-why-we-must-fund-education-refugee> (дата обращения: 10.01.2025).
13. Cambridge Dictionary Online. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 20.01.2025).

Информация об авторах

К. Ю. Гладкова – кандидат филологических наук, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;

М. Акмырадова – магистрант, факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

K. Yu. Gladkova – Ph. D. (Philology), Department of Linguistics and Translation,
Perm State University;

M. Akmyradova – Master's Student, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 05.02.2025; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 20.03.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 24–34.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 18. P. 24-34.

Научная статья

УДК 81'27

doi: 10.24412/2713-0231-2025-18-24-34

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ КОМБИНИРОВАННЫХ ТРИЛИНГВОВ – НОСИТЕЛЕЙ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО, РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Татьяна Сергеевна Остапенко¹, Тамара Ивановна Доценко²

^{1,2} Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

¹ ostapenko_ts@pspu.ru

² tamaradotsenko@bk.ru

Аннотация. В данной статье представлено экспериментальное исследование, направленное на изучение особого типа мультилингвизма – комбинированного трилингвизма, при котором два языка усвоены естественным способом, а третий (иностраный) язык – в учебной ситуации. Данный тип трилингвизма широко представлен в Российской Федерации в регионах с национальным компонентом. Основным инструментом для анализа комбинированного трилингвизма выбрана Динамическая Модель Мультилингвизма, которая объединяет все языковые системы индивида в единое целое и рассматривает их в процессе развития, активации, ослабления, взаимодействия и взаимовлияния. Основные положения Динамической Модели Мультилингвизма позволяют представить три известных индивиду языка в виде языковой триады, все элементы которой взаимодействуют между собой и в разной степени влияют друг на друга. С испытуемыми, студентами коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета ПГГПУ, был проведен трёхэтапный ассоциативно-вербальный эксперимент. Экспериментальным материалом для исследования выступили межъязыковые пары, репрезентирующие межъязыковые связи, имеющие различные характеристики: направления, силу и типологию. К основным типам ассоциативно-вербальных межъязыковых связей были отнесены синтагматические, парадигматические и тематические связи. Из всех межъязыковых связей, выявленных у испытуемых, большую часть составили ассоциативно-вербальные связи синтагматического типа, которые отражают предречевое состояние индивида и его готовность к речевой коммуникации на любом языке. Сопоставление с результатами аналогичного эксперимента, проведенного со студентами-билингвами, демонстрирует значительное превышение межъязыковых связей синтагматического типа у комбинированных трилингвов, так как для них процесс включения слова в линейный контекст является более привычной и естественной стратегией, ориентированной на речевую коммуникацию.

Ключевые слова: комбинированный трилингвизм, межъязыковые взаимодействия, Динамическая Модель Мультилингвизма, синтагматические, парадигматические, тематические межъязыковые связи, ассоциативно-вербальный эксперимент.

Для цитирования: Остапенко Т. С., Доценко Т. И. Межъязыковые связи в индивидуальном сознании комбинированных трилингвов – носителей коми-пермяцкого, русского и английского языков // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 24–34. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-24-34>

Original article

CROSS-LINGUISTIC LINKS IN AN INDIVIDUAL CONSCIOUSNESS OF COMBINED TRILINGUALS – SPEAKERS OF THE KOMI-PERMYAK, RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Tatiana S. Ostapenko¹, Tamara I. Dotsenko²

^{1,2} Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russia

¹ ostapenko_ts@pspu.ru

² tamaradotsenko@bk.ru

Abstract. This article presents an experimental study aimed at studying a special type of multilingualism – combined trilingualism, in which two languages are acquired naturally, and the third (foreign) language is learned in an educational situation. This type of trilingualism is widely represented in the Russian Federation on the territories with a national component. The main tool for the analysis of combined trilingualism is the Dynamic Model of Multilingualism, which unites all the linguistic systems of an individual into a single whole and considers them in the process of development, activation, weakening, interaction and mutual influence. The main principles of the Dynamic Model of Multilingualism make it possible to represent three languages known to an individual in the form of a linguistic triad, all elements of which interact with each other and influence each other to varying degrees. A three-stage associative-verbal experiment was conducted with the informants, students of the Komi-Permyak-Russian Department of the Faculty of Philology of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. The experimental material for the study was cross-linguistic pairs representing cross-linguistic links having different characteristics: directions, strength and typology. The main types of associative-verbal cross-linguistic links were syntagmatic, paradigmatic and thematic links. Of all the cross-linguistic links identified in the informants, the majority consisted of associative-verbal links of the syntagmatic type, which reflect the pre-speech state of the individual and his readiness for speech communication in any language. A comparison with the results of a similar experiment conducted with bilingual students demonstrates a significant excess of cross-linguistic links of the syntagmatic type in combined trilinguals, since for them the process of including a word in a linear context is a more familiar and natural strategy focused on speech communication.

Keywords: multilingualism, combined trilingualism, cross-language interactions, A Dynamic Model of Multilingualism, syntagmatic, paradigmatic, thematic cross-language links, associative-verbal experiment

For citation: Ostapenko T. S., Dotsenko T. I. Cross-linguistic links in an individual consciousness of combined trilinguals – speakers of the Komi-permyak, Russian and English languages. Humanitarian Studies. History and Philology. 2025;18:24-34. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-24-34>

Введение

В последние десятилетия в исследованиях языкового сознания носителей двух и более языков наблюдается конкуренция двух научных парадигм: билингвизма и три-/мультилингвизма, строящихся на разных онтологических и методологических основаниях. Обычно трилингвизм определяется как “сосуществование трёх языков в речемыслительной сфере индивида, который использует эти языки в различных коммуникативных ситуациях в зависимости от цели общения, места реализации акта коммуникации и т. д.” [Барышников 2003: 52]. Изучая трилингвизм, исследователи имеют дело не с разными типами билингвизма, а с единой языковой триадой, все элементы которой взаимодействуют между

собой и оказывают влияние друг на друга. В связи с этим основной задачей исследования трилингвизма становится описание трех языковых систем, контактирующих друг с другом. При решении этой задачи было проведено достаточное количество экспериментальных исследований, предметом которых выступает языковая/речевая способность носителей трех европейских языков [Cenos 2000; Hoffmann 2001; Hammarberg 2001; Jessner 2006; Ringbom 2001].

В зависимости от способа овладения языками принято различать естественный и искусственный трилингвизм. Для естественного трилингвизма характерно овладение двумя неродными языками с раннего детства и их использование наряду с родным языком в повседневном общении. Целенаправленное изучение двух иностранных языков в учебной ситуации типично для искусственного трилингвизма [Баграмова 2005: 15]. На многочисленных территориях современной России, включая территорию Пермского края, массово представлен особый тип трилингвизма: сочетание национально-русского / русско-национального двуязычия естественного типа с усвоением третьего (иностранного) языка в условиях учебной ситуации. Такой тип многоязычия, мы предлагаем называть *комбинированным трилингвизмом* [Остапенко 2019; Лещенко, Доценко, Остапенко 2021: 38]. Влияние естественного билингвизма на усвоение третьего, иностранного, языка не вызывает сомнений у современных исследователей, поэтому можно было бы ожидать появления большого количества работ с учетом языковой ситуации РФ, увязывающих лингводидактические теории «SLA / TLA» (Second Language Acquisition / Third Language Acquisition – усвоение второго / третьего языка в учебных условиях) с психолингвистическими аспектами усвоения нового языка. Однако такие работы встречаются крайне редко [Дианова 2011; Махмудова 2016; Мир на Северном Кавказе ... 2004], хотя комбинированный трилингвизм является типичным явлением для жителей автономных республик, автономных областей и округов, а также национальных районов Российской Федерации. Жители этих территорий активно используют три языка в образовательной, официально-деловой и повседневной коммуникации.

В данной статье мы представляем результаты экспериментальных исследований межъязыковых взаимодействий трех языков: коми-пермяцкого, русского и английского, функционирующих в сознании коми-пермяков, носителей комбинированного трилингвизма, проживающих на территории Коми-Пермяцкого округа Пермского края.

Основная часть

1. Динамическая Модель Мультилингвизма Ф. Хердины и У. Йесснер

В начале 2000-х гг. лингвисты Инсбрукского университета Ф. Хердина и У. Йесснер предложили Динамическую Модель Мультилингвизма [Herdina, Yessner 2001], в которой объединили все известные индивиду языки в единую целостную систему. Главная особенность Модели – целостный холистический подход к мультилингвальным системам индивида. Данная модель представляет собой теоретическую основу для понимания языковых процессов, связанных с усвоением, изучением и использованием нескольких языков. В ее основу были положены следующие принципы:

- многоязычие – это не статичное состояние языковых систем, а динамический процесс их взаимодействия и развития;
- языковые системы, сосуществуя в едином сознании, влияют друг на друга;

– усвоение языков – это нелинейный процесс, включаясь в который одни языки могут активироваться, а другие ослабевать;

– мультилингвы демонстрируют качественно другой уровень усвоения новых и «поддержки» уже освоенных языковых систем.

Основные положения Динамической Модели Мультилингвизма оказали влияние на развитие новых тенденции в исследованиях многоязычия. «Если ранее **билингвизм** считался отправной точкой дискуссий в этой области <...>, то сейчас все чаще именно **мультилингвизм** воспринимается как “пункт отправления”» [Aronin, Singleton 2012: 6].

2. Проблема межъязыковых взаимодействий при комбинированном трилингвизме

Исследователи трилингвизма [Lago, Mosca, Garcia 2021; Westergaard, Mitrofanova et al. 2017] полагают, что если в билингвальной паре устанавливается двунаправленная связь между языками, то в трилингвальной архитектуре двунаправленная связь наблюдается между всеми ее элементами, и любой из языков может выступить в качестве источника межъязыкового влияния (*англ.* cross-linguistic influence) и межъязыковых взаимодействий (рис. 1).

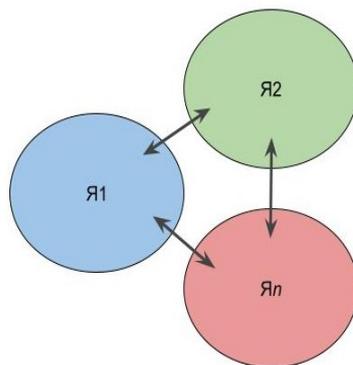

Рис. 1. Мультилингвальная система индивида

В 2013 г. в статье «Кодовые переключения как межъязыковые взаимодействия в ситуации комбинированного билингвизма (на фоне становления профессиональной лингвистической компетенции)» на материале ассоциативного эксперимента, организованного со студентами коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета ПГГПУ, носителями комбинированного трилингвизма, нами было доказано, что способ, последовательность освоения и уровень владения каждым языком оказывает влияние на направление, силу и характер связей между этими языками (рис. 2).

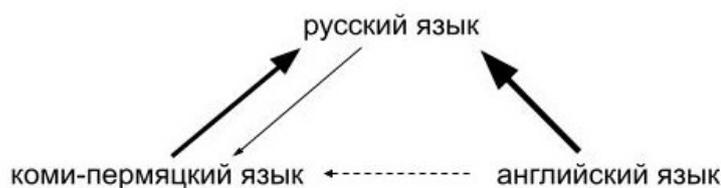

Рис. 2. Межъязыковые связи в триаде русский – коми-пермяцкий – английский языки.

На рис. 2 показано, что межъязыковые связи в сознании трилингва могут иметь как двунаправленный, так и однонаправленный характер. Двунаправленные связи наблюдаются между коми-пермяцким и русским языками. Они обеспечивают устойчивость и стабильность

естественной билингвальной подсистемы, в то время как связи между английским и русским, английским и коми-пермяцким языками являются однонаправленными, так как реже функционируют в естественной коммуникации и проходят стадию формирования.

Частота появления межъязыковых связей определяет их силу (разная частота связей на схеме обозначена стрелками разной толщины). Наиболее сильные связи обнаруживаются между английским и русским языками, так как русский язык выступает языком обучения английскому языку и, соответственно, активно включается в процесс переключения кодов. Достаточной силой обладают связи, направленные от коми-пермяцкого к русскому языку. Сила этих связей обусловлена высокой частотой переключения кодов в повседневных ситуациях речевого общения коми-пермяков. Более слабые и немногочисленные связи были обнаружены в противоположном направлении – от русского к коми-пермяцкому языку и от английского к коми-пермяцкому. В целом представленная модель соотношения межъязыковых связей по направлению и силе свидетельствует о доминирующем положении системы русского языка в языковой триаде.

Таким образом, межъязыковые взаимодействия трактуются нами как индивидуальное проявление контакта языков в сознании отдельного индивида, владеющего не одним языком. В языковом сознании комбинированных трилингвов связи между единицами разных языков могут иметь разную направленность и разную степень активации (силы). В целом комбинированный трилингвизм представляет собой сетевую структуру, приоритетным фокусом которой являются межъязыковые взаимодействия как маршруты «информационных» путей от одного языка к другому, отражающие идею языкового контакта. Отсюда перед нами встает задача описания корпуса межъязыковых связей в трилингвальном сознании индивида.

3. Метод исследования и экспериментальный материал. В психолингвистических исследованиях в качестве метода исследования языкового сознания обычно используется свободный ассоциативный эксперимент. В нашем случае ситуация ассоциативного эксперимента позволяет смоделировать триязычную коммуникативную ситуацию и вычленив в ней случаи межъязыковых взаимодействий. В экспериментальном исследовании участвовали одни и те же информанты: 64 студента коми-пермяцко-русского отделения (в возрасте 17–23 лет), обучающиеся на филологическом факультете ПГПУ по направлению «Педагогическое образование с двумя профилями подготовки: родной язык и литература и русский язык». Информанты – носители комбинированного трилингвизма, в разной степени владеющие тремя языками: коми-пермяцким, русским и английским. Методика проведения эксперимента соответствовала его классическому варианту: испытуемым предлагалось как можно быстрее ответить на каждое слово по порядку любым первым словом, пришедшим в голову. В качестве стимульного материала информантам предлагался список слов из 50 лексических единиц, имеющих переводные эквиваленты в трех языках (русском, коми-пермяцком, английском).

Эксперимент проводился в три этапа, перерыв между которыми составлял примерно 10 – 14 дней. На первом этапе каждый испытуемый получил экспериментальный бланк со списком лексических единиц на русском языке, на втором этапе – на коми-пермяцком языке, на третьем – на английском языке. При этом каждый список отличался от двух других очередностью предлагаемых слов-стимулов. В результате эксперимента было получено 3320 межъязыковых ассоциативно-вербальных пар (АВП), в которых стимул и реакция выражены разными языковыми кодами: *кывзыны* ‘слушать’ → *лекцию*; *пример* → *вайётны* ‘приводить’; *speak* ‘говорить’ → *голос*. Межъязыковая АВП представляет собой

трехкомпонентную структуру: слово-S, слово-R и процедуру взаимодействия одного языка с другим. В основе процедуры взаимодействия языков лежат два процесса: 1) трансфер знаний и 2) кодовые переключения. Оба процесса основаны на способности человека гибко использовать знания из разных языковых систем.

4. Описание и систематизация межъязыковых ассоциативно-вербальных связей

Анализ экспериментального материала показал, что межъязыковые взаимодействия в сознании комбинированных трилингвов эксплицируются разными типами ассоциативно-вербальных связей: синтагматическими, парадигматическими и тематическими.

Связи синтагматического типа основаны на актуализации линейных связей, представляющих собой сочетаемостные свойства слова-стимула [Доценко 2001: 7]. При продуцировании синтагматической ассоциации испытуемый соотносит актуализируемое в его сознании слово-реакцию с синтаксической моделью или моделями, в которых комбинируются слово-стимул и некоторое количество «валентных» ему единиц: *погода* → *бур* 'хорошая'; *вежёртны* 'понимать' → *окружающих, жизнь*; *woman* 'женщина' → *молодая, старая, умная*.

В ассоциативно-вербальных парах, объединенных парадигматическим типом связи, отражаются системные отношения между словами на основе знания семантического сходства / противопоставления слов двух языков, а также их способности замещать друг друга в некотором речевом контексте [Овчинникова 2002]: *понтётны* 'начинать' → *закончить*; *легко* → *сьёкыт* 'тяжело'; *day* 'день' → *вторник, среда*. Эти связи варьируют в широких пределах на оси «сходство-различие» и формируют в языковом сознании целый набор межъязыковых синонимов/антонимов, а также так называемых «психологических симиляров» и «оппозитов» [Залевская 1999: 286].

Тематические связи являются результатом актуализации глубинных внелингвистических смысловых ассоциаций, которые «отсылают» индивида ко всей совокупности соотносимых со словом представлений, образов, ощущений, коннотаций. В этих случаях моделируется определенный фрагмент действительности и тем самым очерчивается определенное когнитивное пространство; стимул и реакция выступают как два синтаксически относительно независимые друг от друга фрагмента, которые в совокупности представляют собой полный аналог набора ключевых слов определённой темы [Доценко, Лещенко, Остапенко 2013; Кулакова 2004; Овчинникова 2002]: *лун* 'день' → *учеба, солнце, тепло*; *женщина* → *удж* 'работа'; *speak* 'говорить' → *язык, голос*.

Количественное соотношение трех типов межъязыковых связей представлено в таблице 1.

Таблица 1. Соотношение межъязыковых синтагматических, парадигматических, тематических связей (%)

Стимулы	Связи		
	Синтагматические	Парадигматические	Тематические
Коми-пермяцкие	57,5	20,5	22
Русские	51	28	21
Английские	77	9	13

Среди межъязыковых связей в языковом сознании комбинированных трилингвов большую часть составили ассоциативно-вербальные связи синтагматического типа (табл. 1), которые отражают предречевое состояние индивида и его готовность к речевой

коммуникации на любом языке. Особое внимание обратим на то, что максимальное количество синтагматических связей было получено на стимулы английского языка (усваиваемого в искусственных условиях).

Сопоставление наших результатов с данными подобного исследования, проведенного Ю. Е. Лещенко [Лещенко 2005] с русскими студентами – искусственными билингвами, изучающими английский язык в учебной ситуации, показало, что для искусственных билингвов англо-русские межъязыковые взаимодействия обусловлены массовым поиском смыслового эквивалента в системе русского языка (более 66 %), то есть переводом английского слова. Такая стратегия во многом обусловлена методикой обучения, при которой одним из ведущих способов семантизации иноязычного слова является его перевод на родной язык [Лещенко 2016: 149–150]. Несмотря на то, что комбинированные трилингвы находятся в аналогичном контексте учебной ситуации, для них процесс включения английского слова в линейный контекст русского или коми-пермяцкого слова является более привычной и естественной стратегией, ориентированной на речевую коммуникацию, чем актуализация категориальных (парадигматических) или референтных (тематических) связей слова. Полученная нами ассоциативно-вербальная структура межъязыковых взаимодействий трех языков играет важную роль в процессах мышления, запоминания, обучения и коммуникации комбинированных трилингвов – носителей русского, коми-пермяцкого и английского языков.

Заключение

Динамическая Модель Мультилингвизма, выступающая теоретической базой для нашего исследования, представляет собой современный подход к исследованию многоязычия при анализе всех известных индивиду языков. Данная Модель позволяет объединить языки в единую целостную систему вне зависимости от уровня владения разными языками, возраста и способа их усвоения; исследовать процессы взаимовлияния и взаимодействия. В работе представлен один из вариантов этой модели, в фокусе внимания которой находятся межъязыковые взаимодействия в индивидуальном сознании носителей трех языков: коми-пермяцкого, русского и английского. Эта языковая триада определяется нами как комбинированный трилингвизм, сочетающий в себе естественный и искусственный (учебный) способы усвоения языков.

Исследование строится на экспериментальном материале более 3000 межъязыковых ассоциативно-вербальных пар, маркированных переключением языкового кода, которые были получены от студентов коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета ПГГПУ, носителей комбинированного трилингвизма.

Анализ межъязыковых ассоциативно-вербальных пар по разным основаниям показал: 1) межъязыковые связи при комбинированном трилингвизме в зависимости от способа освоения, уровня владения и частоты использования в коммуникации имеют разное направление и силу; 2) корпус межъязыковых ассоциативно-вербальных связей, репрезентирующий множество межъязыковых взаимодействий между тремя языками в индивидуальном сознании комбинированных трилингвов, характеризуется как универсальная сетевая структура перекрещивающихся синтагматических, парадигматических и тематических связей, которые обеспечивают речевую деятельность и эффективную коммуникацию в разных сферах общения: повседневной, образовательной, официально-деловой. Полученные результаты подтверждают гипотезу (первоначально сформулированную Л. В. Щербой) [Щерба 1974] о наличии и функционировании «смешанной» языковой системы в языковом сознании индивидов, владеющих двумя и более языками.

Список литературы

1. Баграмова Н. В. Лингводидактические основы обучения второму иностранному языку : учебно-методическое пособие для студентов педагогических высших учебных заведений, обучающихся по направлению «540300 (050300) – Филологическое образование». СПб. : Изд-во «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», 2005. 221 с. ISBN: 5-8064-0933-3 EDN: RVLAUF
2. Барышников Н. В. Дидактический трилингвизм // Теоретическая и экспериментальная лингводидактика. Пятигорск : Изд-во «Пятигорский государственный лингвистический университет», 2003. С. 6–15. EDN: UVLYZX
3. Башиева С. К., Дохова З. Р. Билингвизм и полилингвизм как объединяющие начала различных социокультурных обществ Северного Кавказа (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Вестник РУДН. Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 266–272. EDN: VWKWGD
4. Дианова Л. П. Актуальные проблемы межъязыкового взаимодействия // Вестник МГИМО Университета. 2011. Вып. 1. С. 260–264. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-1-16-260-264 EDN: OOSFSP
5. Доценко Т. И. О синтагматических ассоциативных структурах // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. СПб. : Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 2001. С. 7–11.
6. Доценко Т. И., Лещенко Ю. Е., Остапенко Т. С. Кодовые переключения как межъязыковые взаимодействия в ситуации комбинированного билингвизма (на фоне становления профессиональной лингвистической компетенции) // Вопросы психолингвистики. 2013. № 2 (18). С. 78–89. EDN: RGTDHH
7. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М. : Изд-во «Российский государственный гуманитарный университет», 1999. 382 с.
8. Кулакова Н. И. Внутренние и внешние связи в семантике слова : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 185 с. EDN: NNNHML
9. Лещенко Ю. Е. Становление лексикона билингва : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2005. 208 с. EDN: ZNDJSL
10. Лещенко Ю. Е. Становление межъязыковых связей в ситуации учебного билингвизма // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 2. С. 147–156. DOI: 10.15593/2224-9389/2016.2.14 EDN: WSYNPX
11. Лещенко Ю. Е., Доценко Т. И., Остапенко Т. С. Комбинированное триязычие и его влияние на языковую и когнитивную деятельность индивида: интегративная модель // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2 (109). С. 37–49. DOI: 10.22204/2587-8956-2022-109-02-37-49 EDN: SMYEQD
12. Махмудова А. Ж. Трилингвизм в условиях многонациональной школы // Молодой ученый. 2016. № 9. С. 1145–1149. EDN: VWERVJ
13. Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру : материалы IV Междунар. конгр., 21–24 сент. 2004 г. / науч. ред. Н. В. Барышников. Пятигорск : ПГЛУ, 2004. 94 с. ISBN 5-89966-456-8. EDN QTVFXP.
14. Овчинникова И. Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности : дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002. 382 с. EDN: QDUECJ
15. Остапенко Т. С. Межъязыковые исследования при комбинированном трилингвизме : дис. ...

канд. филол. наук. Пермь, 2019. 191 с. EDN: EMVDPL

16. Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. С. 60–74.
17. Aronin L., Singleton D. Multilingualism. Amsterdam / Philadelphia: J. Benjamins Publishing Company, 2012. 230 p.
18. Herdina P., Jessner U. A Dynamic Model Of Multilingualism: Perspectives of Change in Psycholinguistics. Clevedon; Buffalo; Toronto; Sydney, 2-2. 182 p.
19. Hammarberg B. Roles of L1 and L2 in L3 production and acquisition // Cross-linguistic influence in third language acquisition: Psycholinguistic perspectives / J. Cenoz, B. Hufeisen, U. Jessner (eds). Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2001. P. 21–41. DOI: 10.21832/9781853595509-003
20. Hoffmann C. Towards a description of trilingual competence // International Journal of Bilingualism. 2001. Vol. 5. № 1. P. 1–17. DOI: 10.1177/13670069010050010101
21. Jessner U. Linguistic awareness in multilinguals: English as a third language. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. 170 p.
22. Lago S., Mosca M., Garcia A. S. The Role of Cross-Linguistic Influence in Multilingual Processing: Lexicon Versus Syntax // Language Learning 71: S1. 2021. P. 163–192. DOI: 10.1111/lang.12412 EDN: YIPQTM
23. O' Laoire M., Aronin L. Exploring multilingualism in cultural contexts: Towards a notion of multilinguality // Trilingualism in family, school and community / C. Hoffmann, J. Ytsma (eds). Clevedon : Multilingual Matters, 2004. P. 11–29.
24. Ringbom H. Lexical transfer in L3 production // Cross-linguistic influence in third language acquisition: Psycholinguistic perspectives / J. Cenoz, B. Hufeisen, U. Jessner (eds). Clevedon, UK : Multilingual Matters, 2001. P. 59–68. DOI: 10.21832/9781853595509-005
25. Westergaard M., Mitrofanova N., Mykhaylyk R., & Rodina Y. (2017). Crosslinguistic influence in the acquisition of a third language: The linguistic proximity model. International Journal of Bilingualism. 2017. № 21(6). P. 666–682. DOI: 10.1177/1367006916648859
26. Williams S., Hammarberg B. Language Switches in L3 production: Implications for a polyglot speaking model // Applied Linguistics. 1998. Vol. 13(3). P. 295–333. DOI: 10.1093/applin/19.3.295 EDN: ILAYNX

References

1. Bagramova N. V. Lingvodidakticheskie osnovy obucheniya vtoromu inostrannomu yazyku [Lingvodidactic foundations of teaching a second foreign language]. Saint Petersburg, Rossiyskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. A. I. Gertsena, 2005, 221 p. (In Russ.). ISBN: 5-8064-0933-3 EDN: RVLAUF
2. Baryshnikov N. V. Didakticheskiy trilingvizm [Didactic trilingualism]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya lingvodidaktika* [Theoretical and experimental linguodidactics]. Pyatigorsk, Pyatigorskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet, 2003, pp. 6-15. (In Russ.). EDN: UVLYZX
3. Bashieva S. K., Dokhova Z. R. Bilingvizm i polilingvizm kak ob"edinyayushchie nachala razlichnykh sotsiokul'turnykh obshchestv Severnogo Kavkaza (na primere Kabardino-Balkarskoy Respubliki) [Bilingualism and polylingualism as unifying principles of various socio-cultural societies of the North Caucasus (on the example of the Kabardino-Balkarian Republic)]. *Vestnik RUDN. Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* [RUDN University. Educational issues: languages and specialization]. 2015, no. 5, pp. 266-272. (In Russ.). EDN: VWKWGD

4. Dianova L. P. Aktual'nye problemy mezh'yazykovogo vzaimodeystviya [Current issues of interlingual interaction]. *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO University Bulletin]. 2011, iss. 1, pp. 260-264. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2011-1-16-260-264 EDN: OOSFSP
5. Dotsenko T. I. O sintagmicheskikh assotsiativnykh strukturakh [On syntagmatic associative structures]. *Materialy XXX mezhvuzovskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii prepodavateley i aspirantov* [Proceedings of the XXX Interuniversity Scientific and Methodological Conference of Teachers and Postgraduates]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskiy universitet, 2001, pp. 7-11. (In Russ.).
6. Dotsenko T. I., Leshchenko Yu. E., Ostapenko T. S. Kodovye pereklyucheniya kak mezh'yazykovye vzaimodeystviya v situatsii kombinirovannogo bilingvizma (na fone stanovleniya professional'noy lingvisticheskoy kompetentsii) [Code switching as interlingual interactions in a situation of combined bilingualism (against the background of the formation of professional linguistic competence)]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of psycholinguistics]. 2013, no. 2 (18), pp. 78-89. (In Russ.). EDN: RGTDDH
7. Zalevskaya A. A. Vvedenie v psikholingvistiku [Introduction to Psycholinguistics]. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 1999, 382 p. (In Russ.).
8. Kulakova N. I. Vnutrennie i vneshnie svyazi v semantike slova [Internal and external connections in the semantics of a word]. PhD thesis. Saint Petersburg, 2004, 185 p. (In Russ.). EDN: NNNHML
9. Leshchenko Yu. E. Stanovlenie leksikona bilingva [Formation of a bilingual lexicon]. PhD thesis. Perm, 2005, 208 p. (In Russ.). EDN: ZNDJSL
10. Leshchenko Yu. E. Stanovlenie mezh'yazykovykh svyazey v situatsii uchebnogo bilingvizma [Formation of interlingual connections in the situation of educational bilingualism]. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki* [Bulletin of PNIPU. Problems of linguistics and pedagogy]. 2016, no. 2, pp. 147-156. (In Russ.). DOI: 10.15593/2224-9389/2016.2.14 EDN: WCYNPX
11. Leshchenko Yu. E., Dotsenko T. I., Ostapenko T. S. Kombinirovannoe triyazychie i ego vliyanie na yazykovuyu i kognitivnuyu deyatel'nost' individa: integrativnaya model' [Combined trilingualism and its impact on the linguistic and cognitive activity of an individual: an integrative model]. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences]. 2022, no. 2 (109), pp. 37-49. (In Russ.). DOI: 10.22204/2587-8956-2022-109-02-37-49 EDN: SMYEQD
12. Makhmudova A. Zh. Trilingvizm v usloviyakh mnogonatsional'noy shkoly [Trilingualism in a Multinational School]. *Molodoy uchenyy* [Young scientist]. 2016, no. 9, pp. 1145-1149. (In Russ.). EDN: VWERVJ
13. Mir na Severnom Kavkaze cherez yazyki, obrazovanie, kul'turu [Peace in the North Caucasus through languages, education, culture]. Pyatigorsk, PGLU, 2004, 94 p. (In Russ.). ISBN 5-89966-456-8. EDN QTVFXP.
14. Ovchinnikova I. G. Assotsiativnyy mekhanizm v rechemyslitel'noy deyatel'nosti [Associative mechanism in speech-thinking activity]. Doctoral dissertation. Saint Petersburg, 2002. 382 p. (In Russ.). EDN: QDUECJ
15. Ostapenko T. S. Mezhyazykovye issledovaniya pri kombinirovannom trilingvizme [Cross-language studies in combined trilingualism]. PhD thesis. Perm, 2019, 191 p. (In Russ.). EDN: EMVDPL
16. Shcherba L. V. O ponyatii smesheniya yazykov [On the concept of mixing languages]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad, Nauka, 1974, pp. 60-74. (In Russ.).
17. Aronin L., Singleton D. Multilingualism. Amsterdam / Philadelphia: J. Benjamins Publishing Company, 2012. 230 p.

18. Herdina P., Jessner U. A Dynamic Model Of Multilingualism: Perspectives of Change in Psycholinguistics. Clevedon; Buffalo; Toronto; Sydney, 2-2. 182 p.
19. Hammarberg B. Roles of L1 and L2 in L3 production and acquisition // Cross-linguistic influence in third language acquisition: Psycholinguistic perspectives / J. Cenoz, B. Hufeisen, U. Jessner (eds). Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2001. P. 21–41. DOI: 10.21832/9781853595509-003
20. Hoffmann C. Towards a description of trilingual competence // International Journal of Bilingualism. 2001. Vol. 5. № 1. P. 1–17. DOI: 10.1177/13670069010050010101
21. Jessner U. Linguistic awareness in multilinguals: English as a third language. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. 170 p.
22. Lago S., Mosca M., Garcia A. S. The Role of Cross-Linguistic Influence in Multilingual Processing: Lexicon Versus Syntax // Language Learning 71: S1. 2021. P. 163–192. DOI: 10.1111/lang.12412 EDN: YIPQTM
23. O' Laoire M., Aronin L. Exploring multilingualism in cultural contexts: Towards a notion of multilinguality // Trilingualism in family, school and community / C. Hoffmann, J. Ytsma (eds). Clevedon : Multilingual Matters, 2004. P. 11–29.
24. Ringbom H. Lexical transfer in L3 production // Cross-linguistic influence in third language acquisition: Psycholinguistic perspectives / J. Cenoz, B. Hufeisen, U. Jessner (eds). Clevedon, UK : Multilingual Matters, 2001. P. 59–68. DOI: 10.21832/9781853595509-005
25. Westergaard M., Mitrofanova N., Mykhaylyk R., & Rodina Y. (2017). Crosslinguistic influence in the acquisition of a third language: The linguistic proximity model. International Journal of Bilingualism. 2017. № 21(6). P. 666–682. DOI: 10.1177/1367006916648859
26. Williams S., Hammarberg B. Language Switches in L3 production: Implications for a polyglot speaking model // Applied Linguistics. 1998. Vol. 13(3). P. 295–333. DOI: 10.1093/applin/19.3.295 EDN: ILAYNX

Информация об авторах

Т.С. Остапенко – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра романо-германских языков и межкультурной коммуникации,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;

Т.И. Доценко – кандидат филологических наук, доцент, кафедра общего языкознания,
русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the authors

T. S. Ostapenko – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Romano-Germanic Languages and Cross-Cultural Communication, Perm State Humanitarian Pedagogical University;

T. I. Dotsenko – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics,
Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Teaching Languages,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 05.02.2025; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 20.03.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 35–53.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 18. P. 35-53.

Научная статья

УДК 81'36

doi: 10.24412/2713-0231-2025-18-35-53

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА: К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛЬНОМ АППАРАТЕ

Влада Вячеславовна Яркова^{1,2}

¹ Высшая школа экономики, Пермь, Россия,

² Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
vladaiarkovaa@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассматривается концептуальный аппарат функциональной грамматики, разработанной представителями Санкт-Петербургской школой под руководством А. В. Бондарко (1930–2016). Работа охватывает ключевые понятия данной теории, такие как функционально-семантическое поле и категориальная ситуация, а также их взаимодействие с понятиями системы и среды. Особое внимание уделяется особенностям данной модели грамматики, например, принципу описания «от семантики к средствам ее выражения», челночному подходу, предполагающему двустороннее описание языковых явлений. В статье рассматриваются принципы членения полей на ядерные и периферийные зоны, их классификации по типу центра, по количественному и качественному составу ядра. Дано определение функции, рассмотрены ее типы. В заключительной части работы представлены труды исследователей, которые внесли важный вклад в развитие теории функциональной грамматики. Исследование подтверждает актуальность данного подхода для анализа языковых явлений и описания закономерностей их функционирования. Представленный материал углубляет понимание рассматриваемой теории как динамической системы. Данная статья будет полезна начинающим исследователям в области функциональной грамматики, преподавателям и студентам, занимающимся теорией языка.

Ключевые слова: лингвистический функционализм, функциональная грамматика, функционально-семантическое поле, категориальная ситуация, функция, система, среда.

Для цитирования: Яркова В. В. Функциональная грамматика: к вопросу о концептуальном аппарате // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 35–53.
<https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-35-53>

Original article

FUNCTIONAL GRAMMAR: ON THE CONCEPTUAL FRAMEWORK

Vlada V. Yarkova

¹ HSE University, Perm, Russia,

² Perm State University, Perm, Russia

vladaiarkovaa@gmail.com

Abstract. The article focuses on the conceptual framework of functional grammar, developed by representatives of the St. Petersburg School under the guidance of Alexander V. Bondarko (1930–2016). The study covers the key concepts of the theory, such as the functional-semantic field and the categorial situation. It also presents the distinctive features of the grammar of functional-semantic fields and categorial situations, including the principle of description “from semantics to formal means of its expression” and the bidirectional approach, which involves analyzing linguistic phenomena from both semantic and formal perspectives. The article outlines the principles for structuring functional-semantic fields into core and peripheral zones and some classification criteria of functional-semantic fields. The final section of the article highlights the works of scholars who have made significant contributions to the development of the framework. The study confirms the relevance of the theory for analyzing linguistic phenomena and describing patterns of their functioning. This article will be of interest to undergraduate, graduate, and postgraduate researchers, as well as scholars and students engaged in the study of language theory.

Keywords: linguistics, functionalism, functional grammar, functional-semantic field, categorial situation, function, language system.

For citation: Yarkova V. V. Functional grammar: on the conceptual framework. Humanitarian Studies. History and Philology. 2025;18:35-53. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-35-53>

Введение

В современном языкознании *функционализм* представлен различными лингвистическими школами и направлениями [Чейф 1975, 1982; Bybee 1985, 1988; Bybee, Dahl 1989; Bybee, Perkins, Pagliuca 1994; Caffarel, Martin, Matthiessen 2004; Chafe 1994; Dik 1989; Foley, Van Valin 1984; Ford 1993; Fox 1987; Fox, Thompson 1990; Givón 1979a, 1979b, 1983, 1984, 1990, 1995; Halliday 1994; Halliday, Matthiessen 2004; Hopper 1987; Hopper, Thompson 1980; Mann, Mathiessen, Thompson 1992; Mann, Thompson 1986, 1988; Martin, Quiroz, Wang 2023; Mwinlaaru, Xuan 2016; Nichols 1986, 1990, 1992; Ono, Thompson 1994, 1995; Thompson, Mulac 1991; Tomlin 1986, 1995; Tomlin, Pu 1991; Van Valin 1991, 1993]. Данный подход утверждает, что «фундаментальные свойства языка не могут быть описаны и объяснены без апелляции к функциям языка» [Кибрик, Плунгян 1997: 276].

Исследования грамматического строя языка, основанные на функциональном принципе, получили название *функциональной грамматики*. К данному направлению исследований принято относить функционально-дискурсивную грамматику (англ. functional grammar) [Dik 1989], системно-функциональную грамматику (англ. functional grammar или systemic functional grammar) [Caffarel, Martin, Matthiessen 2004; Halliday 1994; Halliday, Matthiessen 2004; Martin, Quiroz, Wang 2023; Mwinlaaru, Xuan 2016], референциально-ролевою грамматику (англ. role and reference grammar) [Foley, Van Valin 1984; Van Valin 1991, 1993].

В предлагаемой работе речь идет о модели, разрабатываемой представителями Санкт-Петербургской (Ленинградской) лингвистической школы. Рассматриваемая грамматика разделяет основные принципы функционализма с вышеперечисленными теориями, однако отличается от них не только терминологически, но и способом моделирования языковой системы.

Основная часть

Теория функциональной грамматики Санкт-Петербургской школы или теория функционально-семантических полей и категориальных ситуаций была разработана под руководством А. В. Бондарко (1930–2016) в 1970-е гг. на основе его исследований в области

русской и славянской аспектологии [Воейкова 2015: 9; Воейкова, Казаковская 2019: 86–87; 2024: 97]. Идеи данного направления восходят к концепции Пражского лингвистического кружка (далее ПЛК). Основные теоретические положения сформулированы в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» в 1929 г., где язык определяется как функциональная и целенаправленная система средств выражения [ПЛК 1967: 7]. Функциональная грамматика А. В. Бондарко считается одним из ключевых направлений современной отечественной лингвистики, ориентированное на изучение и описание функций единиц строя языка (не только грамматических форм слова, но и синтаксических конструкций и лексем) и закономерностей функционирования данных единиц во взаимодействии с разноуровневыми элементами окружающей среды [ТФГ 1987: 6]. Существенный вклад в развитие основных положений данной грамматики внес Ю. С. Маслов, доказывающий, что грамматическое описание должно включать анализ широких пластов лексики [Маслов 2004].

Одним из центральных положений функциональной грамматики является использование принципа описания «от семантики к средствам ее выражения», который в дальнейшем уступает *челночному принципу описания*, предполагающему анализ не только от функций и значений к средствам их выражения, но и от средств выражения к их функциям и значениям [Бондарко 2017: 8]. Соотношение двух подходов связано с позициями говорящего (пишущего) и слушающего (читающего) [там же: 27]. Челночный принцип описания обеспечивает системный анализ языковых явлений, позволяет учесть полифункциональность языковых единиц и динамику смысловых преобразований.

Язык рассматривается через призму взаимодействия *системы* языковых средств с внешней *средой*. Система трактуется как «упорядоченные множества языковых единиц, классов, категорий и группировок, представляющие собой целостные единства, имеющие определенную структуру и соотнесенные с элементами формального выражения» [Бондарко 2011: 110]. Например, в качестве системы может выступать предложение, грамматическая категория, функционально-семантическое поле, группировка взаимосвязанных грамматических категорий и функционально-семантических полей, а в качестве объектов системы – предметы анализа, такие как словоформы и их классы, части речи и члены предложения [Бондарко 2002: 194]. Среда, в свою очередь, представляет собой «множество языковых (в части случаев также и внеязыковых) элементов, играющее по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которым она выполняет свою функцию» [Бондарко 2011: 110]. По отношению к языковым системным объектам выделяют два типа среды: *системно-языковой (парадигматической)* и *речевой*. Под парадигматической средой имеется в виду окружение языковой единицы в парадигматической системе языка, а под речевой средой – окружение языковой единицы в речи (контекст и речевая ситуация) [там же: 111].

Взаимодействие системы и среды является основополагающим фактором для осмысления реализации *функций* языковых единиц [Бондарко 2002: 197]. Функция языкового средства определяется его назначением, предназначением и целью употребления. Согласно теории функциональной грамматики, стоит различать два аспекта функции: *потенциальный* и *результативный*. Функция в потенциальном аспекте или функция-потенция – это способность языковой единицы выполнять определенное назначение и соответственно данному назначению функционировать, а функция в результативном аспекте или функция-реализация – это результат функционирования языковой единицы во взаимодействии с ее средой [там же: 339–341].

Ключевыми понятиями функциональной грамматики являются *функционально-семантическое поле* (далее ФСП) и *категориальная ситуация* (далее КС). ФСП понимается как «система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических, например), взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определенной семантической категории» [ЛЭС-Я]. Данное определение во многом опирается на исследовательские работы, посвященные проблемам полевой структуры в грамматике и связанных с ней явлений [Адмони 2004; Гулыга, Шендельс 1969, 1970; Гухман 1968; Хадеева-Быкова 1969; Щур 1970, 2018; Brunot 1965; Daneš 1966], теорию понятийных категорий [Есперсен 1958; Мещанинов 1945] и теорию модальности [Виноградов 1975]. Термин основан на метафоре, связанной с идеей пространства как сфере взаимодействия языковых средств [Адмони 2004: 47; Павлов 2001; Щур 2018]. Будучи билатеральным (двусторонним) единством, ФСП включает не только семантическую категорию (план содержания), но и комплекс языковых средств выражения ее вариантов (план выражения) [Бондарко 2017: 32].

Каждое ФСП обладает определенным рядом признаков: 1) наличие общих инвариантных семантических функций языковых элементов; 2) взаимодействие как однородных, так и разнородных языковых элементов (например, грамматических и лексических); 3) членение структуры на центр (ядро) и периферию [Бондарко 1972: 20]. Членение структуры ФСП на центральные и периферийные компоненты базируется на совокупности следующих признаков: 1) концентрация базисных семантических элементов, определяющих специфику ФСП, в центре и их разреженность на периферии; 2) сосредоточение связей языковых средств, участие в максимальном числе оппозиций в центре и их ослабление, проявление изолированности на периферии; 3) четкая ориентация языковых единиц на выражение определенных семантических функций в центре и снижение степени специализации на периферии; 4) регулярность функционирования языковых средств в центре и снижение регулярности их функционирования на периферии; 5) постепенный переход от центральных языковых элементов к периферийным и наличие пересечений полей и общих сегментов. Данные признаки образуют целостную систему [Бондарко 2017: 38–39].

ФСП классифицируются по типу центра (ядра). В зависимости от типа центра они могут быть: 1) ФСП с предикативным центром (поле аспектуальности, темпоральности, таксиса, временной локализованности, модальности, персональности, залоговости в русском языке); 2) ФСП с субъектно-объектным центром (поле субъектности, объектности, коммуникативной перспективы высказывания, определенности / неопределенности в русском языке); 3) ФСП с качественно-количественным центром (поле качественности, количественности в русском языке); 4) ФСП с предикативно-обстоятельственным центром (поле локативности, бытийности, посессивности, обусловленности в русском языке) [там же: 34].

По количественному составу ядра ФСП могут быть *моноцентрическими* и *полицентрическими*. Если поле моноцентрическое, его ядром выступает одна грамматическая категория, вокруг которой группируются остальные языковые средства. На материале русского языка можно выделить следующие моноцентрические поля: поле аспектуальности (грамматическая категория – вид глагола), поле темпоральности (грамматическая категория – глагольное время), поле персональности (грамматическая категория – лицо), поле залоговости (грамматическая категория – залог). К полицентрическим полям относятся поля, где сосуществуют несколько равноправных

центров, взаимодействующих друг с другом. В русском языке к ФСП данного типа относят поле таксиса (зависимого и независимого), поле бытийности (дискретной и недискретной), поле посессивности (атрибутивной и предикативной) [там же: 39–40].

Поля могут также различаться по качественному составу ядра. Исследователи различают *гомогенные* (целостные) и *гетерогенные* (комплексные) ФСП [Бондарко 1987: 34; Корепина 2017: 9]. Если ядро ФСП гомогенно, то центр поля состоит из единиц одного уровня языковой системы – например, морфологического (например, поле темпоральности в русском языке). В отличие от гомогенного ядра ФСП, гетерогенное включает разноуровневые средства языковой системы, например, морфологические и лексические (например, поле аспектуальности в русском языке) [Корепина 2017: 9]. Поля в разноструктурных языках, которые базируются на одной и той же семантической категории, могут иметь существенные различия по своей структуре. В качестве примера можно привести поле определенности / неопределенности в языках, где есть артикль и где его нет [Бондарко 1987: 35].

В функциональной грамматике понятие ФСП соотносится с понятием КС, которое трактуется как «выражаемая различными средствами высказывания типовая содержательная структура, а) базирующаяся на определенной семантической категории и образуемом ею в данном языке ФСП; б) представляющая собой один из аспектов общей ситуации, передаваемой высказыванием, одну из его категориальных характеристик (аспектуальную, темпоральную, модальную, локативную и т. п.)» [там же: 12]. Если ФСП – это система разноуровневых языковых средств, объединенных общей семантикой и выполняющих определенную коммуникативную функцию, то КС – это более конкретное явление, так как оно выступает в качестве «проекции» поля на конкретное высказывание, отражает репрезентации ФСП в речи [Бондарко 2017: 43]. Как и понятие ФСП, понятие КС отражает двусторонний характер языковых явлений. Анализируются содержательные структуры в единстве с их формальным выражением в высказывании [Бондарко 1987: 12].

Базируясь на определенной семантической категории, КС в некоторых случаях может сочетаться с дополнительными признаками, связанными с другими семантическими категориями. Другими словами, общая ситуация, передаваемая высказыванием, может включать несколько взаимодействующих компонентов (*доминирующих* и *фоновых*). Например, в предложенном А. В. Бондарко высказывании «*Долго догонял и наконец догнал*» доминирующими признаками аспектуальной ситуации являются направленность выражаемого действия на достижения результата, длительность действия, а фоновыми – элементы темпоральности, локализованности действия во времени, персональности, залоговости, субъектности и объектности [Бондарко 2017: 46]. При пересечении ФСП выделяют также *сопряженные* КС, которые выступают в составе комплексных ситуаций (например, аспектуально-темпоральных, аспектуально-таксисных, аспектуально-квантитативных и т. п.) [Бондарко 2002: 325].

Основные результаты исследований изложены в серии коллективных монографий «Теория функциональной грамматики» [ТФГ 1987, 1990, 1991, 1992, 1996а, 1996б]. С 2000 г. ее продолжает новая серия монографий «Проблемы функциональной грамматики», развивающая идеи А. В. Бондарко [ПФГ 2003, 2005, 2008, 2013, 2017, 2020]. Представителями Санкт-Петербургской школы активно изучаются особенности усвоения детьми разных языковых явлений. В частности, можно выделить работы, посвященные изучению процесса усвоения детьми семантических категорий и овладения способами их языкового представления [Воейкова 2011, 2023; Воейкова, Иванова 2016; Гагарина 2009; Казаковская 2015, 2021, 2022а, 2022б, 2023,

2024а, 2024б; Краснощекова 2016, 2023; Цейтлин 2000, 2009, 2015, 2020; Цейтлин, Мартынова 2023; Argus, Kazakovskaya 2023; Kazakovskaya 2020, 2022; Kazakovskaya, Voeikova 2021; Tribushinina, Voeikova, Nocetti 2015; Voeikova 2000; Voeikova, Bayda 2021; Voeikova, Krasnoshchekova 2020; Voeikova, Stephany 2015]. В 2007 г. вышла в свет коллективная монография «Семантические категории в детской речи» под редакцией С. Н. Цейтлин [СКвДР 2007]. Идеи теории функциональной грамматики находят отражение в разработке коммуникативной грамматики [Золотова 2005, 2010; Золотова, Онипенко, Сидорова 2004], аспектов функционально-коммуникативного синтаксиса [Всеволодова 2000].

Значительный вклад в развитие теории функциональной грамматики внесли ученые из Перми и Новосибирска, чьи работы посвящены изучению различных аспектов функционирования языковых единиц. Исследователями описан функциональный потенциал каузативных глаголов в динамическом аспекте на материале английского и немецкого языков [Шустова 2010], проанализировано функционирование глаголов с инкорпорированными актантами с позиции теории языковой экономии на материале английского языка [Смирнова 2013], а также изучены функциональные свойства адвербиальных единиц с семантикой итеративности в немецком языке [Комиссарова 2014]. Ряд работ посвящен анализу функциональных особенностей эмотивных каузативов в русском, немецком [Сюткина 2019] и испанском языках [Афанасьева 2024]. Считаю также важным отметить исследование семантического потенциала неглагольных элементов выражения различных таксисных значений на материале разноструктурных языков, таких как немецкий, русский, английский, нидерландский и польский [Архипова 2022].

Заключение

Модель грамматики, разрабатываемая представителями Санкт-Петербургской школы, способствует системному описанию разноуровневых средств языка, объединенных определенной семантической категорией. Исследования в данной области расширяют спектр анализируемых языковых явлений, что позволяет глубже понять механизмы и закономерности функционирования языка и его системную организацию.

Список принятых обозначений и сокращений

КС – категориальная ситуация.

ПЛК – сборник статей Пражского лингвистического кружка под ред. Н. А. Кондрашова.

ПФГ – серия коллективных монографий «Проблемы функциональной грамматики» под ред. А. В. Бондарко, М. Д. Воейковой, В. В. Казаковской, С. А. Шубика.

СКвДР – коллективная монография «Семантические категории в детской речи» под редакцией С. Н. Цейтлин.

ТФГ – серия коллективных монографий «Теория функциональной грамматики» под отв. ред. А. В. Бондарко.

ФСП – функционально-семантическое поле.

Список литературы

1. Афанасьева А. А. Функциональные особенности эмотивных каузативов (на материале русского и испанского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2024. 20 с.
2. Архипова И. В. Актуализация таксиса: межкатегориальное взаимодействие : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2022. 48 с. EDN: LXGUSL

3. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М. : Языки славянских культур, 2011. 472 с. ISBN: 978-5-9551-0513-0 EDN: RBBZLT
4. Бондарко А. В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость // Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 20–25. EDN: XZTOWL
5. Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. М. : Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 336 с. ISBN: 978-5-9500661-0-8 EDN: XMCDVB
6. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М. : Наука, 1975. С. 53–87.
7. Воейкова М. В., Иванова К. А. Семантические функции и особенности употребления отглагольных частиц дай/давай* // Труды ИРЯ РАН. 2016. № 4 (10). С. 44–56.
8. Воейкова М. Д., Казаковская В. В. Санкт-Петербургская школа функциональной грамматики // Научные школы Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб. : ИЛИ РАН, 2024. С. 97–116.
9. Воейкова М. Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М. : Знак, 2011. 328 с. ISBN: 978-5-9551-0459-1 EDN: VRRZVN
10. Воейкова М. Д. Употребление личных местоимений и координация подлежащего и сказуемого в раннем возрасте // Проблемы онтолингвистики – 2023: вариативность речевого онтогенеза. Материалы ежегодной Международной научной конференции / М. А. Еливанова, И. А. Крылова, С. В. Краснощекова (ред.). СПб. : Издательство «ВВМ», 2023. С. 13–20. EDN: YCIZKR
11. Воейкова М. Д., Казаковская В. В. Санкт-Петербургская школа функциональной грамматики: история и перспективы развития // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2019. № 1. С. 86–97. EDN: YWZBXF
12. Воейкова М. Д. Введение. Петербургская школа функциональной грамматики: история, современное состояние и направления развития // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. / отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XI, часть 1. Ред. М. Д. Воейкова, Е. Г. Сосновцева. СПб. : Наука. 2015. С. 7–21. EDN: VNHNDJ
13. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М. : УРСС, 2000. 656 с.
14. Гагарина Н. В. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 2009. 39 с. EDN: NKUQTV
15. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М. : Просвещение, 1969. 184 с.
16. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. О грамматико-лексическом подходе к языку // Лингвистика и методика в высшей школе. М. : Изд-во МГПИИЯ, 1970. С. 13–23.
17. Гухман М. М. Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М. : Наука, 1968. С. 117–174.
18. Есперсен О. Философия грамматики. М. : Изд-во иностранной литературы, 1958. 407 с.
19. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. : УРСС, 2005. 352 с. ISBN: 5-484-00236-2 EDN: QRZRJP
20. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд. 6-е. М. : Эдиториал УРСС, 2010. 368 с. EDN: RTAOVX

21. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Азбуковник, 2004. 544 с. ISBN: 5-88744-050-3 EDN: QCRAZY
22. Казаковская В. В. Диминутивы в речи, обращенной к детям и к домашним животным // Проблемы онтолингвистики – 2022: речевой мир ребенка (универсальные механизмы и индивидуальные процессы) / отв. ред. М. А. Еливанова и др. СПб. : Изд-во «ВВМ», 2022а. С. 22–27. EDN: GGLRVM
23. Казаковская В. В. От первого лица: местоименно-глагольные высказывания в русской детской речи // Acta Linguistica Petropolitana. 2024а. Т. 20. Ч. 1. С. 98–142. DOI: 10.30842/alp2306573720198142 EDN: EBSUVL
24. Казаковская В. В. Средства субъективации в текстах детей 11-12 лет: Я и Другой // Verus convictor, verus academicus. К 70-летию Николая Николаевича Казанского. СПб. : ИЛИ РАН, 2022б. С. 312–320. EDN: ZAPZOL
25. Казаковская В. В. Уменьшительно-ласкательные слова в речи подростков, обращенной к домашним животным // Русский язык в школе. 2023. № 84 (4). С. 27–42. DOI: 10.30515/0131-6141-2023-84-4-27-42 EDN: CJVYFP
26. Казаковская В. В. Конструкции с личными местоимениями в детской речи (по данным диалога «взрослый – ребенок») // Лекантовские чтения – 2021. М. : Изд-во МГОУ. 2021. С. 46–51. EDN: LBJJAE
27. Казаковская В. В. Личные местоимения и их пропуск (pro-drop) на ранних этапах усвоения языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2024б. № 2 (40). С. 133–149. DOI: 10.31912/pvrli-2024.2.8 EDN: CSIVQY
28. Казаковская В. В. Эпистемическая модальность в русской детской речи (опыт корпусного анализа) // Проблемы онтолингвистики: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции – 2015 (18–20 мая 2015 года). СПб. : ИЛИ РАН. 2015. С. 90–93. EDN: UNHJMD
29. Кибрик А. А., Плунгян В. А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной. М. : Изд-во «Московский университет», 1997. С. 267–339.
30. Комиссарова Е. С. Итеративные адвербиальные единицы в функционально-семантическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2014. 20 с. EDN: ZPJYOH
31. Корепина Н. А. К вопросу о функционально-семантической категории и ее структуре // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С. 7–11. EDN: YMKCJB
32. Краснощекова С. В. Местоименный дейксис в русской детской речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 26 с. EDN: ZQATER
33. Краснощекова С. В. Раннее анафорическое «он»: характеристики анафорических конструкций в речи детей в первые месяцы использования // Проблемы онтолингвистики – 2023: вариативность речевого онтогенеза. Материалы ежегодной Международной научной конференции / М. А. Еливанова, И. А. Крылова, С. В. Краснощекова (ред.). СПб. : Изд-во «ВВМ», 2023. С. 48–54.
34. Маслов Ю. С. Избранные труды: аспектология. Общее языкознание. М. : Языки славянской культуры, 2004. 839 с. ISBN: 5-94457-187-X EDN: QRASZX
35. Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. 1945. № 1. С. 10–19.
36. Павлов В. М. Принцип поля в грамматическом исследовании и идея противоречия // Исследования по языкознанию : сб. статей к 70-летию А. В. Бондарко. СПб. : Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 2001. С. 8–12.

37. Пражский лингвистический кружок : Сборник статей / сост., ред., предисл. Н. А. Кондрашова. М. : Прогресс, 1967, 559 с.
38. Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики / под ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубика. СПб, 2008. 470 с.
39. Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий / отв. ред. В. В. Казаковская, М. Д. Воейкова. М. : Издательский Дом ЯСК, 2020. 488 с.
40. Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры / под ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубика. СПб. : Наука, 2005. 478 с.
41. Проблемы функциональной грамматики: Предикативные категории в высказывании и целостном тексте / отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. М. : Языки славянских культур, 2017. 440 с.
42. Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации / отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. М. : Языки славянских культур, 2013. 512 с.
43. Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность / под ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубика. СПб. : Наука, 2003. 398 с.
44. Семантические категории в детской речи / отв. ред. С. Н. Цейтлин. СПб. : Нестор-История, 2007. 436 с.
45. Смирнова Е. А. Функционирование глаголов с инкорпорированными актантами (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013. 215 с. EDN: SUVNED
46. Сюткина Н. П. Функционирование эмотивных каузативов (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2019. 239 с. EDN: TWDJDZ
47. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / под ред. А. В. Бондарко. Л. : Наука, 1987. 348 с.
48. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / под ред. А. В. Бондарко. СПб. : Наука, 1996. 264 с.
49. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / под ред. А. В. Бондарко. СПб. : Наука, 1996. 229 с.
50. Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / под ред. А. В. Бондарко. СПб. : Наука, 1991. 370 с.
51. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / под ред. А. В. Бондарко. СПб. : Наука, 1992. 304 с.
52. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / под ред. А. В. Бондарко. Л. : Наука, 1990. 262 с.
53. Хадеева-Быкова А. А. К вопросу о степени сфокусированности функционально-семантических полей предложных обстоятельств (на материале английского языка) // Труды Военного института иностранных языков. М. : Военный институт иностранных языков, 1969. С. 18–26.
54. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М. : Знак, 2009. 592 с. ISBN: 978-5-9551-0351-8 EDN: RWKKTЛ
55. Цейтлин С. Н. К построению грамматики промежуточного языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2015. Т. 11. № 1. С. 515–538. EDN: VHHDRТ

56. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: лингвистика детской речи. М. : ВЛАДОС, 2000. 239 с. ISBN: 5-691-00527-8 EDN: RTRLGJ
57. Цейтлин С. Н., Мартынова А. А. К вопросу о механизмах освоения ребенком морфологии родного (русского) языка // Проблемы онтолингвистики – 2023: вариативность речевого онтогенеза : Материалы ежегодной Международной научной конференции / М. А. Еливанова, И. А. Крылова, С. В. Краснощекова (ред.). СПб. : Изд-во «ВВМ», 2023. С. 6–12. EDN: KCGDEO
58. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М. : Прогресс, 1982. С. 377–416.
59. Чейф У. Значение и структура языка. М. : Прогресс, 1975. 430 с.
60. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход : монография. Изд. 2-е, испр., дополн. Пермь : Пермский государственный университет, Прикамский социальный институт, 2010. 248 с. ISBN: 978-5-91091-033-5 EDN: SFLVYZ
61. Щур Г. С. О новом и старом в теориях поля в лингвистике // Романо-германские языки. Ярославль : Изд-во «Ярославский педагогический институт», 1970. С. 18–36.
62. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М. : Книжный дом «Либроком», 2018. 264 с.
63. Argus R., Kazakovskaya V. V. Acquisition of Diminutives in Russian and Estonian from a Typological Perspective // Diminutives across Languages, Theoretical Frameworks and Linguistic Domains / Manova S., Grestenberger L., Korecky-Kröll K. (eds.). Berlin : de Gruyter Mouton, 2023. P. 305–334. DOI: 10.1515/9783110792874-013
64. Brunot F. La Pensée et la Langue. 3 éd. Paris : Masson, 1965. 983 p.
65. Bybee J. L. Morphology as Lexical Organization // M. Hammond, M. Noonan (eds.). Theoretical Morphology: Approaches in Modern Linguistics. San Diego : Academic Press, 1988. P. 119–141. DOI: 10.1163/9789004454101_010
66. Bybee J. L. Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form. Amsterdam : John Benjamins, 1985. 246 p. DOI: 10.1075/tsl.9
67. Bybee J. L., Perkins R. D., Pagliuca W. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago : University of Chicago Press, 1994. 420 p.
68. Bybee J. L., Dahl Ö. The Creation of Tense and Aspect Systems in the Languages of the World // Studies in Language. 1989. Vol. 13. P. 51–103. DOI: 10.1075/sl.13.1.03byb
69. Chafe W. Discourse, Consciousness, and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago : University of Chicago Press, 1994. 327 p.
70. Daneš F. The Relation of Centre and Periphery as a Language Universal // Travaux Linguistiques de Prague. 1966. Vol. 2. P. 9–22.
71. Foley W. A., Van Valin R. D. Jr. Functional Syntax and Universal Grammar. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. 432 p.
72. Ford C. Grammar in Interaction: Adverbial Clauses in American English Conversation. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. 184 p. DOI: 10.1017/CBO9780511554278
73. Fox B. A. Discourse Structure and Anaphora in Written and Conversational English. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 220 p. DOI: 10.1017/CBO9780511627767
74. Fox B. A., Thompson S. A. A Discourse Explanation of the Grammar of Relative Clauses in English Conversation. Language. 1990. Vol. 66. No. 2. P. 297–316. DOI: 10.2307/414888
75. Givón T. (ed.). Discourse and Syntax. N. Y. : Academic Press, 1979. 624 p.

76. Givón T. (ed.). *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study*. Typological Studies in Language. Vol. 3. Amsterdam : John Benjamins, 1983. 492 p. DOI: 10.1075/tsl.3
77. Givón T. *Functionalism and Grammar*. Amsterdam : John Benjamins, 1995. 486 p. DOI: 10.1075/z.74
78. Givón T. *On Understanding Grammar*. New York : Academic Press, 1979. 374 p.
79. Givón T. *Syntax: A Functional-Typological Introduction*. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins, 1984. 464 p. DOI: 10.1075/z.17
80. Givón T. *Syntax: A Functional-Typological Introduction*. Vol. 2. Amsterdam : John Benjamins, 1990. 528 p.
81. Hopper P. J. *Emergent Grammar // Proceedings of the Annual Meeting of Berkeley Linguistics Society*. 1987. Vol. 13. P. 139–157. DOI: 10.3765/bls.v13i0.1834
82. Hopper P. J., Thompson S. A. *Transitivity in Grammar and Discourse // Language*. 1980. Vol. 56. No. 2. P. 251–299. DOI: 10.1353/lan.1980.0017
83. Kazakovskaya V. V. *Acquisition of Russian Nominal Derivation in Monolingualism and Bilingualism // Philologia Estonica Tallinnensis. Research Children's and Youth Multilingualism*. 2022. Vol. 7. P. 187–214. DOI: 10.22601/pet.2022.07.07 EDN: WXTYPR
84. Kazakovskaya V. V. *Epistemic Modality in the Speech of Russian Young Children and Adolescents // Philologia Estonica Tallinnensis. Languages, Orderings and Successions*. 2020. Vol. 5. P. 134–166. DOI: 10.22601/PET.2020.05.05 EDN: ZCFJOL
85. Kazakovskaya V. V., Voeikova M. D. *Acquisition of Derivational Morphology in Russian // The Acquisition of Derivational Morphology. A Cross-Linguistic Perspective [Language Acquisition and Language Disorders 66] / V. Mattes et al. (eds.)*. Amsterdam : John Benjamins, 2021. P. 170–195. DOI: 10.1075/lald.66.07kaz EDN: GLXCOG
86. Mann W. C., Matthiessen Ch. M. I. M., Thompson S. A. *Rhetorical Structure Theory and Text Analysis // Discourse Description: Diverse Linguistic Analyses of a Fund-Raising Text / W. C. Mann, S. A. Thompson (eds.)*. Amsterdam : John Benjamins, 1992. P. 39–78.
87. Mann W., Thompson S. A. *Relational Propositions in Discourse // Discourse Processes*. 1986. Vol. 9. No. 1. P. 57–90. DOI: 10.1080/01638538609544632
88. Mann W., Thompson S. A. *Rhetorical Structure Theory: A Theory of Text Organization: Toward a Functional Theory of Text Organization // Text*. 1988. Vol. 8. No. 3. P. 243–281. DOI: 10.1515/text.1.1988.8.3.243
89. Nichols J. *Head-Marking and Depending-Marking Grammar // Language*. 1986. Vol. 62. No. 1. P. 56–119. DOI: 10.1353/lan.1986.0014
90. Nichols J. *Linguistic Diversity and the First Settlement of the New World // Language*. 1990. Vol. 66. No. 3. P. 475–521. DOI: 10.2307/414609
91. Nichols J. *Linguistic Diversity in Space and Time*. Chicago : University of Chicago Press, 1992. 352 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226580593.001.0001
92. Ono T., Thompson S. A. *Unattached NPs in English Conversation // Proceeding of the Annual Meeting of Berkeley Linguistics Society*. 1994. Vol. 20. P. 402–418. DOI: 10.3765/bls.v20i1.1477
93. Ono T., Thompson S. A. *What Can Conversation Tell Us about Syntax? // P. W. Davis (ed.)*. *Alternative Linguistics: Descriptive and Theoretical Modes*. Amsterdam : John Benjamins, 1995. P. 213–272.
94. Thompson S. A., Mulac A. *The Discourse Conditions for the Use of the Complementizer That in Conversational English // Journal of Pragmatics*. 1991. Vol. 15. P. 237–251. DOI: 10.1016/0378-2166(91)90012-M

95. Tomlin R. S. *Basic Word Order: Functional Principles*. London : Croom Helm, 1986. 308 p.
96. Tomlin R. S. *Focal Attention, Voice, and Word Order: An Experimental, Cross-Linguistic Study* // P. Downing, M. Noonan (eds.). *Word Order in Discourse*. Amsterdam : John Benjamins, 1995. P. 517–554. DOI: 10.1075/tsl.30.18tom
97. Tomlin R. S., Pu M.-M. *The Management of Reference in Mandarin Discourse* // *Cognitive Linguistics*. 1991. Vol. 2. P. 117–136. DOI: 10.1515/cogl.1991.2.1.65
98. Tribushinina E., Voeikova M., Noccetti S. (eds.) *Semantics and Morphology of Early Adjectives in First Language Acquisition*. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2015. 478 p.
99. Van Valin R. D. Jr. *Advances in Role and Reference Grammar*. Amsterdam : Benjamins. 1993. 624 p. DOI: 10.1075/cilt.82
100. Van Valin R. D. Jr. *Functionalist Linguistic Theory and Language Acquisition* // *First Language*. 1991. No. 11. P. 7–40. DOI: 10.1177/014272379101103102 EDN: JLYYND
101. Voeikova M. D., Krasnoshchekova S. V. *The Use of Pronouns as a Developmental Factor in Early Russian Language Acquisition* // N. Gagarina, R. Musan (eds.). *Referential and Relational Discourse Coherence in Adults and Children*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2020. P. 171–206. DOI: 10.1515/9781501510151-008 EDN: DAGCOX
102. Voeikova M. D. *Russian Existential Sentences: A Functional Approach (Lincom Studies in Slavic Linguistics)*. München : Lincom Europa, 2000. 220 p.
103. Voeikova M. D., Bayda K. A. *Development of Directive Expressions in Russian Adult-Child Communication* // U. Stephany, A. Aksu-Koc (eds.). *Development of Modality in First Language Acquisition*. Berlin; Boston : De Gruyter Mouton, 2021. P. 113–158. DOI: 10.1515/9781501504457-004 EDN: YSIHXR
104. Voeikova M. D., Stephany U. *Requests, Their Meanings and Aspectual Forms in Early Greek and Russian Child Language* // *Journal of Greek Linguistics*. 2015. Vol. 15. No. 1. P. 66–90. DOI: 10.1163/15699846-01501002 EDN: UGFMPV

References

1. Afanas'eva A. A. *Funktsional'nye osobennosti emotivnykh kauzativov (na materiale russkogo i ispanskogo yazykov)* [Functional features of emotive causatives (based on Russian and Spanish languages)]. PhD dissertation abstract. Perm, 2024, 20 p. (In Russ.).
2. Arkhipova I. V. *Aktualizatsiya taksisa: mezhkategorial'noe vzaimodeystvie* [Taxis Actualization: Intercategory Interaction]. Doctoral dissertation abstract. Perm, 2022, 48 p. (In Russ.). EDN: LXGUSL
3. Bondarko A. V. *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki* [Categorization in the grammar system]. Moscow, *Yazyki slavyanskikh kul'tur*, 2011, 472 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-9551-0513-0 EDN: RBBZLT
4. Bondarko A. V. *K teorii polya v grammatike - zalog i zalogovost'* [Towards a field theory in grammar - pledge and pledge-ness]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics]. 1972, no. 3, pp. 20-25. (In Russ.). EDN: XZTOWL
5. Bondarko A. V. *Glagol'nye kategorii v sisteme funktsional'noy grammatiki* [Verb categories in the system of functional grammar]. 2th ed., Moscow, Izdatel'skiy Dom YaSK: *Yazyki slavyanskoy kul'tury*, 2017, 336 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-9500661-0-8 EDN: XMCDVB
6. Vinogradov V. V. *O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke* [About the category of modality and modal words in Russian]. *Izbrannyye trudy. Issledovaniya po russkoy grammatike* [Selected Works. Research on Russian Grammar]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 53-87. (In Russ.).

7. Voeykova M. V., Ivanova K. A. Semanticheskie funktsii i osobennosti upotrebleniya otglagol'nykh chastits day/davay* [Semantic functions and features of the use of verbal particles give/come on*]. *Trudy IRYa RAN* [Proceedings of the YRYa RAS]. 2016, no. 4 (10), pp. 44-56. (In Russ.).
8. Voeykova M. D., Kazakovskaya V. V. Sankt-Peterburgskaya shkola funktsional'noy grammatiki [Saint Petersburg School of Functional Grammar]. *Nauchnye shkoly Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Scientific schools of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences]. Editor-in-Chief N. N. Kazanskiy. Saint Petersburg, ILI RAN, 2024, pp. 97-116. (In Russ.).
9. Voeykova M. D. Rannie etapy usvoeniya det'mi imennoy morfologii russkogo yazyka [Early stages of children's acquisition of nominal morphology of the Russian language]. Moscow, Znack, 2011, 328 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-9551-0459-1 EDN: VRRZVN
10. Voeykova M. D. Upotreblenie lichnykh mestoimeniy i koordinatsiya podlezhashchego i skazuemogo v rannem vozraste [Use of personal pronouns and subject-predicate coordination at an early age]. *Problemy ontolingvistiki - 2023: variativnost' rechevogo ontogeneza* [Problems of Ontolinguistics - 2023: Variability of Speech Ontogenesis]. Saint Petersburg, VVM, 2023, pp. 13-20. (In Russ.). EDN: YCIZKR
11. Voeykova M. D., Kazakovskaya V. V. Sankt-Peterburgskaya shkola funktsional'noy grammatiki: istoriya i perspektivy razvitiya [St. Petersburg School of Functional Grammar: History and Development Prospects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. 2019, no. 1, pp. 86-97. (In Russ.). EDN: YWZBXF
12. Voeykova M. D. Vvedenie. Peterburgskaya shkola funktsional'noy grammatiki: istoriya, sovremennoe sostoyanie i napravleniya razvitiya [St. Petersburg School of Functional Grammar: History, Current State and Development Directions]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences]. Editor-in-Chief N. N. Kazanskiy. Vol. XI, part 1, Saint Petersburg, Nauka, 2015, pp. 7-21. (In Russ.). EDN: VHHDHJ
13. Vsevolodova M. V. Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoy (pedagogicheskoy) modeli yazyka [Theory of functional-communicative syntax: Fragment of an applied (pedagogical) model of language]. Moscow, URSS, 2000, 656 p. (In Russ.).
14. Gagarina N. V. Stanovlenie grammaticheskikh kategoriy russkogo glagola v detskoj rechi [Formation of grammatical categories of the Russian verb in children's speech]. Doctoral dissertation abstract. Saint Petersburg, 2009, 39 p. (In Russ.). EDN: NKUQTB
15. Gulyga E. V., Shendel's E. I. Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemetskom yazyke [Grammatical and lexical fields in modern German]. Moscow, Prosveshchenie, 1969, 184 p. (In Russ.).
16. Gulyga E. V., Shendel's E. I. O grammatiko-leksicheskom podkhode k yazyku [On the grammatical-lexical approach to language]. *Lingvistika i metodika v vysshey shkole* [Linguistics and Methodology in Higher Education]. Moscow, Izd-vo MGPIIYa, 1970, pp. 13-23. (In Russ.).
17. Gukhman M. M. Grammaticheskaya kategoriya i struktura paradigm [Grammatical category and structure of paradigms]. *Issledovaniya po obshchey teorii grammatiki* [Research in the General Theory of Grammar]. Moscow, Nauka, 1968, pp. 117-174. (In Russ.).
18. Espersen O. Filosofiya grammatiki [Philosophy of grammar]. Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury, 1958, 407 p. (In Russ.).
19. Zolotova G. A. Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow, URSS, 2005, 352 p. (In Russ.). ISBN: 5-484-00236-2 EDN: QRZRJP

20. Zolotova G. A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative aspects of Russian syntax]. 6th ed., Moscow, Editorial URSS, 2010, 368 p. (In Russ.). EDN: RTAOVX
21. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Communicative grammar of the Russian language]. 2th ed., Moscow, Azbukovnik, 2004, 544 p. (In Russ.). ISBN: 5-88744-050-3 EDN: QCRAZY
22. Kazakovskaya V. V. Diminutivy v rechi, obrashchennoy k detyam i k domashnim zivotnym [Diminutives in speech addressed to children and pets]. *Problemy ontolingvistiki - 2022: rechevoy mir rebenka (universal'nye mekhanizmy i individual'nye protsessy)* [Problems of Ontolinguistics - 2022: the speech world of a child (universal mechanisms and individual processes)]. Editor-in-Chief M. A. Elivanova. Saint Petersburg, VVM, 2022a, pp. 22-27. (In Russ.). EDN: GGLRVM
23. Kazakovskaya V. V. Ot pervogo litsa: mestoimenno-glagol'nye vyskazyvaniya v russkoy detskoj rechi [In the first person: pronominal-verbal statements in Russian children's speech]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2024a. T. 20. Ch. 1. С. 98-142. (In Russ.). DOI: 10.30842/alp2306573720198142 EDN: EBSUVL
24. Kazakovskaya V. V. Sredstva sub"ektivatsii v tekstakh detey 11-12 let: Ya i Drugoy [Means of subjectification in texts of children aged 11-12: Me and the Other]. *Verus convictor, verus academicus*. Saint Petersburg, ILI RAN, 2022b, pp. 312-320. (In Russ.). EDN: ZAPZOL
25. Kazakovskaya V. V. Umen'shitel'no-laskatel'nye slova v rechi podrostkov, obrashchennoy k domashnim zivotnym [Diminutives and affectionate words in the speech of teenagers addressed to pets]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2023, no. 84 (4), pp. 27-42. (In Russ.). DOI: 10.30515/0131-6141-2023-84-4-27-42 EDN: CJVYFP
26. Kazakovskaya V. V. Konstruktsii s lichnymi mestoimeniyami v detskoj rechi (po dannym dialoga «vzroslyy - rebenok») [Constructions with personal pronouns in children's speech (based on the dialogue "adult - child")]. *Lekantovskie chteniya – 2021* [Lekant Readings - 2021]. Moscow, Izd-vo MGOU, 2021, pp. 46-51. (In Russ.). EDN: LBJKAE
27. Kazakovskaya V. V. Lichnye mestoimeniya i ikh propusk (pro-drop) na rannikh etapakh usvoeniya yazyka [Personal pronouns and their pro-drop in the early stages of language acquisition]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN* [Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences]. 2024b, no. 2 (40), pp. 133-149. (In Russ.). DOI: 10.31912/pvrli-2024.2.8 EDN: CSIVQY
28. Kazakovskaya V. V. Epistemicheskaya modal'nost' v russkoy detskoj rechi (opyt korpusnogo analiza) [Epistemic modality in Russian children's speech (an attempt at corpus analysis)]. *Problemy ontolingvistiki: mekhanizmy usvoeniya yazyka i stanovlenie rechevoy kompetentsii - 2015* [Problems of ontolinguistics: mechanisms of language acquisition and development of speech competence - 2015]. Saint Petersburg, ILI RAN, 2015, pp. 90-93. (In Russ.). EDN: UNHJMD
29. Kibrik A. A., Plungyan V. A. Funktsionalizm [Functionalism]. *Fundamental'nye napravleniya sovremennoy amerikanskoy lingvistiki* [Fundamental directions of modern American linguistics]. Edited by A. A. Kibrika, I. M. Kobozevoy i I. A. Sekerinoy. Moscow, Moskovskiy universitet, 1997, pp. 267-339. (In Russ.).
30. Komissarova E. S. Iterativnye adverbial'nye edinitsy v funktsional'no-semanticheskom aspekte [Iterative adverbial units in the functional-semantic aspect]. PhD dissertation abstract. Perm, 2014, 20 p. (In Russ.). EDN: ZPJYOH
31. Korepina N. A. K voprosu o funktsional'no-semanticheskoy kategorii i ee strukture [On the issue of the functional-semantic category and its structure]. *Sotsial'naya kompetentnost'* [Social competence]. 2017, vol. 2, no. 4, pp. 7-11. (In Russ.). EDN: YMKCJB

32. Krasnoshchekova S. V. Mestoimennyy deysis v russkoy detskoy rechi [Pronominal deixis in Russian children's speech]. PhD dissertation abstract. Saint Petersburg, 2016, 26 p. (In Russ.). EDN: ZQATEP
33. Krasnoshchekova S. V. Rannee anaforicheskoe «on»: kharakteristiki anaforicheskikh konstruktsey v rechi detey v pervye mesyatsy ispol'zovaniya [Early anaphoric "he": characteristics of anaphoric constructions in children's speech in the first months of use]. *Problemy ontolingvistiki - 2023: variativnost' rechevogo ontogeneza* [Problems of Ontolinguistics - 2023: Variability of Speech Ontogenesis]. Saint Petersburg, VVM, 2023, pp. 48-54. (In Russ.).
34. Maslov Yu. S. Izbrannye trudy: aspektologiya. Obshchee yazykoznanie [Selected Works: Aspectology. General Linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, 839 p. (In Russ.). ISBN: 5-94457-187-X EDN: QRASZX
35. Meshchaninov I. I. Ponyatiynye kategorii v yazyke [Conceptual categories in language]. *Trudy Voennogo instituta inostrannykh yazykov* [Proceedings of the Military Institute of Foreign Languages]. 1945, no. 1, pp. 10-19. (In Russ.).
36. Pavlov V. M. Printsip polya v grammaticheskoy issledovaniy i ideya protivorechiya [The field principle in grammatical research and the idea of contradiction]. *Issledovaniya po yazykoznaniiyu* [Research in linguistics]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskiy universitet, 2001, pp. 8-12. (In Russ.).
37. Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok [Prague Linguistic Circle]. Edited by N. A. Kondrashova. Moscow, Progress, 1967, 559 p. (In Russ.).
38. Problemy funktsional'noy grammatiki: Kategorizatsiya semantiki [Problems of Functional Grammar: Categorization of Semantics]. Edited by A. V. Bondarko, S. A. Shubika. Saint Petersburg, 2008, 470 p. (In Russ.).
39. Problemy funktsional'noy grammatiki: Otnoshenie k govoryashchemu v semantike grammaticheskikh kategoriy [Problems of Functional Grammar: Attitude to the Speaker in the Semantics of Grammatical Categories]. Editor-in-Chief V. V. Kazakovskaya, M. D. Voeykova. Moscow, Izdatel'skiy Dom YaSK, 2020, 488 p. (In Russ.).
40. Problemy funktsional'noy grammatiki: Polevye struktury [Problems of Functional Grammar: Field Structures]. Edited by A. V. Bondarko, S. A. Shubika. Saint Petersburg, Nauka, 2005, 478 p. (In Russ.).
41. Problemy funktsional'noy grammatiki: Predikativnye kategorii v vyskazyvanii i tselostnom tekste [Problems of functional grammar: Predicative categories in the utterance and the whole text]. Editor-in-Chief A. V. Bondarko, V. V. Kazakovskaya. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2017, 440 p. (In Russ.).
42. Problemy funktsional'noy grammatiki: Printsip estestvennoy klassifikatsii [Problems of Functional Grammar: The Principle of Natural Classification]. Editor-in-Chief A. V. Bondarko, V. V. Kazakovskaya. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2013, 512 p. (In Russ.).
43. Problemy funktsional'noy grammatiki: Semanticheskaya invariantnost' / variativnost' [Problems of functional grammar: Semantic invariance / variability /]. Edited by A. V. Bondarko, S. A. Shubika. Saint Petersburg, Nauka, 2003, 398 p. (In Russ.).
44. Semanticheskie kategorii v detskoy rechi [Semantic categories in children's speech]. Editor-in-Chief S. N. Tseytlin. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2007, 436 p. (In Russ.).
45. Smirnova E. A. Funktsionirovanie glagolov s inkorporirovannymi aktantami (na materiale angliyskogo yazyka) [Functioning of verbs with incorporated actants (based on the English language)]. PhD thesis. Perm, 2013, 215 p. (In Russ.). EDN: SUVNED

46. Syutkina N. P. Funktsionirovanie emotivnykh kauzativov (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Functioning of emotive causatives (based on the Russian and German languages)]. PhD thesis. Perm, 2019, 239 p. (In Russ.). EDN: TWDJDZ
47. Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis [Functional Grammar Theory: Introduction, Aspectuality, Temporal Localization, Taxis]. Edited by A. V. Bondarko. Leningrad, Nauka, 1987, 348 p. (In Russ.).
48. Teoriya funktsional'noy grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost' [Functional Grammar Theory: Qualitative. Quantitative]. Edited by A. V. Bondarko. Saint Petersburg, Nauka, 1996, 264 p. (In Russ.).
49. Teoriya funktsional'noy grammatiki: Lokativnost'. Bytiynost'. Posessivnost'. Obuslovlennost' [Functional Grammar Theory: Locativity. Beingness. Possession. Conditionality.]. Edited by A. V. Bondarko. Saint Petersburg, Nauka, 1996, 229 p. (In Russ.).
50. Teoriya funktsional'noy grammatiki: Personal'nost'. Zalogovost' [Functional Grammar Theory: Personality. Collaterality]. Edited by A. V. Bondarko. Saint Petersburg, Nauka, 1991, 370 p. (In Russ.).
51. Teoriya funktsional'noy grammatiki: Sub"ektnost'. Ob"ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost' neopredelennost' [Theory of Functional Grammar: Subjectivity. Objectivity. Communicative perspective of the utterance. Certainty/indefiniteness]. Edited by A. V. Bondarko. Saint Petersburg, Nauka, 1992, 304 p. (In Russ.).
52. Teoriya funktsional'noy grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost' [Functional Grammar Theory: Temporality. Modality]. Edited by A. V. Bondarko. Leningrad, Nauka, 1990, 262 p. (In Russ.).
53. Khadeeva-Bykova A. A. K voprosu o stepeni sfokusirovannosti funktsional'no-semanticheskikh poley predlozhnykh obstoyatel'stv (na materiale angliyskogo yazyka) [On the issue of the degree of focus of functional-semantic fields of prepositional adverbial modifiers (based on the English language)]. *Trudy Voennogo instituta inostrannykh yazykov* [Proceedings of the Military Institute of Foreign Languages]. Moscow, Voennyi institut inostrannykh yazykov, 1969, pp. 18-26. (In Russ.).
54. Tseytlin S. N. Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi [Essays on word formation and form-building in children's speech]. Moscow, Znack, 2009, 592 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-9551-0351-8 EDN: RWKKTL
55. Tseytlin S. N. K postroeniyu grammatiki promezhutochnogo yazyka [Towards the construction of the grammar of the intermediate language]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2015. vol. 11, no. 1, pp. 515-538. (In Russ.). EDN: VHHDR
56. Tseytlin S. N. Yazyk i rebenok: lingvistika detskoj rechi [Language and the child: linguistics of children's speech]. Moscow, VLADOS, 2000, 239 p. (In Russ.). ISBN: 5-691-00527-8 EDN: RTRLGJ
57. Tseytlin S. N., Martynova A. A. K voprosu o mekhanizmax osvoeniya rebenkom morfologii rodnogo (russkogo) yazyka [On the issue of the mechanisms of a child's acquisition of the morphology of his native (Russian) language]. *Problemy ontolingvistiki - 2023: variativnost' rechevogo ontogeneza* [Problems of Ontolinguistics - 2023: Variability of Speech Ontogenesis]. Saint Petersburg, VVM, 2023, pp. 6-12. (In Russ.). EDN: KCGDEO
58. Cheyf U. Dannoe, kontrastivnost', opredelennost', podlezhashchee, topiki i tochka zreniya [Given, contrast, definiteness, subject, topics and point of view]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XI, Moscow, Progress, 1982, pp. 377-416. (In Russ.).
59. Cheyf U. Znachenie i struktura yazyka [Meaning and structure of language]. Moscow, Progress, 1975, 430 p. (In Russ.).

60. Shustova S. V. Funktsional'nye svoystva kauzativnykh glagolov: dinamicheskiy podkhod [Functional properties of causative verbs: a dynamic approach]. 2th ed.. Perm, Permskiy gosudarstvennyy universitet, Prikamskiy sotsial'nyy institut, 2010, 248 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-91091-033-5 EDN: SFLVYZ
61. Shchur G. S. O novom i starom v teoriyakh polya v lingvistike [On the new and the old in field theories in linguistics]. *Romano-germanskie yazyki* [Romano-Germanic languages]. Yaroslavl, Yaroslavskiy pedagogicheskiy institut, 1970, pp. 18-36. (In Russ.).
62. Shchur G. S. Teoriya polya v lingvistike [Field theory in linguistics]. Moscow, Knizhnyy dom «Librokom», 2018, 264 p. (In Russ.).
63. Argus R., Kazakovskaya V. V. Acquisition of Diminutives in Russian and Estonian from a Typological Perspective // *Diminutives across Languages, Theoretical Frameworks and Linguistic Domains / Manova S., Grestenberger L., Korecky-Kröll K. (eds.)*. Berlin : de Gruyter Mouton, 2023. P. 305–334. DOI: 10.1515/9783110792874-013
64. Brunot F. *La Pensée et la Langue*. 3 éd. Paris : Masson, 1965. 983 p.
65. Bybee J. L. Morphology as Lexical Organization // M. Hammond, M. Noonan (eds.). *Theoretical Morphology: Approaches in Modern Linguistics*. San Diego : Academic Press, 1988. P. 119–141. DOI: 10.1163/9789004454101_010
66. Bybee J. L. *Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form*. Amsterdam : John Benjamins, 1985. 246 p. DOI: 10.1075/tsl.9
67. Bybee J. L., Perkins R. D., Pagliuca W. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago : University of Chicago Press, 1994. 420 p.
68. Bybee J. L., Dahl Ö. The Creation of Tense and Aspect Systems in the Languages of the World // *Studies in Language*. 1989. Vol. 13. P. 51–103. DOI: 10.1075/sl.13.1.03byb
69. Chafe W. *Discourse, Consciousness, and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago : University of Chicago Press, 1994. 327 p.
70. Daneš F. The Relation of Centre and Periphery as a Language Universal // *Travaux Linguistiques de Prague*. 1966. Vol. 2. P. 9–22.
71. Foley W. A., Van Valin R. D. Jr. *Functional Syntax and Universal Grammar*. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. 432 p.
72. Ford C. *Grammar in Interaction: Adverbial Clauses in American English Conversation*. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. 184 p. DOI: 10.1017/CBO9780511554278
73. Fox B. A. *Discourse Structure and Anaphora in Written and Conversational English*. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 220 p. DOI: 10.1017/CBO9780511627767
74. Fox B. A., Thompson S. A. A Discourse Explanation of the Grammar of Relative Clauses in English Conversation. *Language*. 1990. Vol. 66. No. 2. P. 297–316. DOI: 10.2307/414888
75. Givón T. (ed.). *Discourse and Syntax*. N. Y. : Academic Press, 1979. 624 p.
76. Givón T. (ed.). *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study*. *Typological Studies in Language*. Vol. 3. Amsterdam : John Benjamins, 1983. 492 p. DOI: 10.1075/tsl.3
77. Givón T. *Functionalism and Grammar*. Amsterdam : John Benjamins, 1995. 486 p. DOI: 10.1075/z.74
78. Givón T. *On Understanding Grammar*. New York : Academic Press, 1979. 374 p.
79. Givón T. *Syntax: A Functional-Typological Introduction*. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins, 1984. 464 p. DOI: 10.1075/z.17

80. Givón T. *Syntax: A Functional-Typological Introduction*. Vol. 2. Amsterdam : John Benjamins, 1990. 528 p.
81. Hopper P. J. *Emergent Grammar* // *Proceedings of the Annual Meeting of Berkeley Linguistics Society*. 1987. Vol. 13. P. 139–157. DOI: 10.3765/bls.v13i0.1834
82. Hopper P. J., Thompson S. A. *Transitivity in Grammar and Discourse* // *Language*. 1980. Vol. 56. No. 2. P. 251–299. DOI: 10.1353/lan.1980.0017
83. Kazakovskaya V. V. *Acquisition of Russian Nominal Derivation in Monolingualism and Bilingualism* // *Philologia Estonica Tallinnensis. Research Children's and Youth Multilingualism*. 2022. Vol. 7. P. 187–214. DOI: 10.22601/pet.2022.07.07 EDN: WXTYPR
84. Kazakovskaya V. V. *Epistemic Modality in the Speech of Russian Young Children and Adolescents* // *Philologia Estonica Tallinnensis. Languages, Orderings and Successions*. 2020. Vol. 5. P. 134–166. DOI: 10.22601/PET.2020.05.05 EDN: ZCFJOL
85. Kazakovskaya V. V., Voeikova M. D. *Acquisition of Derivational Morphology in Russian* // *The Acquisition of Derivational Morphology. A Cross-Linguistic Perspective [Language Acquisition and Language Disorders 66]* / V. Mattes et al. (eds.). Amsterdam : John Benjamins, 2021. P. 170–195. DOI: 10.1075/lald.66.07kaz EDN: GLXCOG
86. Mann W. C., Matthiessen Ch. M. I. M., Thompson S. A. *Rhetorical Structure Theory and Text Analysis* // *Discourse Description: Diverse Linguistic Analyses of a Fund-Raising Text* / W. C. Mann, S. A. Thompson (eds.). Amsterdam : John Benjamins, 1992. P. 39–78.
87. Mann W., Thompson S. A. *Relational Propositions in Discourse* // *Discourse Processes*. 1986. Vol. 9. No. 1. P. 57–90. DOI: 10.1080/01638538609544632
88. Mann W., Thompson S. A. *Rhetorical Structure Theory: A Theory of Text Organization: Toward a Functional Theory of Text Organization* // *Text*. 1988. Vol. 8. No. 3. P. 243–281. DOI: 10.1515/text.1.1988.8.3.243
89. Nichols J. *Head-Marking and Depending-Marking Grammar* // *Language*. 1986. Vol. 62. No. 1. P. 56–119. DOI: 10.1353/lan.1986.0014
90. Nichols J. *Linguistic Diversity and the First Settlement of the New World* // *Language*. 1990. Vol. 66. No. 3. P. 475–521. DOI: 10.2307/414609
91. Nichols J. *Linguistic Diversity in Space and Time*. Chicago : University of Chicago Press, 1992. 352 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226580593.001.0001
92. Ono T., Thompson S. A. *Unattached NPs in English Conversation* // *Proceeding of the Annual Meeting of Berkeley Linguistics Society*. 1994. Vol. 20. P. 402–418. DOI: 10.3765/bls.v20i1.1477
93. Ono T., Thompson S. A. *What Can Conversation Tell Us about Syntax?* // P. W. Davis (ed.). *Alternative Linguistics: Descriptive and Theoretical Modes*. Amsterdam : John Benjamins, 1995. P. 213–272.
94. Thompson S. A., Mulac A. *The Discourse Conditions for the Use of the Complementizer That in Conversational English* // *Journal of Pragmatics*. 1991. Vol. 15. P. 237–251. DOI: 10.1016/0378-2166(91)90012-M
95. Tomlin R. S. *Basic Word Order: Functional Principles*. London : Croom Helm, 1986. 308 p.
96. Tomlin R. S. *Focal Attention, Voice, and Word Order: An Experimental, Cross-Linguistic Study* // P. Downing, M. Noonan (eds.). *Word Order in Discourse*. Amsterdam : John Benjamins, 1995. P. 517–554. DOI: 10.1075/tsl.30.18tom

97. Tomlin R. S., Pu M.-M. The Management of Reference in Mandarin Discourse // *Cognitive Linguistics*. 1991. Vol. 2. P. 117–136. DOI: 10.1515/cogl.1991.2.1.65
98. Tribushinina E., Voeikova M., Noccetti S. (eds.) *Semantics and Morphology of Early Adjectives in First Language Acquisition*. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2015. 478 p.
99. Van Valin R. D. Jr. *Advances in Role and Reference Grammar*. Amsterdam : Benjamins. 1993. 624 p. DOI: 10.1075/cilt.82
100. Van Valin R. D. Jr. *Functionalist Linguistic Theory and Language Acquisition // First Language*. 1991. No. 11. P. 7–40. DOI: 10.1177/014272379101103102 EDN: JLYYND
101. Voeikova M. D., Krasnoshchekova S. V. The Use of Pronouns as a Developmental Factor in Early Russian Language Acquisition // N. Gagarina, R. Musan (eds.). *Referential and Relational Discourse Coherence in Adults and Children*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2020. P. 171–206. DOI: 10.1515/9781501510151-008 EDN: DAGCOX
102. Voeikova M. D. *Russian Existential Sentences: A Functional Approach (Lincom Studies in Slavic Linguistics)*. München : Lincom Europa, 2000. 220 p.
103. Voeikova M. D., Bayda K. A. Development of Directive Expressions in Russian Adult-Child Communication // U. Stephany, A. Aksu-Koc (eds.). *Development of Modality in First Language Acquisition*. Berlin; Boston : De Gruyter Mouton, 2021. P. 113–158. DOI: 10.1515/9781501504457-004 EDN: YSIHXR
104. Voeikova M. D., Stephany U. Requests, Their Meanings and Aspectual Forms in Early Greek and Russian Child Language // *Journal of Greek Linguistics*. 2015. Vol. 15. No. 1. P. 66–90. DOI: 10.1163/15699846-01501002 EDN: UGFMPV

Информация об авторе

В. В. Яркова – ассистент, департамент иностранных языков,
Высшая школа экономики; аспирант, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

V. V. Yarkova – Assistant, Department of Foreign Languages, HSE University;
Postgraduate Student, Department of Linguistics and Translation, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 05.02.2025; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 20.03.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 54–62.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 18. P. 54-62.

Научная статья

УДК 81.25

doi: 10.24412/2713-0231-2025-18-54-62

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА КВАЗИАНТРОПОНИМОВ В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ «A PSALM FOR THE WILD-BUILT» Б. ЧАМБЕРС

Ольга Александровна Баранцева¹, Ксения Олеговна Тойблатова²

^{1,2} Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

¹ barantseva@pspu.ru

² toiblatova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема перевода квазиантропонимов в ранее не переведенном на русский язык научно-фантастическом произведении Бекки Чамберс «A Psalm for the Wild-Built». Исследование предлагает новый подход к анализу и переводу авторских антропонимов, существующих только в рамках художественного произведения и характеризующих вымышленных персонажей. Проанализированы особенности семи ключевых квазиантропонимов произведения, выявлена их системность и прямая связь с жанром соларпанк. Исследование устанавливает, что большинство имен роботов-персонажей построено на соединении природных элементов, что отражает центральную идею произведения о гармоничном сосуществовании технологий и природы. На основе классификации Е. М. Божко определены типы квазиантропонимов в данном произведении и разработаны оптимальные переводческие стратегии для каждого из них. Установлено, что для квазиантропонимов с эксплицитной внутренней формой эффективно применение калькирования, в то время как для имен с имплицитной внутренней формой более подходящим является прием модуляции. Результаты исследования углубляют теоретическое понимание процессов перевода авторских антропонимов и позволяют сделать вывод о том, что перевод квазиантропонимов в научной фантастике требует учета не только лингвистических аспектов, но и жанровой специфики текста, включающей в себя эффект когнитивного отстранения.

Ключевые слова: художественный перевод, научная фантастика, квазиреалии, квазиантропонимы, эффект когнитивного отстранения.

Для цитирования: Баранцева О. А., Тойблатова К. О. Специфика перевода квазиантропонимов в научно-фантастическом произведении «A psalm for the wild-built» Б. Чамберс // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 54–62. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-54-62>

Original article

SPECIFICITY OF QUASI-ANTHROPONYM TRANSLATION IN B. CHAMBERS' SCIENCE FICTION WORK "A PSALM FOR THE WILD-BUILT"

Olga A. Barantseva¹, Ksenia O. Toiblatova²^{1,2} Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia¹ barantseva@pspu.ru² toiblatova@yandex.ru

Abstract. This article examines the problem of translating quasi-anthroponyms in Becky Chambers' science fiction work "A Psalm for the Wild-Built," which has not been previously translated into Russian. The study proposes a new approach to the analysis and translation of author-created anthroponyms that exist only within the framework of a literary work and characterize fictional characters. Seven key quasi-anthroponyms from the work are analyzed, revealing their systematic nature and direct connection to the solarpunk genre. The research establishes that most of the robot characters' names are constructed by combining natural elements, reflecting the central idea of the work about the harmonious coexistence of technology and nature. Based on E. M. Bozhko's classification, the types of the quasi-anthroponyms in this work are determined, and adequate translation strategies are developed for each of them. It has been established that for the quasi-anthroponyms with an explicit internal form, calquing is more appropriate, while for the names with an implicit internal form, modulation is more appropriate. The results of the study deepen the theoretical understanding of the processes of translating author-created anthroponyms and allow us to conclude that translation of quasi-anthroponyms in science fiction requires consideration not only of linguistic aspects but also of the genre specificity of the text, including the effect of cognitive estrangement.

Keywords: literary translation, science fiction, quasi-realia, quasi-anthroponyms, cognitive estrangement effect.

For citation: Barantseva O. A., Toiblatova K. O. Specificity of quasi-anthroponyms translation in B. Chambers' science fiction work "A psalm for the wild-built". Humanitarian Studies. History and Philology. 2025;18:54-62. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-54-62>

Введение

В современном мире художественный перевод играет важную роль в качестве инструмента межкультурного диалога [Галинская 2013; Кенжебаева 2017]. Среди множества проблем, связанных с художественным переводом, особое место занимает передача имен собственных, в частности антропонимов. Антропонимы, представляя собой существенный аспект литературного текста, соотносятся со структурными, семантическими, функциональными особенностями, обусловленными намерениями автора, темой и жанром произведения [Живоглядов 2010; Петрачковская 2013; Фонякова 1990]. Они, выступая маркерами культурно-языковой идентичности, требуют от переводчика не только лингвистической точности, но и сохранения их семантической, стилистической и символической нагрузки. В связи с этим И. Бернштейн отмечает, что «даже имея в своем распоряжении набор правил и резонансов, переводчик в конечном счете действует, подчиняясь интуиции, поступает, по русскому выражению, как бог на душу положит» [Бернштейн 1998: 248]. Рассматриваемая проблема актуальна для текстов научной фантастики, где создается специфическое ономастическое пространство [Собко 2021]. Одной из особенностей жанра является обилие квазиреалий – безэквивалентной лексики, номинирующей вымышленные реалии фантастического мира. Отдельным видом квазиреалий считаются квазиантропонимы.

В современном языкознании существует несколько подходов к определению термина «квазиантропоним». В рамках данного исследования квазиантропонимы рассматриваются как единицы, имеющие автономный статус в системе онимов и соотносящиеся с антропоморфными вымышленными одушевленными объектами, отличающимися от

человека и являющимися исключительно плодами авторской фантазии [Захарова, Бондарева, 2024]. Как и традиционные антропонимы, они не только идентифицируют персонажей, но и выступают в качестве «семантических маяков», кодируя авторские идеи о социальной структуре, технологиях или философии вымышленного мира произведения.

Основная часть

Цель данного исследования – выявить специфику перевода квазиантропонимов в ранее не переведенном научно-фантастическом произведении Бекки Чамберс «A Psalm for the Wild-Built» и определить оптимальные стратегии их передачи на русский язык. Материалом для исследования послужили 7 квазиантропонимов, отобранных методом сплошной выборки из литературного текста. Прежде чем перейти к анализу квазиантропонимов, необходимо рассмотреть ключевые особенности анализируемого жанра. Научная фантастика уходит корнями в мифологию, сказки и легенды, обладая фольклорно-сказочными структурами, а именно: управление временем, управление пространством, сказочная повествовательная структура и т. д. [Неелов 2008]. Тем не менее, современная научная фантастика значительно эволюционировала: ее определяющей особенностью стало создание альтернативных миров, основанных на научных или псевдонаучных концепциях, преимущественно связанных с будущим. В процессе этой эволюции сформировались и характерные функциональные особенности жанра, среди которых особое место занимает прогностическая функция. Согласно мнению ряда исследователей, специфика жанра заключается в опережении событий, а в его основе лежит вероятностный прогноз, возникающий из сочетания научного анализа и образного мышления [Кабанова, Селиверстова 2020: 253–254].

Наряду с прогностической функцией, определяющей характеристикой жанра является эффект «когнитивного отстранения» (cognitive estrangement). Теоретическое осмысление этого эффекта впервые предложил Дарко Сувин. Согласно его теории, научная фантастика функционирует как своеобразное «искажающее зеркало» для нашей реальности, позволяя читателю взглянуть на привычный мир через призму вымышленного, но научно обоснованного художественного пространства [Suvin 1979: 5]. Сохранение этого эффекта становится одной из ключевых задач при переводе научно-фантастических произведений, однако она часто вступает в противоречие с другими требованиями переводческого процесса. Стремясь сделать текст доступным для целевой аудитории, переводчики нередко прибегают к приему «доместикации», адаптируя инородные элементы текста под нормы принимающей культуры. Однако в контексте научной фантастики такой подход может оказаться проблематичным, поскольку именно те «чужеродные» элементы, которые переводчик стремится «одомашнить», часто необходимы для сохранения эффекта отстранения. Особенно ярко проблема поддержания баланса между сохранением «чужеродности» и адаптацией текста проявляется при переводе квазиантропонимов в научной фантастике, поскольку они могут являться ключевыми маркерами вымышленного мира. Соответственно, при их переводе переводчик сталкивается с дилеммой: адаптировать их для русскоязычного читателя или же сохранить «инаковость», тем самым поддерживая (а иногда и усиливая) эффект отстранения и авторский замысел. Рассмотрим пути решения этой дилеммы на материале перевода выбранных нами квазиантропонимов в произведении Бекки Чамберс «A Psalm for the Wild-Built».

Бекки Чамберс является одной из основоположниц жанра «соларпанк». Этот жанр научной фантастики, противопоставляющий себя антиутопии, строится на идеях оптимистичного будущего, основанного на идеях о научном и социальном прогрессе, а

также использования экологически чистых технологий. Компонент «solar» отражает не только экологичность, но и общий оптимизм данного жанра, а «punk» подчеркивает стремление к радикальным переменам [Więckowska 2022: 349–350]. В произведении Чамберс эта философия воплощается через изображение мира, где человечество нашло путь к гармоничному сосуществованию с природой, а роботы стали неотъемлемой частью этой экосистемы, что находит непосредственное отражение в системе именования персонажей-роботов в произведении. Для проведения предпереводческого анализа квазиантропонимов в произведении Бекки Чамберс мы опираемся на классификацию Е. М. Божко [Божко 2011: 189], квазиреалии (включая квазиантропонимы) делятся на: 1) ксенонимы, или квазиреалии первого порядка; 2) полионимы или квазиреалии второго и третьего порядка; 3) идионимы, или квазиреалии четвертого порядка. Сначала рассмотрим имена главных персонажей, которые являются наиболее важными для читателя, поскольку именно с ними связана большая часть сюжета.

Имя главного персонажа-человека Дех (Декс) представляет особый интерес для нашего исследования. Несмотря на то, что персонаж является человеком, а не антропоморфным объектом, это имя следует рассматривать как часть единой ономастической системы произведения. Хотя имя «Дех» фонетически близко к некоторым реальным именам (например, сокращенной форме имени Декстер), оно функционирует в тексте как авторский неологизм, не имеющий прямых аналогов, и служит одним из элементов, позволяющим автору создать эффект отчуждения. Таким образом, данное имя можно классифицировать как квазиантропоним, что позволяет включить его в общую систему авторских имен произведения. При этом данный квазиантропоним не содержит очевидных коннотаций или культурных отсылок, он лишен элементов, указывающих на определенные характеристики персонажа. Выбор такого «общего», лишённого глубокого символизма имени может быть интерпретирован как стремление автора создать максимально универсального, близкого читателю персонажа, с которым он может себя ассоциировать.

Согласно классификации Е. М. Божко [Божко 2011: 190], данный квазиантропоним относится к ксенонимам, то есть квазиреалиям первого порядка. Ксенонимы представляют собой лексические единицы, которые не обладают очевидной внутренней формой и являются чуждыми для исходного языка словами, не вызывающими конкретных ассоциаций у читателя. При переводе использовался прием транскрипции, в результате чего мы получили вариант перевода «Декс». Примечательно, что более значимым идентификатором данного персонажа выступает обращение «*sibling*», которое указывает на его принадлежность к религиозному ордену. Это подтверждается в следующем фрагменте текста: «*You're a tea monk. A disciple of Allalae.*» «*You're not just Dex, you're Sibling Dex. Ah, I apologize!*» *Mossca* pointed to the wagon. «*These symbols—I should've realized*»» [Chambers 2021: 36]. Данное обращение представляет собой модификацию традиционных монашеских титулов «*brother*» или «*sister*», отражая особенности социальной организации описываемого мира. Мы посчитали, что оптимальным решением является перевод данного титула как «*сиблинг*», что обусловлено тем, что этот термин уже существует и функционирует в русском языке как научное понятие, обозначающее кровного родственника без указания на пол. Кроме того, такой перевод позволяет сохранить намеренную гендерную нейтральность оригинала. Использование «*сиблинг*» в переводе дублирует авторскую идею о неопределенности пола персонажа, хотя и может показаться непривычным для русскоязычного читателя, сохраняя эффект отстранения.

В продолжение нашего анализа рассмотрим следующие квазиантропонимы, представляющие собой имена персонажей-роботов. Как поясняет один из них, роботы сами выбирают себе имена, основываясь на своих первых впечатлениях от окружающего мира после «пробуждения»: «*We name ourselves for the first thing we notice when we wake up*» [Chambers 2021: 33]. Следовательно, каждый квазиантропоним является репрезентацией индивидуального восприятия и самоидентификации персонажа. Сохранение этой системы смыслов важно для полноценной передачи художественного замысла при переводе.

Особого внимания заслуживает квазиантропоним «*Mosscap*» – имя второго главного персонажа-робота. В оригинале оно представляет собой сложное слово, состоящее из компонентов «*moss*» («мох») и «*cap*» («шапка», «колпак»). Для англоязычного читателя эта связь относительно прозрачна и может вызывать ассоциации с грибами, покрытыми мхом, или шапкой мха. Однако для русскоязычного читателя связь компонентов в оригинальном имени «*Mosscap*» неочевидна. Именно поэтому при переводе данного имени возникли сложности. Прямой перевод компонентов звучал бы неестественно на русском языке и не передавал бы полностью коннотации оригинала. Мы также обнаружили, что *Mosscap* является научным названием грибов рода *Rickenella*, известных симбиотическими отношениями с мхом. Однако использование научного названия такого рода представлялось нам нецелесообразным из-за его малой известности среди русскоязычных читателей.

В результате анализа мы причислили этот квазиантропоним к полионимам с имплицитной внутренней формой. Наиболее оптимальным решением при переводе нам представлялось использование приема смыслового развития или модуляции, что позволило остановиться на варианте перевода «*Моховик*». Этот выбор обусловлен стремлением переводчика сохранить связи с природой, значимой для характеристики персонажа. Данный вариант также является названием рода грибов, который удачно сохраняет связь с английским оригиналом, но при этом звучит более понятно и знакомо для русского читателя. Соответственно, выбранный вариант перевода позволяет нам сохранить основные смысловые ассоциации оригинала, несмотря на определенную степень доместикации. Данное переводческое решение успешно вписывается в общую систему именования персонажей-роботов в тексте. Следующим этапом является рассмотрение каждого из второстепенных персонажей в процессе нашего анализа. Первый из них – «*Two Foxes*» («*Два Лиса*»), представляет собой показательный случай употребления множественного числа для именования одного персонажа. Эксплицитная внутренняя форма данной лексической единицы позволяет нам классифицировать ее как квазиреалию второго порядка. Это позволяет использовать прием полного калькирования, сохраняя как структуру, так и множественное число.

Следующий квазиантропоним «*Fire Nettle*» («*Огненная Крапива*») построен на сочетании стихийного элемента (огонь) и растительного компонента (крапива). Компонент «*Fire*» может усиливать образ персонажа через создание ассоциации с крапивой, листья которой вызывают ощущение жжения, или же описывать существующий только в произведении созданный автором вид крапивы. Рассматриваемый квазиантропоним также причислен к квазиреалиям второго порядка. Аналогично переводу имени «*Two Foxes*», перевод «*Fire Nettle*» был получен в результате калькирования, что позволило сохранить эксплицитную внутреннюю форму оригинала.

Наиболее сложным является квазиантропоним «*Black Marbled Frostfrog*» («*Черная Мраморная Морозная Лягушка*»). В произведении этот персонаж посвятил все свое время наблюдению за формированием сталагмитов в пещере, что позволяет нам предположить, что

основой для создания данного антропонима послужил созданный автором образ земноводных, которых робот увидел в пещере. Несмотря на то, что название этого вида земноводных представляет собой квазиреалию, ее внутренняя форма эксплицитна. Следовательно, при переводе указанного квазиантропонима использовался прием калькирования и мы разделили сложное существительное «*Frostfrog*» на прилагательное и существительное «*Морозная Лягушка*».

В следующем квазиантропониме «*Milton's Millipede*» («*Многоножка Мильтона*») к компоненту «*millipede*» («*многоножка*») добавляется притяжательная форма имени собственного «*Milton's*». Мы считаем, что его внутренняя форма эксплицитна, поскольку понятна читателю несмотря на то, что данный квазиантропоним является квазиреалией, созданной автором для описания вида инопланетного насекомого, вероятно открытого человеком по имени Мильтон. Для его перевода мы использовали прием полного калькирования с грамматической адаптацией.

Последний квазиантропоним «*Pollen Cloud*» («*Облако Пыльца*») также имеет эксплицитную внутреннюю форму. Он состоит из двух компонентов, связанных с природными явлениями: «*pollen*» («*пыльца*») и «*cloud*» («*облако*»). При переводе также применено полное калькирование с грамматической трансформацией.

Рассмотренные квазиантропонимы позволяют выявить систему именования роботов, которой придерживается автор. Каждое имя связано с различными элементами флоры и фауны, а также природными явлениями. Подобный подход к именованию персонажей в значительной степени способствует раскрытию центральной темы произведения – гармоничного сосуществования технологий и природной среды.

Заключение

Проведенное исследование особенностей перевода квазиантропонимов в научно-фантастическом произведении Бекки Чамберс «*A Psalm for the Wild-Built*» позволило выявить системный характер именования персонажей. В ходе работы было проанализировано семь ключевых квазиантропонимов, из которых один относится к ксенонимам («*Dex*»), один является полионимом с имплицитной внутренней формой («*Mosscap*»), а пять представляют собой квазиреалии второго порядка с эксплицитной внутренней формой («*Two Foxes*», «*Fire Nettle*», «*Black Marbled Frostfrog*», «*Milton's Millipede*», «*Pollen Cloud*»). Анализ показал, что большинство имен роботов построено по принципу соединения природных элементов, что напрямую отражает центральную идею произведения о сбалансированных отношениях технологий и природы.

Выбор разных переводческих стратегий для различных типов квазиантропонимов обусловлен их функциональной ролью в тексте. Для имен с прозрачной внутренней формой, таких как «*Fire Nettle*» или «*Pollen Cloud*», прием калькирования позволяет сохранить образность и эксплицитные ассоциации оригинала. Однако в случае с «*Mosscap*» калькирование привело бы к утрате важных коннотаций и ассоциативных связей. Применение модуляции в этом случае направлено на сохранение не столько формальной структуры имени, сколько его функциональной нагрузки в тексте – связи с природным миром и грибным царством. Таким образом, выбор переводческих стратегий определяется не только лингвистическими особенностями квазиантропонимов, но и их ролью в реализации художественного замысла автора.

Соответственно, проведенное исследование демонстрирует, что перевод антропонимов в научно-фантастическом произведении требует учета не только лингвистических аспектов, но и жанровой специфики текста, поскольку жанровая специфика научной фантастики, и, в частности, поджанра «соларпанк», непосредственно влияет на переводческие решения. При переводе имен роботов, мы стремились сохранить их связь с природными элементами, что отражает центральную для соларпанка идею гармоничного сосуществования технологий и природы. Кроме того, сохранение необычных грамматических форм (например, множественное число в имени «*Два Лиса*») и использование заимствования «*сиблинг*» поддерживают эффект когнитивного отстранения, характерный для научной фантастики в целом.

Таким образом, анализ произведения и последующий выбор соответствующих переводческих стратегий позволяют успешно решать задачи художественного перевода в рамках жанра научной фантастики.

Список литературы

1. Бернштейн И. Английские имена в русских переводах // Иностранная литература. 1998. № 4. С. 247–250.
2. Божко Е. М. Квазиреалии мира фэнтези, их классификация и роль в воздействии текста перевода на получателя // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 3(131). С. 188–191. EDN: OYONUJ
3. Галинская И. Л. Художественный перевод как форма межкультурной коммуникации // Вестник культурологии. 2013. № 3. С. 222–224. EDN: RCOBQT
4. Живоглядов А. А. Роль имени собственного личного в филологическом анализе англоязычного художественного текста // Филологический журнал: межвузовский сборник статей. Вып. 17. Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное издательство, 2010. С. 54–59. EDN: XRPEKP
5. Захарова Д. В., Бондарева Л. М. Семантические особенности квазиантропонимов в текстах англоязычных фэнтезийных видеоигр // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24. № 1. С. 47–55. DOI: 10.37482/2687-1505-V320 EDN: DLXFVH
6. Кабанова Н. Е., Селиверстова М. О. К вопросу о жанровых особенностях фантастической литературы // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 5. С. 251–258. DOI: 10.5281/zenodo.3894906 EDN: FVNGBA
7. Кенжебаева Ж. Е. Роль художественного перевода в познании иной культуры // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания в иностранной аудитории: материалы II Международной научно-практической конференции, Орёл, 22 мая 2020 года. Орёл : Изд-во «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», 2020. С. 31–38. EDN: TWDUAO
8. Неелов Е. М. Еще раз о жанровой специфике фантастической литературы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2008. № 1(91). С. 100–105. EDN: OXEGYN
9. Петрачковская И. М. Значимость имени собственного в художественном тексте (на материале современной русской прозы): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 2003. 19 с.
10. Собко А. В. Значимость английских антропонимов в современных русских художественных текстах, написанных в жанре научной фантастики // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2021. № 4(127). С. 152–156. EDN: MLAMRE

11. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л. : Изд-во «Ленинградский государственный университет», 1990. 104 с.
12. Chambers B. A Psalm for the Wild-Built. USA : Tor.com. 2021. 160 p.
13. Suvin D. Metamorphoses of science fiction: on the poetics and history of a literary genre. New Haven : Yale University Press. 1979. 317 p.
14. Więckowska K. Appositions: The future in solarpunk and post-apocalyptic fiction // Text Matters: A Journal of Literature, Theory and Culture. 2022. № 12. P. 345–359.

References

1. Bernshteyn I. Angliyskie imena v russkikh perevodakh [English names in Russian translations]. *Inostrannaya literatura* [Foreign literature]. 1998, no. 4, pp. 247-250. (In Russ.).
2. Bozhko E. M. Kvazirealii mira fentezi, ikh klassifikatsiya i rol' v vozdeystvii teksta perevoda na poluchatelya [Quasi-realities of the fantasy world, their classification and role in the impact of the translated text on the recipient]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Scientific and technical bulletins of the Saint Petersburg State Polytechnical University. Humanities and social sciences]. 2011, no. 3(131), pp. 188-191. (In Russ.). EDN: OYONUJ
3. Galinskaya I. L. Khudozhestvennyy perevod kak forma mezhkul'turnoy kommunikatsii [Literary translation as a form of intercultural communication]. *Vestnik kul'turologii* [Bulletin of Cultural Studies]. 2013, no. 3, pp. 222-224. (In Russ.). EDN: RCOBQT
4. Zhivoglyadov A. A. Rol' imeni sobstvennogo lichnogo v filologicheskom analize angloyazychnogo khudozhestvennogo teksta [The Role of Proper Personal Names in Philological Analysis of English-Language Literary Texts]. *Filologicheskij zhurnal: mezhvuzovskiy sbornik statey* [Philological journal: interuniversity collection of articles]. Iss. 17, Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2010, pp. 54-59. (In Russ.). EDN: XRPEKP
5. Zakharova D. V., Bondareva L. M. Semanticheskie osobennosti kvaziantroponimov v tekstakh angloyazychnykh fenteziynykh videoigr [Semantic Features of Quasi-anthroponyms in the Texts of English-Language Fantasy Video Games]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2024, vol. 24, no. 1, pp. 47-55. (In Russ.). DOI: 10.37482/2687-1505-V320 EDN: DLXFVH
6. Kabanova N. E., Seliverstova M. O. K voprosu o zhanrovyykh osobennostyakh fantasticheskoy literatury [On the issue of genre features of science fiction literature]. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik* [Humanitarian scientific bulletin]. 2020, no. 5, pp. 251-258. (In Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.3894906 EDN: FVNGBA
7. Kenzhebaeva Zh. E. Rol' khudozhestvennogo perevoda v poznanii inoy kul'tury [The role of literary translation in understanding another culture]. *Aktual'nye problemy russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya v inostrannoy auditorii* [Current issues of the Russian language and methods of teaching it to a foreign audience]. Orel, Orlovskiy gosudarstvennyy universitet imeni I. S. Turgeneva, 2020, pp. 31-38. (In Russ.). EDN: TWDUAO
8. Neelov E. M. Eshche raz o zhanrovoy spetsifike fantasticheskoy literatury [Once again about the genre specifics of science fiction literature]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University]. 2008, no. 1(91), pp. 100-105. (In Russ.). EDN: OXEGYN

9. Petrachkovskaya I. M. Znachimost' imeni sobstvennogo v khudozhestvennom tekste (na materiale sovremennoy russkoy prozy) [The Significance of a Proper Name in a Fiction Text (Based on Contemporary Russian Prose)]. PhD dissertation abstract. Minsk, 2003, 19 p. (In Russ.).
10. Sobko A. V. Znachimost' angliyskikh antroponimov v sovremennykh russkikh khudozhestvennykh tekstakh, napisannykh v zhanre nauchnoy fantastiki [The Significance of English Anthroponyms in Contemporary Russian Science Fiction Texts]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny* [News of the Gomel State University named after F. Skorina]. 2021, no. 4(127), pp. 152-156. (In Russ.). EDN: MLAMRE
11. Fonyakova O. I. Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste [Proper name in fiction]. Leningrad, Leningradskiy gosudarstvennyy universitet, 1990, 104 p. (In Russ.).
12. Chambers B. A Psalm for the Wild-Built. USA : Tor.com. 2021. 160 p.
13. Suvin D. Metamorphoses of science fiction: on the poetics and history of a literary genre. New Haven : Yale University Press. 1979. 317 p.
14. Więckowska K. Appositions: The future in solarpunk and post-apocalyptic fiction // *Text Matters: A Journal of Literature, Theory and Culture*. 2022. № 12. P. 345–359.

Информация об авторах

О. А. Баранцева – кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой английского языка, филологии и перевода,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;

К. О. Тойблатова – студент, факультет иностранных языков,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the authors

O. A. Barantseva – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of English Language, Philology and Translation,
Perm State Humanitarian Pedagogical University;

K. O. Toiblatova – Student, Faculty of Foreign Languages,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 15.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025;
принята к публикации 20.02.2025.

The article was submitted 15.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for
publication 20.02.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 63–74.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 18. P. 63-74.

Научная статья

УДК 811.161.1'42

doi: 10.24412/2713-0231-2025-18-63-74

СТРУКТУРНЫЕ И КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ В ЦИКЛЕ «ЗАТЕСИ» В. П. АСТАФЬЕВА

Юлия Германовна Гладких¹, Мария Александровна Киришина²

¹ Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
gluger@pspu.ru

² Лицей № 8, Пермь, Россия, mary_alexandrovna@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу структурных и композиционных особенностей метафорических и сравнительно-метафорических комплексов на материале цикла «Затеси» В. П. Астафьева. Для астафьевской индивидуальной манеры художественного осмысления мира (индивидуального стиля писателя) характерно видеть подобие или тождество явлений, что проявляется в его текстах не только в виде отдельных сравнений или метафор, но и в целостном метафорическом дискурсе, то есть в таком сложном текстовом построении, которое, во-первых, зачастую имеет зыбкие границы между прямым и переносным значением слова, во-вторых, представляет собой либо развернутое метафорическое изображение, либо сравнительно-метафорический комплекс, полученный за счет осложнения метафор сравнениями, в-третьих, характеризуется разнообразной структурой. Выявляя структурные особенности метафорических и сравнительно-метафорических комплексов, мы сосредоточиваемся на их объеме по отношению к сложному синтаксическому целому (ССЦ), компактности или разобщенности в текстовом пространстве, ориентации относительно сильных текстовых позиций (абсолютного начала, абсолютного конца текста), наличии или отсутствии корреляции с заглавием текста. Анализ структуры сравнительно-метафорического комплекса позволяет говорить о разных типах компаративов, осложняющих метафорический дискурс: грамматических, лексических, лексико-грамматических. Кроме того, выявляется местоположение компаративного компонента относительно всего сравнительно-метафорического комплекса: писатель размещает сравнение либо в начале комплекса, либо в его конце, либо рассредоточивая сравнения по мере развития метафорического переосмысления. Понимание структуры метафорических и сравнительно-метафорических комплексов имеет большое значение при анализе художественных текстов В. П. Астафьева, чья идиостилевая манера является построением структурно и семантически сложных текстовых фрагментов.

Ключевые слова. В. П. Астафьев, сравнение, метафора, метафорический комплекс, метафорический дискурс, сравнительно-метафорический комплекс, композиция текста.

Для цитирования: Гладких Ю. Г., Киришина М. А. Структурные и композиционные особенности метафорических комплексов в цикле «затеси» В. П. Астафьева // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 63–74. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-63-74>

Original article

STRUCTURAL AND COMPOSITIONAL FEATURES OF METAPHORICAL COMPLEXES IN THE CYCLE ZATESI BY V. P. ASTAFYEV

Yulia G. Gladkikh¹, Maria A. Kirshina²¹ Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, gluger@pspu.ru² Lyceum No. 8, Perm, Russia, mary_alexandrovna@bk.ru

Abstract. The article examines the structural and compositional characteristics of metaphorical and comparative-metaphorical complexes in the cycle *Zatesi* by V. P. Astafyev. A distinctive feature of Astafyev's individual mode of artistic cognition (his idiolect) is the perception of similarity or identity among phenomena. This trait manifests in his prose not only through isolated instances of simile or metaphor, but also in the formation of an integral metaphorical discourse. This discourse is characterized, first, by fluid boundaries between literal and figurative meanings; second, by the presence of extended metaphorical constructions or comparative-metaphorical complexes in which similes serve to complicate and enrich the metaphorical imagery; and third, by a diverse and multilayered structure. In analyzing the structural organization of metaphorical and comparative-metaphorical complexes, particular attention is paid to their correlation with complex syntactic units (CSUs), their degree of textual compactness or fragmentation, their alignment with strong text positions (such as the absolute beginning or ending), and their potential correlation with the title. The study of comparative-metaphorical structures also allows for the identification of various types of comparative elements contributing to the complexity of the metaphorical discourse: conjunctions, lexical units of different parts of speech, and instrumental-case nouns bearing comparative semantics. Furthermore, the article explores the positioning of the comparative element within the broader metaphorical structure—whether it appears at the beginning, at the end, or is distributed throughout the metaphorical development. Comprehending the structure of metaphorical and comparative-metaphorical complexes is essential for the interpretation of V. P. Astafyev's literary texts, in which the author's idiosyncratic style is marked by the construction of structurally and semantically intricate textual fragments.

Keywords. V. P. Astafyev, simile, metaphor, metaphorical complex, metaphorical discourse, comparative-metaphorical complex, textual composition.

For citation: Gladkikh Yu. G., Kirshina M. A. Structural and compositional features of metaphorical complexes in the cycle *zatesi* by V. P. Astafyev. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2025;18:63-74. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-63-74>

Введение

Метафоричность как идиостилевая манера, как неотъемлемая черта художественных текстов В. П. Астафьева подмечена давно. В то же время интерес к астафьевской метафоре не ослабевает. Так, З. К. Тарланов, характеризуя в целом методы и принципы лингвистического анализа, иллюстрирует их астафьевской глагольной метафорой [Тарланов 1995], О. И. Блинова обращает внимание на «метафорические сплетения» как показатель индивидуального стиля В. П. Астафьева [Блинова 2005], семантические группы метафор и их функциональная нагрузка в художественных текстах писателя стали объектом исследования в статье Л. Г. Ким [Ким 2004], а также в серии работ И. В. Ревенко, где исследователь сосредоточивается на метафоре как характерном признаке идиостиля В. П. Астафьева [Ревенко 2004], на цепочечном расположении метафор в текстах писателя [Ревенко 2009], на текстовых функциях астафьевских метафор [Ревенко 2023].

Вполне естественно, что в орбиту научного внимания попадают лексико-семантические особенности метафор В. П. Астафьева, в том числе модели семантических сдвигов, а также потенции метафор как важнейшего средства формирования и выражения концептуальных смыслов: М. Б. Матанцева анализирует метафоры, выражающие авторский концепт «Страх» [Матанцева 2020], О. В. Фельде – астафьевские метафоры в аспекте актуализации концептов «Память» [Фельде 2007] и «Жизнь» [Фельде 2009а, 2009б], А. А. Осипова – как образное средство вербализации концептов «Жизнь» и «Смерть» [Осипова 2012], Т. А. Демидова и А. В. Новикова – метафоры в качестве одного из средств реализации важнейшего для писателя образа музыки, в том числе через методику концептуального анализа [Демидова, Новикова 2024], Ю. Г. Гладких – с учетом авторской аквацентричности как средство создания образа реки [Гладких 2023], С. Н. Селезнева – метафорические переносы как художественное средство обозначения сакрального [Селезнева 2009]. В одной из наших работ, выполненных в соавторстве с А. А. Осиповой, метафора осмысливается как средство, обеспечивающее пересечение концептуальных полей (подробнее см. [Гладких, Осипова 2014]).

Метафоры писателя интересны и с точки зрения специальных научных исследований, и в методическом плане. Наш опыт показывает, что обучающиеся лицеев и гимназий, а также студенты филологического факультета порой затрудняются определить границы каких-либо текстовых фрагментов. Так, например, один из текстов В. П. Астафьева был вынесен на обсуждение в рамках Всероссийского с международным участием научно-популярного мероприятия для старшеклассников «Интерактивный семинар “Читаем и понимаем текст”» (2025 г.). И обучающиеся, и учителя-русисты затруднились с определением внутритекстовых границ описания кружева, поскольку и смена стилистического регистра, и смена типов описания (с динамического на статическое), и метафорическое изображение предмета народного искусства не совпадали ни со сложным синтаксическим целым (ССЦ), ни с абзацем, ни с границами предложения-высказывания.

Кроме того, сложность представляет и отбор метафорического материала в прозе В. П. Астафьева, а также в некоторых случаях невозможность количественной характеристики собранного лингвистического материала (подробнее об этом см. [Гладких 2012]).

Все это приводит нас к мысли попытаться в общем виде охарактеризовать структурные типы развернутых метафорических переосмыслений в текстах лирических миниатюр В. П. Астафьева.

Основная часть

Наряду с одиночными метафорами и сравнениями, в астафьевской прозе встречаются сложные текстовые построения, характерными признаками которых являются: сплошной метафорический дискурс, в основе которого нанизывание семантически однотипных или разнотипных метафор; зыбкие границы между прямым и переносным значением слова; возможное осложнение метафор семантически близкими сравнениями; возможное рассмотрение такого построения в качестве текстовой единицы анализа.

Это явление в нашей работе называется метафорическим или сравнительно-метафорическим комплексом.

Последовательно охарактеризуем структурные и композиционные особенности метафорических и сравнительно-метафорических комплексов на материале текстов «Затесей» В. П. Астафьева.

1. Метафорические и сравнительно-метафорические комплексы различаются по объему. В одних случаях комплексы могут занимать большой объём текста, в других – быть компактными, объемом в одно-два предложения-высказывания.

А) **Объемные комплексы** совпадают с ССЦ. Внутри таких комплексов реализуется ещё один мини-сюжет, который поддерживает основную идею текста.

«Деревья ведут постоянное, тяжелое наступление и закаляются в борьбе, в вечном походе. Иные из них падают, умирают на ходу, как в атаке, а все-таки они идут. Идут вперед и вперед!

Первые солдаты тайги, согнутые, но непокоренные, иссушенные голодом и мертвящим дыханием скал, принимающие на свою грудь всю лютость севера ради лесов, что идут за ними, – низкий поклон им от бывшего солдата российского, который знает, как трудно быть первым» («Марьины корни» [Астафьев 2003: 21]). Метафорический комплекс соотносится с ССЦ, но не совпадает с абзацем. Первое предложение-высказывание является зачином и начинает новую микротему: борьба за выживание в условиях сурового севера. Концом становится семантическая параллель борьбы в природе и в мире человека. Определение рематической доминанты затруднительно, так как описание природы характерно для статальной доминанты, однако из-за метафорического комплекса в тексте не обычная пейзажная зарисовка, а полноценный рассказ с героями, что более характерно для качественной доминанты.

Б) **Компактные комплексы** разворачиваются в одном-двух предложениях-высказываниях и выражают характеристику одного образа, как правило, не влияют на сюжет. «Одарка слышала, *как крупными слезами плакала под окном черешня, и казалось ей – кровавые эти слезы жгли землю. Много этих слез. Много*» («Заклятье» [там же: 61]). Данный метафорический комплекс размещён в двух предложениях-высказываниях, если не считать парцеллированную конструкцию. Он не соотносится с ССЦ, так как нет традиционного зачина и нет отдельной микротемы. Внутри комплекса раскрывается образ плодоносящей черешни, которая пострадала от рук человека, но всё же принесла плоды.

2. **Степень концентрированности** метафорических и сравнительно-метафорических комплексов также неодинакова.

А) Метафорический комплекс может быть **рассредоточенным (позиционно разобщенным)**. В этом случае семантически однотипные развернутые метафоры встречаются по всему тексту рассказа. Позиционно разобщенные комплексы имеют несколько разновидностей:

а) возвращение к одному и тому же образу на протяжении текста, что приводит в интенсификации описательного компонента на фоне ослабленного сюжета. Примером такого текста служит рассказ «Поход по метам» [там же: 3–7], на протяжении которого автор раз за разом характеризует меты – затеси, которые помогли ему выбраться из тайги. Такие комплексы позволяют конкретизировать один образ, касаясь разных его проявлений, и выводя образ из наглядной плоскости в сферу философского обобщения;

б) кольцевая композиция, то есть единственный возврат к части текста, замыкающий на себе раскрытие образа. Так, описание Овсянского острова в тексте «Хвостик» [там же: 25] даётся с помощью кольцевой композиции. В начале текста дается следующее описание:

«*Овсянский остров напоминал когда-то голову <...>*», далее разворачивается описание всего, что находилось на острове, уже в следующем абзаце происходит возврат к данному сравнению: «*остров в ровной стрижке зеленой отавы*». Больше описания острова нет;

в) две части единого комплекса могут быть позиционно разобщены, но целостно соотноситься с текстом культуры, своеобразным «текстом в тексте» (подробнее о культурной памяти текста и тексте в тексте см. [Лотман 2000: 62–73]). Так, в тексте «Кружево» описание кружева, метафорическое уподобленное фольклорной молочной реке, завершает фрагмент с условным названием «На выставке»: «*убрала и самое лодью с центра кружева, оставив лишь по краям, в белой каемке, маленькие, легкие лодейки, – и плывут они по обводному каналу вокруг бела-озера, плывут и никуда уплыть не могут – заморозила их чистая вода, и весело им вместе быть – хороводиться*» [Астафьев 2003: 153]. Вторая часть комплекса совпадает с абсолютным концом текста: «*плетут незатейливые кружева древние плетели, а видится явственно – отсюда исток, отсюда льется, течет белая реченька к тому дивному, бесценному кружеву, отсюда отчалила и плывет в вечность легкая, сказочная лодья и, не останавливая на лету, накрывает землю тихой белизной легкокрылая снежинка*» [там же: 156]. Примечательно, что в данном случае ни начальная, ни завершающая часть метафорического комплекса не коррелируют с абзацами и предложениями-высказываниями. Обе части представляют собой фрагменты предложений-высказываний. При этом метафоры задают и стилистический контраст: фольклорно-сказочная стилистика сменяет публицистические фрагменты астафьевского художественного текста.

Б) Концентрированные комплексы находятся в одном месте, в таких текстовых образованиях нет «лишних» слов. «С неба, сверху *плывет то рокот, то гром, то нежный голос влюбленных, то зов всталок, то рулады рожка, то звуки клавесина, то говор перекатного ручья...*

И снова *грозым валом бушующих страстей* сносит все, снова рокот.

Звуки *качаются, как ладанный дым*. Они *густы, осязаемы*. Они *всюду, и все наполнено ими: душа, земля, мир*» («Домский собор» [там же: 48]). Анализируемый комплекс объёмен и сконцентрирован, его основной темой является значение музыки в жизни человека. В данном случае автор переходит от описания отдельных звуков к выводу о том, что звуки сопровождают человека везде, даруют отдохновение и имеют сакральную природу. Наслоение метафор в рамках одного комплекса семантически избыточно, выступает средством интенсификации и выводит образ из конкретно-чувственной сферы в область божественного.

3. Ориентация метафорического комплекса относительно сильных текстовых позиций играет важную роль, поскольку сильные позиции являются семантически нагруженными, становятся своеобразным авторским ключом к пониманию текста. В целом, к сильным текстовым позициям относятся заглавие (о нем пойдет речь ниже), а также абсолютные начало и конец текста.

А) В абсолютном начале текста метафорические комплексы не расположены почти никогда: как минимум, один абзац предшествует комплексу, в нём даётся краткая характеристика места действия или обстоятельств. На наш взгляд, это обусловлено эпистолярным характером текстов «Засетесей». Поэтому начало текста должно быть конкретным и однозначным. Чаще всего метафорические комплексы располагаются в конце, то есть завершают текст, оставляют простор для размышлений. Например, текст «Земля просыпается» [там же: 29] можно чётко разделить на две части: в первой повествуется о приходе

весны в лес, а вторая полностью посвящена паре уток, которые встретились повествователю: описан их быт, устройство жизни, изображен небольшой диалог между ними, конец текста как бы делает историю завершенной: пара уток улетела дальше от людей.

Б) К **слабым текстовым позициям** относятся все остальные позиции. Таких метафорических комплексов большинство, то есть они не занимают значимых частей текста, но являются важными для характеристики разнотипных образов.

4. Корреляция метафорического комплекса с заглавием как сильной текстовой позицией является возможной, но не обязательной для астафьевских рассказов, то есть комплекс может соотноситься или не соотноситься с заглавием рассказа.

А) Коррелирующие с названием метафорические и сравнительно-метафорические комплексы разобщены в тексте, так как характеризуют заявленный в заглавии конкретный образ или персонаж. Приведем в качестве примера фрагмент текста «Падение листа»: *«Медленно, неохотно и в то же время торжественно падал он <листик>, цепляясь за ветви, за изветренную кожу <березы>, за отломанные сучки, братски прикикая к встречным листьям, – чудилось: дрожью охвачена тайга, которой касался падающий лист, и голосами всех живых деревьев она шептала: “Прощай! Прощай!.. Скоро и мы... Скоро и мы... скоро... скоро...”*»

Чем ниже опускался лист, было ему падать все тягостней и тягостней; встреча с большой, почти уже охладевшей землей страшила его <...>.

Ах если бы хоть на минуту <...> проникнуться светлой грустью бледного листа - предвестника осени, еще одной осени, еще одного кем-то означенного круга жизни, который совершаем мы вместе с нашей землей, с этими горами, лесами, и когда-то закончим свой век падением <...>.

Притихла земля. Притихли леса и горы. Воссияло всей глубиной небо, чтоб отражение листа в нем было нескончаемо, чтоб отпечатался его лик в беспредельности мироздания, чтоб сама земля, приняв форму листа, похожего на слабое человеческое сердце, легко и празднично кружилась среди звезд, планет и там продолжалась в стремительном движении неведомых нам миров.

Я разжал ладонь. Лист еще жил, слабо дыша воедино сплетенными жилками <...>.

Кто утешит и успокоит нас, мятущихся, тревожных, слитно со всей человеческой тайгой шумящих под мирскими ветрами и в назначенный час по велению того, что зовется судьбою, одиноко и тихо опадающих на землю?» («Падение листа» [там же: 33–37]). На протяжении всего текста повторяется образ падающего листа, включенного в два обратимых метафорических комплекса: в первом лист изображается через развернутую антропоморфную метафору, во втором – земля и жизнь человека – через природоморфные сравнения и метафоры.

Б) Не соотносящие с названием текста комплексы характеризуют отдельные образы, которые не так значимы для раскрытия темы. Например, в тексте «Одинокий парус» [там же: 91] разворачивается метафорический комплекс, характеризующий лес: *«Отдельные великаны-деревья, устоявшие <...>, замороженно опутив ветви, и на каждом из них, как некое дополнение, <...> дремал, окаменев, сокол или коршун».*

Отметим, что в одном тексте возможно нахождение нескольких комплексов, и один из них, как правило, соотносится с заглавием рассказа.

5. Поскольку метафорические комплексы зачастую осложняются сравнениями, охарактеризуем **компаративные единицы, формирующие сравнительно-метафорические комплексы**.

Компаративные слова – вспомогательные слова, использующиеся для построения сравнительного оборота. В сравнительно-метафорических комплексах встречается несколько вариаций в выражении сравнения: лексические, грамматические и лексико-грамматические. Здесь в качестве иллюстративного материала мы используем только часть сравнительно-метафорических комплексов.

Начнем с грамматических средств.

А) **Грамматические средства выражения сравнения**, «специализирующие» на своей компаративной функции, представлены в русском языке сравнительными союзами. **Союзы** в рассказах В. П. Астафьева – самые частотные вспомогательные слова во введении сравнений в сравнительно-метафорические комплексы (в нашем материале 38 таких комплексов). Рассмотрим некоторые примеры.

Союзы, включённые в данную группу, имеют значение ирреальности, то есть не действительное сравнение, а только предположение о сходстве с чем-либо: «*<Хлеба> склонились покорно, будто ждали, что их поглядят*» («Хлебозары» [там же: 10]); «*В заглохшей избе, кинутой как будто при пожаре*» («Хреновина» [там же: 226]); «*волны перекачивали камни на берегу, словно бы отсчитывая годы*» («Родные березы» [там же: 12]). Частица *бы* указывает на значение предположительности.

Союз *как* указывает на более прямое и очевидное сходство, которое можно считать общеупотребительным: «*тяжелые, как свинец, валы снегов*» («Марьины коренья» [там же: 21]).

Б) К группе **лексических средств** относятся слова, которые не специализируются на выражении сравнения: общая семантика таких слов отличается, но они могут выступать строительным материалом для сравнительных конструкций. В эту группу входят существительные, глаголы, прилагательные и слова других частей речей.

а) В нашем материале **субстантивная лексема** встретила однократно. Она вводит прямое сравнение предметов: «*ничего банальнее нет, чем сравнение этой девушки с земляникой*» («Ягодка» [там же: 282]).

б) **Адъективная лексика** – это ещё один способ выражения сравнения. В астафьевских рассказах семь словоупотреблений прилагательных, осложняющих метафорический комплекс в пользу сравнительно-метафорического: «*пухлый, пышный, похожий на кулич, стожок сена*» («Наклепки» [там же: 248]); «*приняв форму листа, похожего на слабое человеческое сердце*» («Падение листа» [там же: 33]). Такие сравнения указывают на сходство предметов по внешнему облику.

в) **Глагольные лексемы** выступают в качестве вспомогательных слов в 12 сравнительно-метафорических комплексах. Это глаголы и глагольные формы, отражающие субъективное восприятие автора-повествователя или персонажа: «*Овсянский остров напоминал когда-то голову*» («Хвостик» [там же: 25]); «*щелканье его <костра>, напоминающее выстрел мелкокалиберки*» («Ночное пространство» [там же: 495]); «*В солнцезарный легкий день озеро чудилось таким приветливым, таким дружески распахнутым, будто век ждало оно нас*» («Поход по метам» [там же: 4]). Подобные сравнения как бы позволяют посмотреть на известные предметы чужими глазами.

В) В. П. Астафьев использует и **лексико-грамматические компаративные средства**. К ним относится творительный падеж имени существительного: *«Он <лунный блик> серебрился, фосфорно зеленел, искрился, извивался змейкой, прыгал головастиком, убегал шустрой ящеркой»* («Лунный блик» [там же: 16]). Такие сравнения указывают на конкретные характеристики образа.

Соотношение компаративных средств, формирующих сравнительно-метафорические комплексы в «Затесях» В. П. Астафьева, представлено на рисунке 1. Компаративные средства в зависимости от их типа выражают либо объективное, либо субъективное сравнение.

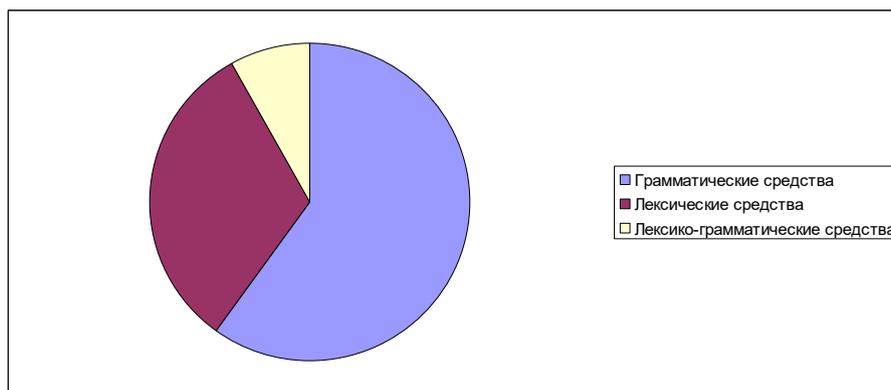

Рис. 1. Средства выражения компаративной семантики в астафьевских сравнительно-метафорических комплексах

6. Сравнения, включенные в сравнительно-метафорический комплекс, различаются по положению внутри комплекса.

А) При нахождении компаративного слова **в начале сравнительно-метафорического комплекса** задается перспектива метафорического описания предмета или явления: *«Вечер казался Галке дедом, тихим, бородастым и молчаливым, он курил трубку за горой, и оттого небо было там красное. Он шевелил бородой, почесывался, и оттого колыхались тени скал в воде и шелестел осинник по горам. <...> Дед дышал ноздрями распялков – и на реку медленно напозлали легкие полосы тумана»* («Песнопевница» [там же: 74]). Особенностью данного контекста является невозможность точно определить границы между сравнением и метафорой. Выделенный ниже фрагмент может быть интерпретирован двояко: либо как продолжение сравнения, как развернутое сравнение с нулевой компаративной связкой, либо как метафора: *«Вечер казался Галке дедом, тихим, бородастым и молчаливым, он курил трубку за горой, и оттого небо было там красное. Он шевелил бородой, почесывался, и оттого колыхались тени скал в воде и шелестел осинник по горам»* [там же].

Б) **Внутри комплекса** сравнение как бы создает «паузу» между метафорами, при этом вводится еще одна ассоциация, которая может придавать художественному описанию философский характер, даже если конкретизирует образ. Так, в сравнительно-метафорическом комплексе в тексте «Свеча над Енисеем» даны два сравнения. И если первое из них открывает серию метафор, распространяющихся до конца текста, то второе сравнение, позиционно близкое к первому, с одной стороны, конкретизирует основание метафорического сдвига, с другой – становится выражением сакрального: *«береза делается будто свечка восковая. Последним пламенем, словно ярким вскриком в оконце лета, заявит она о себе и сразу же отделится от мира, от леса, от реки и всего своего земного окружения»* [там же: 486].

В) Сравнительные обороты, **завершающие комплекс**, в отличие от конкретно-образных метафор, формирующих комплекс и предшествующих сравнению, выполняют функцию обобщения, делают вывод, что приводит к трансформации описания в рассуждение: *«Реки рождаются в блаженной, вечной тишине. <...> Низкое, скупое на тепло и щедрое на свет солнце все же оплавляет спрессованные, тяжелые, как свинец, валы снегов, и разбегаются во все стороны юркие ручейки. Еще малые, еще хилые, тут же совсем близко сходятся они вместе и вперехлест, весело заплетаясь на ходу, катятся вниз по камням и осыням. Вниз! Вниз! С хохотом и звоном. И уже не остановить их, не вернуть. Реки – что человеческие судьбы: у них много поворотов, но нет пути назад»* («Марьины корни» [там же: 22]).

Заключение

Художественный текст тяготеет к метафоризации, поскольку в метафоре заключен авторский «выбор кратчайшего пути к сущности объекта» [Арутюнова 1990: 20]. Однако художественная манера В. П. Астафьева не исчерпывается одиночными метафорами: метафоры в его текстах объединяются в сложные текстовые построения – метафорические и сравнительно-метафорические комплексы, структурная и композиционная характеристика которых предпринята в нашей работе.

Метафорические и сравнительно-метафорические комплексы различны по своей структуре, по положению в тексте, по корреляции с сильными текстовыми позициями, по разнообразию компаративных средств, по положению сравнения внутри комплекса. Это свидетельствует о высоком мастерстве В. П. Астафьева, избравшего развернутый метафорический способ номинации явлений мира, но при этом создающего оригинальные художественные построения.

Структурное и композиционное разнообразие типов комплексов позволяет говорить об их функциях, при этом формальные явления семантизируются в тех случаях, когда метафорический и сравнительно-метафорический комплексы выполняют характеризующую и текстообразующую функции.

Несмотря на то что метафора и сравнение отвечают различным тенденциям в речи (метафора сокращает речь, сравнение же ее распространяет), объединение тех и других в единый комплекс позволяет автору либо вскрывать механизм процесса категориального сдвига, когда метафоры как бы объясняют основание сравнения, либо на основании метафор, создающих ситуацию «здесь-сейчас», выходить в план философского обобщения.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сб. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32. EDN: YJZAPV
2. Астафьев В. П. Затеси. Красноярск : Вся Сибирь; Красноярское книжное изд-во, 2003. 688 с.
3. Блинова О. И. Очарованный словом: заметки об идиостиле Виктора Астафьева // Феномен В. П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века : сб. материалов I междунар. науч. конф., посвящ. творчеству В. П. Астафьева. Красноярск : КГУ, 2005. С. 178–183. EDN: YQAKLN
4. Гладких Ю. Г. Метафора у В. П. Астафьева, или границы дискретной единицы в недискретном пространстве художественного текста // Творчество В. П. Астафьева в контексте мировой культуры: Всероссийская конференция с международным участием. Красноярск : КГУ, 2012. С. 147–153.

5. Гладких Ю. Г. Река в картине мира В. П. Астафьева // Слово. Текст. Контекст. 2023. № 3 (15). С. 7–15. DOI: 10.26105/PBSSPU.2023.15.3.008 EDN: DHMUNS
6. Гладких Ю. Г., Осипова А. А. Взаимосвязь концептов «Жизнь», «Смерть» и «Время» в художественной картине мира В. П. Астафьева (к проблеме отбора материала для словаря ключевых концептов писателя) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 330–333. EDN: SPHANB
7. Осипова А. А. Образные вербализаторы концептов «Жизнь» и «Смерть» в творчестве В. П. Астафьева // Творчество В. П. Астафьева в контексте мировой культуры : Всероссийская конференция с международным участием. Красноярск : КГУ, 2012. С. 153–161. EDN: SEQZQZ
8. Демидова Т. А., Новикова А. В. Метафорическая реализация образа музыки в рассказе В. П. Астафьева «Далекая и близкая сказка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 8. С. 2848–2854. DOI: 10.30853/phil20240406 EDN: FVCLSL
9. Ким Л. Г. Антропоморфная метафора как средство изображения растений в прозе В. П. Астафьева // Сибирский филологический журнал. 2004. № 2. С. 71–74. EDN: OXOUTT
10. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. 704 с.
11. Матанцева М. Б. Структурно-семантические особенности концепта «Страх» в тексте военного романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» // Филология: научные исследования. 2020. № 1. С. 10–20. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.1.32122 EDN: FWOMWY
12. Ревенко И. В. Текстовые функции антропоморфной метафоры // Говор: альманах. 2023. № 5. С. 18–20. DOI: 10.48612/govor/vgm1-28bn-nzne EDN: TGUOVQ
13. Ревенко И. В. Типология метафоры в «Последнем поклоне» В. П. Астафьева // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха». Красноярск, 2009. С. 220–225. EDN: VLYHTR
14. Ревенко И. В. Языковая категория интенсивности и ее экспликация в идиостиле В. Астафьева : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Кемерово, 2004. 23 с. EDN: NHZEIR
15. Селезнева С. Н. Сакральное и мирское в языке произведений В. П. Астафьева // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха». Красноярск, 2009. С. 225–230.
16. Тарланов З. К. Методы и принципы лингвистического анализа. Петрозаводск : Изд-во «Петрозаводский университет», 1995. 190 с.
17. Фельде О. В. Концепт «Жизнь» в позднем творчестве В. П. Астафьева // Астафьевские чтения: Время «Веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России. Пермь : Астер, 2009а. С. 168–177. EDN: TNLMFJ
18. Фельде О. В. Концепт «память» в творчестве В. П. Астафьева // Астафьевские чтения в Красноярске: национальное и региональное в русском языке и литературе. Красноярск : КГУ, 2007. С. 176–183. EDN: XRXEHF
19. Фельде О. В. Образная составляющая концепта «Жизнь» в индивидуальной языковой картине мира В. П. Астафьева // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха». Красноярск КГУ, 2009б. С. 212–220. EDN: XRXGJV

References

1. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress, 1990, pp. 5-32. (In Russ.). EDN: YJZAPV
2. Astaf'ev V. P. Zatesi [Tighten]. Krasnoyarsk, Vsyazibir'; Krasnoyarskoe knizhnoe izd-vo, 2003, 688 p. (In Russ.).

3. Blinova O. I. Ocharovannyi slovom: zametki ob idiostile Viktora Astaf'eva [Enchanted by the Word: Notes on the Idiostyle of Viktor Astafyev]. *Fenomen V. P. Astaf'eva v obshchestvenno-kul'turnoy i literaturnoy zhizni kontsa XX veka* [The phenomenon of V. P. Astafiev in the social, cultural and literary life of the end of the twentieth century]. Krasnoyarsk, KGU, 2005, pp. 178-183. (In Russ.). EDN: YQAKLN
4. Gladkikh Yu. G. Metafora u V. P. Astaf'eva, ili granitsy diskretnoy edinitsy v nediskretnom prostranstve khudozhestvennogo teksta [Metaphor in V. P. Astafiev, or the boundaries of a discrete unit in the non-discrete space of an artistic text]. *Tvorchestvo V. P. Astaf'eva v kontekste mirovoy kul'tury: Vserossiyskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem* [The Works of V. P. Astafiev in the Context of World Culture: All-Russian Conference with International Participation]. Krasnoyarsk, KGU, 2012, pp. 147-153. (In Russ.).
5. Gladkikh Yu. G. Reka v kartine mira V. P. Astaf'eva [The River in the World Picture of V. P. Astafiev]. *Slovo. Tekst. Kontekst* [Word. Text. Context]. 2023, no. 3 (15), pp. 7-15. DOI: 10.26105/PBSSPU.2023.15.3.008 (In Russ.). EDN: DHMUHS
6. Gladkikh Yu. G., Osipova A. A. Vzaimosvyaz' kontseptov «Zhizn'», «Smert'» i «Vremya» v khudozhestvennoy kartine mira V. P. Astaf'eva (k probleme otbora materiala dlya slovarya klyuchevykh kontseptov pisatelya) [The Interrelation of the Concepts of "Life", "Death" and "Time" in the Artistic Picture of the World by V. P. Astafiev (to the Problem of Selecting Material for the Dictionary of the Writer's Key Concepts)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture]. 2014, no. 3 (45), pp. 330-333. (In Russ.). EDN: SPHANB
7. Osipova A. A. Obraznye verbalizatory kontseptov «Zhizn'» i «Smert'» v tvorchestve V. P. Astaf'eva [Figurative verbalizers of the concepts "Life" and "Death" in the works of V. P. Astafiev]. *Tvorchestvo V. P. Astaf'eva v kontekste mirovoy kul'tury* [The work of V. P. Astafiev in the context of world culture]. Krasnoyarsk, KGU, 2012, pp. 153-161. (In Russ.). EDN: SEQZQZ
8. Demidova T. A., Novikova A. V. Metaforicheskaya realizatsiya obraza muzyki v rasskaze V. P. Astaf'eva «Dalekaya i blizkaya skazka» [Metaphorical realization of the image of music in the story by V. P. Astafiev "Far and Near Fairy Tale"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Theoretical and practical issues]. 2024, vol. 17, no. 8, pp. 2848-2854. (In Russ.). DOI: 10.30853/phil20240406 EDN: FVCLLS
9. Kim L. G. Antropomorfnyaya metafora kak sredstvo izobrazheniya rasteniy v proze V. P. Astaf'eva [Anthropomorphic metaphor as a means of depicting plants in the prose of V. P. Astafiev]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2004, no. 2, pp. 71-74. (In Russ.). EDN: OXOUTT
10. Lotman Yu. M. Semiosfera [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2000, 704 p. (In Russ.).
11. Matantseva M. B. Strukturno-semanticheskie osobennosti kontseptov «Strakh» v tekste voennogo romana V. P. Astaf'eva «Proklyaty i ubity» [Structural and semantic features of the concept "Fear" in the text of the war novel by V. P. Astafiev "Cursed and Killed"]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: scientific research]. 2020, no. 1, pp. 10-20. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454-0749.2020.1.32122 EDN: FWOMWY
12. Revenko I. V. Tekstovye funktsii antropomorfnoy metafory [Textual functions of anthropomorphic metaphor]. *Govor: al'manakh* [Speech: almanac]. 2023, no. 5, pp. 18-20. (In Russ.). DOI: 10.48612/govor/vgm1-28bn-nzne EDN: TGUOVQ
13. Revenko I. V. Tipologiya metafory v «Poslednem poklone» V. P. Astaf'eva [Typology of Metaphor in V. P. Astafiev's "The Last Bow"]. *Yubileynye Astaf'evskie chteniya «Pisatel' i ego epokha»* [Anniversary Astafiev Readings "The Writer and His Era"]. Krasnoyarsk, 2009, pp. 220-225. (In Russ.). EDN: VLYHTR

14. Revenko I. V. Yazykovaya kategoriya intensivnosti i ee eksplikatsiya v idiostile V. Astaf'eva [The linguistic category of intensity and its explication in the idiostyle of V. Astafiev]. PhD dissertation abstract. Kemerovo, 2004, 23 p. (In Russ.). EDN: NHZEIR
15. Selezneva S. N. Sakral'noe i mirskoe v yazyke proizvedeniy V. P. Astaf'eva [The Sacred and the Secular in the Language of V. P. Astafiev's Works]. *Yubileynye Astaf'evskie chteniya «Pisatel' i ego epokha»* [Anniversary Astafiev Readings "The Writer and His Era"]. Krasnoyarsk, 2009, pp. 225-230. (In Russ.).
16. Tarlanov Z. K. Metody i printsipy lingvisticheskogo analiza [Methods and principles of linguistic analysis]. Petrozavodsk, Izd-vo Petrozavodskogo un-ta, 1995, 190 p. (In Russ.).
17. Fel'de O. V. Kontsept «Zhizn'» v pozdnem tvorchestve V. P. Astaf'eva [The concept of "Life" in the late works of V. P. Astafiev]. *Astaf'evskie chteniya: Vremya «Veselogo soldata»: tsennosti poslevoennogo obshchestva i ikh osmyslenie v sovremennoy Rossii* [Astafiev Readings: The Time of the "Merry Soldier": the Values of Post-War Society and Their Understanding in Contemporary Russia]. Perm, Aster, 2009a, pp. 168-177. (In Russ.). EDN: TNLMFJ
18. Fel'de O. V. Kontsept «pamyat'» v tvorchestve V. P. Astaf'eva [The concept of "memory" in the works of V. P. Astafiev]. *Astaf'evskie chteniya v Krasnoyarske: natsional'noe i regional'noe v russkom yazyke i literature* [Astafiev Readings in Krasnoyarsk: National and Regional in Russian Language and Literature]. Krasnoyarsk, KGU, 2007, pp. 176-183. (In Russ.). EDN: XRXEHF
19. Fel'de O. V. Obraznaya sostavlyayushchaya kontsepta «Zhizn'» v individual'noy yazykovoy kartine mira V. P. Astaf'eva [The figurative component of the concept "Life" in the individual linguistic picture of the world of V. P. Astafiev]. *Yubileynye Astaf'evskie chteniya «Pisatel' i ego epokha»* [Anniversary Astafiev Readings "The Writer and His Era"]. Krasnoyarsk, KGU, 2009b, pp. 212-220. (In Russ.). EDN: XRXGJV

Информация об авторах

Ю. Г. Гладких – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;
М. А. Киршина – учитель русского языка и литературы, Лицей № 8.

Information about the authors

Yu. G. Gladkikh – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of General Linguistics, Russian and Permian Komi Languages and Methods of Language Teaching, Perm State Humanitarian Pedagogical University;
M. A. Kirshina – Teacher of Russian Language and Literature, Lyceum No. 8.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 05.02.2025; approved after reviewing 25.02.2025; accepted for publication 20.03.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 75–81.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 18. P. 75-81.

Научная статья

УДК 811.111'38

doi: 10.24412/2713-0231-2025-18-75-81

КАТЕГОРИЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ В МАНИФЕСТЕ ДЖЕННИ ПРАЙС «STOP SAVING THE PLANET!: AN ENVIRONMENTALIST MANIFESTO»

Кирилл Андреевич Рязанцев¹, Ольга Игоревна Графова²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ ryazantcevKA@yandex.ru

² grafova.olly@gmail.com

Аннотация. Жанр «манифест вызывает особый интерес в рамках анализа из-за широкого спектра затрагиваемых тем и способов их выражения. С культурной точки зрения мы можем видеть с какими проблемами сталкивается общество и как пытается их решить, как общественное мнение и критика произведений порой формируют образ жанра. Манифест затрагивает разные общественные сферы: политика, социальные изменения, экономические вопросы. В ходе статьи мы выделили пять черт жанра и проанализировали их наличие в книге Дженни Прайс. С лингвистической точки зрения уникальность может выражаться в разных формах, но всегда нацелен на изменение действительности. В ходе анализа мы выделили большое количество различных фигур речи, синтаксических структур, авторскую грамматику, обширное использование риторического стиля. Все эти элементы в синтезе создают уникальное текстовое поле. В рамках статьи мы исследовали, с помощью чего выражается категория перформативности в тексте, как через манифест писатель доносит до нас свои идеи, используя текст. За основу была взята книга, связанная с экологическим дискурсом. На базе ее текста мы изучили, с помощью каких средств реализуется теория речевых актов в тексте и какие цели ставит перед собой автор. Актуальность исследования обусловлена недостаточностью исследования жанра *манифест* в русскоязычной и западной научной среде, неразработанностью понятийного аппарата жанра в русскоязычной научной среде, малым количеством анализов текстов в рамках манифестарного дискурса, неизученностью работы принципов перформативных актов в манифестах.

Ключевые слова: манифест, манифестарность, дискурс, лексика, стиль, особенность, жанр, перформативность, речевые акты.

Для цитирования: Рязанцев К. А., Графова О. И. Категория перформативности в манифесте дженни прайс «Stop Saving the Planet!: An Environmentalist Manifesto» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 75–81. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-75-81>

Original article

THE CATEGORY OF PERFORMATIVITY IN JENNY PRICE'S MANIFESTO “STOP SAVING THE PLANET!: AN ENVIRONMENTALIST MANIFESTO”

Kirill A. Ryazancev¹, Olga I. Grafova²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ ryazantcevKA@yandex.ru

² grafova.olly@gmail.com

Abstract. The manifesto genre is of particular interest to analyze because of the wide range of topics addressed and the ways in which they are expressed. From a cultural point of view we can see what problems society faces and how it tries to solve them, how public opinion and criticism of works sometimes shape the image of the genre. Manifest touches on different societal areas: politics, social change, economic issues, . In the course of the article, we have identified five features of the genre and will analyze their presence in Jenny Price's book. From the linguistic point of view, uniqueness can be expressed in different forms, but always aims at changing reality. During the analysis we have identified a large number of different figures of speech, syntactic structures, author's grammar, extensive use of rhetorical style. All these elements in synthesis create a unique textual field. Within the framework of the article we have analyzed with the help of what the category of performativity is expressed in the text, how through the manifesto the writer communicates his ideas to us using the text. A book related to ecological discourse was taken as a basis. On the basis of its text we have analyzed with the help of what means the theory of speech acts is realized in the text and what goals the author sets for himself. The relevance of the study is conditioned by the insufficient research of the manifesto genre in the Russian-speaking and Western scientific environment, the undeveloped conceptual apparatus of the genre in the Russian-speaking scientific environment, the small number of text analyses within the framework of manifesto discourse, the unexplored work of the principles of performative acts in manifestos

Keywords: manifesto, manifestation, discourse, vocabulary, style, peculiarity, genre, performativity, speech acts

For citation: Ryazancev K. A., Grafova O. I. The category of performativity in Jenny Price's manifesto "Stop Saving the Planet!: An Environmentalist Manifesto". Humanitarian Studies. History and Philology. 2025;18:75-81. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-75-81>

Введение

Жанр «манифест» всегда занимал важное место в выражении несогласия в разных слоях общества. Уже первый важный манифест работа «95 тезисов» Мартина Лютера была построена на критике церкви как института того времени. Мартин Лютер с помощью языка доносил свои идеи до как можно большего числа людей в надежде изменить положение дел [«95 тезисов»: эл. ресурс]. Вся ранняя история жанра включает в себя по большей части работы политической и социальной направленности. В тот период уже частично сформировались основные черты жанра: риторичность, использование перформативности.

Тем не менее, в полной мере жанр сформировался только с выходом работы Карла Маркса и Фридриха Энгельса «Манифест коммунистической партии» в феврале 1848 г. [Маркс, Энгельс 1985]. Именно в этом тексте уже четко видны все черты жанра, которые в дальнейшем будут выделять исследователи. Наибольшую популярность жанр получил в промежуток между 1909 и 1919 гг., этот период назвали «the Manifesto Moment» [Caws 2001: 21]. Мир тогда претерпевал значительные изменения во всех областях, новые идеи появлялись одна за другой, будь то в политической, социальной, культурной, технической сферах общества. Новым идеям нужно было заявить о себе, манифест с уже успешным примером «Манифест коммунистической партии» стал идеальным вариантом. Именно поэтому Томас Маринетти в 1909 г. изложил идеи о новом движении в мировой культуре в

форме манифеста [Marinetti 1909]. После Второй мировой войны жанр стал использоваться чаще в разных дискурсах: феминистическом, политическом, социальном, экологическом, технологическом.

Первая попытка теоретически осмыслить мультидискурсивный жанр пришлась на 1980 г. К. Абастадо в своей статье положил начало анализу жанра, сам же ученый называл жанр в высшей степени риторическим. Он выделил пять основных черт манифеста: разнообразие форм, основные виды, манифестарность, стилистические особенности, перформативность [Abastado 1980: 3]. Несмотря на предложенную классификацию, К. Абастадо отмечал сложность в отнесении текста к жанру, поскольку, в зависимости от коммуникативной задачи и темы автор работы может не заявлять о манифестарности прямо. Д. Лион, специалист в области феминистических манифестов, характеризует эту особенность жанра как «*a complicated network of similarities overlapping and criss-crossing*» [Lyonn 1999: 12].

Что касается перехода произведений из одного жанра в другой, то стоит отметить, как драматическое кино начало считаться манифестом. Фильм «Гражданин Кейн» за авторством Орсона Уэллса повествует о послевоенной Америке. В своем кино автор критикует правительство и стиль жизни того времени. Критики и люди отмечали в этом манифестарность [Abastado 1980: 5]. Хуберт Ван Ден Берг отдельно выделял это свойство, когда из-за нечетких рамок сложно определить принадлежность работы к жанру [Berg 1998: 193–194]. В качестве литературного примера можно привести анализ жанра французского писателя Алена Робе-Грийе «*Pour un nouveau roman*». Изначально читатели и критики отнесли к произведению как к художественному, только после нескольких лет восприняли книгу как манифест.

Теперь перейдем к анализу жанра. В основе находится определение Стивенса Рассела, крупного ученого в сфере изучения манифестов: «*manifestoes as textual elaborations of political or aesthetic beliefs which challenge existing, and attempt to constitute new religious, political or artistic institutions and movements*» [Stevens 2003: эл. ресурс].

Основная часть

К. Абастадо в рамках анализа жанра выделил, как уже отмечалось, пять основных черт: разнообразие форм выражения, виды манифестов, манифестарность, перформативность и стилистические особенности [Abastado 1980: 3]. Предлагаемый анализ направлен на перформативность, однако он невозможен без анализа манифестарности. Для манифеста необходимо получить ответную реакцию, потому что он ориентирован на новую норму. Общество должно принять точку зрения манифеста, отбросить старые идеи и обратиться к новым. Процесс вербализации новых идей, прагматика и ответная реакция базируются на теории речевых актов. И. В. Четыркина отмечает, что создание трёхуровневой системы речевых актов является ключевым моментом для новой методологии [Четыркина 2005: 4]. Разработал теорию речевых актов Джон Лэнгшо Остин в книге «Слово как действие» [Лэнгшо 1986: 22–129]. Речевой акт не состоит только из акта вербализации, он эксплицирует или имплицитно прагматику и нацелен на получение реакции. Эти три аспекта легли в основу классификации речевых актов: локутивных, иллокутивных и перлокутивных.

Во время локутивного акта происходит вербализация высказывания, озвучивается предложение, просьба. Иллокутивный акт включает в себя прагматику речи, смысл за сказанным на этапе локутивного акта. Перлокутивный акт отвечает за ответную реакцию

рецепиента, если такая последует. В рамках перлокутивного акта фиксируется ответная реакция, однако, она не всегда может быть или не всегда может быть желаемой. В книге «Слово как действие» Дж. Остин говорит, что высказывание не теряет свою прагматику, если не получает реакцию, однако в случае манифеста наблюдается другая ситуация. Это связано с манифестарностью. Понятие «manifestantisch» означает черты манифеста, которые есть даже не в манифестарных произведениях. Как мы отмечали выше, это может произойти в сфере кино, книг. Манифест должен совершить успешный иллокутивный акт, чтобы в ходе перлокутивного акта получить необходимый результат. Перед непосредственным анализом перформативности в тексте «Stop Saving the Planet!: An Environmentalist Manifesto» необходимо сказать несколько слов об авторе Дженни Прайс. Она уже долгое время занимается вопросами экологии и это не первая ее книга в рамках экологического дискурса. Книга разделена на двенадцать глав, в каждой затрагивается отдельная тема экологического дискурса. Само название книги «Stop Saving the Planet!: An Environmentalist Manifesto» уже можно считать перформативом. Автор книги призывает прекратить попытки спасти планету с помощью уже устаревших и неактуальных методов, чтобы привлечь внимание публики в названии фигурирует экскламация.

«*How can we change environments vastly better? And by better, I mean a lot more sustainably but also a hell of a lot more equitably*». В данном предложении Дженни Прайс использует местоимения *we*, выполняя двойную риторическую функцию. С одной стороны, она обращается к своим сторонникам, активистам и равнодушным людям, с другой стороны, она имеет в виду тех, кто читает эти книгу. Тем самым автор сближает себя и читателя. Дженни Прайс не использует поляризующие местоимения. Перформативность данного пункта состоит в привлечении людей к поиску более эффективных методов борьбы за экологию.

«*We need to object vociferously to – instead of double down on – the deeply bizarre assumption that environment is a not-human world “out there”*» – в книге очень много прямых обращений автора к читателям. В данном случае нас призывают не отделять людей от природы. На уровне иллокутивного акта реализуется интенция сплочения людей ради общей цели.

«*You can genuinely care about our urgent environmental crises – but also fail to seriously challenge the tibertoxic industrial and economic practices that create and perpetuate them*». В контексте данного предложения Дженни Прайс просит обратить внимание не на следствие, а на причину проблемы.

«*Am I saying that all American environmentalism takes the “out there” approach—which allows you to sidestep the problem, and to have your Prius and drive it too? NO!! No, I am not. The “in here,” Great Changes approach to environmental crises is wonderfully alive and well and kicking very hard—if a lot less likely to appear on a T-shirt*». Эта цитата показывает, как автор может использовать синтаксис для выражения эмоций и донесения идеи. Риторический вопрос по сути отвечает на возможные претензии читателей и сразу отвечает на них, создавая коммуникативный акт. Дженни Прайс множеством разных способов пытается донести свои идеи до читателей, вывести их на диалог.

«*Also, it’s utter bullshit. So how about insisting instead that, hey, if you’re struggling in this economy, then it’s decidedly not because the air your kids breathe is too clean or because the water they drink isn’t poisonous enough*». В этом отрывке реализуется контраргумент на одно из положений в современном эко-активизме. Перформативность может обозначать огромное множество значений, начиная с просьб, заканчивая приведением аргументов и призывам к чему-либо.

«If you're a miner or if you work in an Amazon warehouse, then you earn decent to poverty-level wages in unsafe working conditions to help blow up mountains and spew toxic chemicals – which we stash in your communities.

If you're the oil-industry titan Charles Koch? – or Jeff Bezos, the CEO of Amazon and the world's richest person? Then yes, our Great Changes environmentalism – which calls for a wholesale transition to an economy that is fair and sustainable – will threaten your outsize, gargantuan profits».

В данном случае комментируются ужасные трудовые условия бедных шахтеров и на контрасте с ними рассказывается о самых богатых людях планеты. Дженни Прайс обращается к наиболее уязвимым слоям населения, показывая им контраст с условиями жизни самых богатых. В рамках этой книги писательнице важно реализовать обращения ко всем людям, кто страдает от плохой экологии, но не понимает этого.

«WHY CAN'T YOU FIND A 50 SIMPLE THINGS YOU Can Do to End World Poverty handbook at your bookstore? – or 101 Ways You Can Help Stop Gun Violence (or Solve the Middle East Crisis) before You're 12! Or maybe 100 Budget-Friendly Things You and Your Horse Can Do to End Slave Labor Worldwide. Why track your everyday actions through climate change and the plastics Armageddon – but not through any other global monumental fubar crises?». Этот отрывок содержит ряд лингвистических приемов. Синтаксический параллелизм, например, используется для нагнетания ситуации, называются все более сложные вопросы мирового характера. Здесь можно проследить иронию. Почему кто-то считает, что с экологическими проблемами легко бороться, а с другими глобальными угрозами нет? Шрифт в начале текста привлекает к себе внимание. К тому же большое количество слов написано с прописных букв. Это не только привлекает внимание читателя, но и пародирует заголовки книг с советами.

«Are you really trying to stop the Noachian flood of plastics, for example, from the consumer end? You're not even sending a carrier pigeon – your're dispatching a garden snail – instead of calling 911». Текст манифеста богат на тропы. Здесь мы видим метафору *dispatching a garden snail*, это попытка указать на очень медленный темп решения проблем. Почти вся книга Дженни Прайс – попытка актуализировать речевой акт и донести некорректность тех или иных мыслей, именно поэтому в тексте достаточно богатый на лингвистические тропы язык, а так же синтаксис.

Заключение

Жанр можно анализировать с разных точек зрения. Порой сложно четко определить произведения в этом жанре из мультидискурности, но их всегда отличает яркий риторический стиль и желание передать свои идеи слушающему. Категория перформативности наиболее четко прослеживается именно в этом жанре. На примере книги Дженни Прайс мы показали, какие смыслы имплицитно, как они реализуются. Порой они объясняются в работе эксплицитно, иногда скрыты за слоем метафор и эпитетов.

Список литературы

1. Лютер М. 95 тезисов. URL: http://krotov.info/library/12_1/ut/er_03.html (дата обращения: 01.12.2024).
2. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М. : Политиздат, 1985. 63 с.
3. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. С. 22–129.

4. Четыркина И. В. Перформативность как конститутивный признак культуры: этническая и историческая перспективы : монография / под ред. С. А. Мегентесова. Краснодар : Изд-во «Кубанский государственный университет», 2005. 223 с. ISBN: 5-8209-0426-5 EDN: STTGYN
5. Abastado Cl. Introduction à l'analyse des manifestes / Littérature. Paris. 1980. No. 39. P. 3-11.
6. Berg H. Manifesto, eine Gattung?: Gattung?" On the Historiographical Problem of a Descriptive Auxiliary Construction // Manifesto: Intentionality. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1998. P. 193–225.
7. Caws M. A. Ed. Manifesto: A Century of Isms. URL: <https://www.professores.uff.br/ricardobasbaum/wp-content/uploads/sites/164/2017/11/mary-ann-caws-manifesto-a-century-of-isms-1.pdf> (дата обращения: 01.01.25).
8. Grillet A. "Pour un nouveau roman" // Bulletin de l'Université de Toulouse. 1963. No.7. P. 854–855.
9. Lyon J. Manifestoes: Provocations of the Modern. New York : Cornell University Press, 1999. 12 p. DOI: 10.7591/9781501728358
10. Marinetti T. Manifesto du Futurisme. Gallica URL: https://www.lyriktheorie.uni-wuppertal.de/texte/1909_marinetti.html (дата обращения: 01.02.25).
11. Stevens R. Manifestoes: A Study in Genre, 2003. URL: https://digitalcommons.uri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1709&context=oa_diss (дата обращения: 10.01.25).

References

1. Lyuter M. 95 tezisov [95 theses]. (In Russ.). Available at: http://krotov.info/library/12_l/ut/er_03.html (accessed: 01.12.2024).
2. Marks K., Engel's F. Manifest Kommunisticheskoy partii [Manifesto of the Communist Party]. Moscow, Politizdat, 1985. 63 p. (In Russ.).
3. Ostin Dzh. L. Slovo kak deystvie [Word as action]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. 17, Moscow, Progress, 1986, pp. 22-129. (In Russ.).
4. Chetyrkina I. V. Performativnost' kak konstitutivnyy priznak kul'tury: etnicheskaya i istoricheskaya perspektivy [Performativity as a constitutive feature of culture: ethnic and historical perspectives]. Edited by S. A. Megentesova. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2005, 223 p. (In Russ.). ISBN: 5-8209-0426-5 EDN: STTGYN
5. Abastado Cl. Introduction à l'analyse des manifestes / Littérature. Paris. 1980. No. 39. P. 3-11.
6. Berg H. Manifesto, eine Gattung?: Gattung?" On the Historiographical Problem of a Descriptive Auxiliary Construction // Manifesto: Intentionality. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1998. P. 193–225.
7. Caws M. A. Ed. Manifesto: A Century of Isms. URL: <https://www.professores.uff.br/ricardobasbaum/wp-content/uploads/sites/164/2017/11/mary-ann-caws-manifesto-a-century-of-isms-1.pdf> (дата обращения: 01.01.25).
8. Grillet A. "Pour un nouveau roman" // Bulletin de l'Université de Toulouse. 1963. No.7. P. 854–855.
9. Lyon J. Manifestoes: Provocations of the Modern. New York : Cornell University Press, 1999. 12 p. DOI: 10.7591/9781501728358
10. Marinetti T. Manifesto du Futurisme. Gallica URL: https://www.lyriktheorie.uni-wuppertal.de/texte/1909_marinetti.html (дата обращения: 01.02.25).
11. Stevens R. Manifestoes: A Study in Genre, 2003. URL: https://digitalcommons.uri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1709&context=oa_diss (дата обращения: 10.01.25).

Информация об авторах

К. А. Рязанцев – студент, факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;
О. И. Графова – кандидат филологических наук, доцент,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

K. A. Ryazancev – Student, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures,
Perm State University;
O. I. Grafova – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and
Translation, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2025;
принята к публикации 20.04.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 30.01.2025; accepted for
publication 20.04.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 82–93.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 18. P. 82-93.

Научная статья

УДК 811.161.1'373.4

doi: 10.24412/2713-0231-2025-18-82-93

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Сергей Александрович Рябкин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
riabkins8@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу прилагательных с инструментальным значением и их роли в репрезентации категории инструментальности в русском языке. Исследование акцентирует внимание на том, как прилагательные, обозначающие материал, назначение или функцию предметов, выступают важным средством описания инструментов, используемых в различных сферах человеческой деятельности. В работе представлен широкий спектр примеров, систематизированных по тематическим группам, связанным с неживой и живой природой, а также веществами и минералами. Рассматриваются такие прилагательные, как *солнечный* (солнечная батарея), *оптический* (оптический кабель), *лучевой* (лучевая терапия), *кварцевый* (кварцевая лампа), *газовый* (газовая плита), *лимонный* (лимонная кислота) и многие другие. Каждый случай сопровождается описанием объекта, его функционального назначения и иллюстративными цитатами из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), словарей и современных интернет-источников, что позволяет показать, как прилагательные отражают связь между действием и инструментом. Для анализа применялись контекстный, функциональный и описательный методы, а также интерпретация, что обеспечило более глубокое изучение семантического потенциала исследуемых языковых единиц. Результаты исследования подтверждают, что прилагательные являются ключевым элементом языка, структурирующим взаимодействие между субъектом, объектом и инструментом в категориальной ситуации. Они не только обогащают язык, но и способствуют более точной передаче знаний о функциональных свойствах объектов, подчёркивая их значимость в коммуникации. Работа демонстрирует, что прилагательные с инструментальным значением играют важную роль в актуализации категории инструментальности, раскрывая её через символическое и функциональное описание инструментов.

Ключевые слова: категория инструментальности, субъект, объект, инструмент, категориальная ситуация, имя прилагательное.

Для цитирования: Рябкин С. А. Функционирование имен прилагательных инструментальной семантики // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 82–93. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-82-93>

Original article

THE FUNCTIONING OF ADJECTIVES OF INSTRUMENTAL SEMANTICS

Sergei A. Riabkin

Perm State University, Perm, Russia, riabkins8@gmail.com

Abstract. The proposed article is devoted to the analysis of adjectives with instrumental meaning and their role in expressing the category of instrumentality in the Russian language. The study focuses on how adjectives denoting the material, purpose or function of objects and serve as important means of describing the instruments used in various spheres of human activity. The paper presents a wide range of examples systematised into thematic groups related to inanimate and animate nature, as well as materials and minerals. Such adjectives as solar (solar battery), optical (optical cable), ray (radiation therapy), quartz (quartz lamp), gas (gas cooker), lemon (citric acid) and many others are considered. Each case is accompanied by a description of the object, its functional purpose and illustrative quotations from the Russian National Corpus, dictionaries and modern Internet sources, which allows us to show how adjectives reflect the relationship between the action and the instrument. Contextual, functional and descriptive methods, as well as interpretation were used for the analysis, which provided an in-depth study of the semantic potential of the studied language units. The results of the study confirm that adjectives are a key element of the language, structuring the interaction between subject, object and instrument in a categorical situation. They not only enrich the language, but also contribute to the accurate transfer of knowledge about the functional properties of objects, emphasising their importance in communication. The paper demonstrates that adjectives with instrumental meaning play an important role in actualising the category of instrumentality, revealing it through symbolic and functional description of instruments.

Keywords: the category of instrumentality, subject, object, instrument, instrumental case, adjective.

For citation: Riabkin S. A. The functioning of adjectives of instrumental semantics. Humanitarian Studies. History and Philology. 2025;18:82-93. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-82-93>

Введение

Прилагательное рассматривается как лексико-семантический класс предикатных слов, обозначающих непроецессуальный признак (свойство) предмета, события или другого признака, обозначенного именем. Прилагательное обозначает либо качественный признак предмета, вне его отношения к другим предметам, событиям или признакам, либо признак относительный, обозначающий свойство предмета через его отношение к другому предмету, признаку, событию [ЛЭС].

Концептосфера инструментальности понимается нами как набор типичных знаний и представлений, связанных с инструментальностью. Она охватывает «всё то, посредством чего субъект оказывает воздействие на объект для получения определённого результата». Для реализации своей деятельности человек задействует широкий спектр ресурсов, включая предметы, действия, состояния, свойства, информацию и природные силы [Шустова 2019: 156; см. также Архипова 2021; 45–51; Шустова 2021: 81–89; 2021а: 511–515; Шустова, Третьякова 2022: 26–33]. Инструмент – это участник ситуации, как правило, неодушевленный, которого агент использует для осуществления своей деятельности [Жеребило 2010: 121; Третьякова, Шустова 2022]. В качестве методов анализа послужили контекстный анализ, интерпретация, функциональный анализ (наблюдение функционирования исследуемых языковых единиц с целью описания их семантического потенциала) и описательный метод.

Основная часть

Рассмотрим некоторые прилагательные, которые могут употребляться в инструментальном значении.

Неживая природа

Небесное пространство и небесные тела: **солнечный**. Солнечная батарея представляет собой набор ячеек из кремния (фотоэлектрических преобразователей), соединенных между собой токопроводящими шинами и напрямую преобразующими солнечную энергию в постоянный электрический ток [Технолайн].

На крыше установлена солнечная батарея площадью 20 кв. м и мощностью в 3 кВт [Заметки (Вокруг земного шара) // «Техника – молодежи». 1977, НКРЯ].

В большинстве северокорейских домов сейчас есть солнечная батарея, с помощью которой можно зарядить аккумулятор, а потом использовать его, чтобы запитать компьютер, сотовый телефон (все более распространенное устройство) и телевизор, не говоря уже о светильниках [Путь к свету: как справляются с энергетическим кризисом в Северной Корее // РБК. 2017, НКРЯ].

Оптические явления и их признаки: **оптический, лучевой**. В волоконно-оптической кабеле носитель сигнала – световое излучение, посредством которого передается оптический импульс. Внутри прозрачного материала перемещаются кванты света – фотоны. Скорость света в оптоволокне приблизительно 200'000 км/с, которое различается в зависимости от количества не прямолинейных участков. Источником выступают лазеры или светодиоды [ИК].

При этом оптический кабель абсолютно не подвержен электромагнитным помехам, более устойчив к непогоде и влажной среде [Витая пара: категории, обжим, советы по работе. 2019, НКРЯ].

Оптический кабель проведен с поверхности в каждый горизонт рудника, через специально созданные для работы под землей коммутаторы он обеспечивают всю шахту сетью [На рудник в Заполярье провели Wi-Fi // lenta.ru. 2017, НКРЯ].

Лучевая терапия (радиотерапия) – это вид противораковой терапии, при котором специалисты уничтожают раковые клетки в организме пациента, подвергая их воздействию ионизирующего излучения, такого как рентгеновские лучи, гамма-лучи, электроны высоких энергий или тяжелые частицы. Это один из наиболее широко применяемых методов лечения рака. Лучевая терапия в тот или иной момент в течение болезни требуется примерно половине всех онкобольных [ИАЕА].

Необходимо лечение – точечная химиотерапия и лучевая терапия [Социальная реклама // «Эксперт». 2013, НКРЯ].

В данный момент для лечения злокачественных опухолей широко применяется лучевая терапия [Учёные разработали наночастицы, способные убивать раковые клетки // Парламентская газета. 2021, НКРЯ].

Горные породы и минералы: **баритовый, кварцевый, угольный**. Баритовая штукатурка применяется при отделке радиологических лабораторий, рентген – и МРТ – кабинетов, хранилищ для радиоизотопов. В гражданском строительстве баритовая штукатурка используется с целью защиты от естественного радиационного фона и электромагнитного излучения [ССП].

Оказавшись на стенах, баритовая штукатурка препятствует распространению рентгеновского излучения в другие помещения [LCC].

Кроме того, баритовая штукатурка и баритовый концентрат снижают воздействие естественного радиационного фона [LCC].

Кварцевая лампа (или озоновая лампа) – кварцевание представляет собой процедуру обработки воздуха и предметов в комнате при помощи ультрафиолетовых лучей. Данный метод так называется из-за кварцевого стекла, которое используется в лампах на аппарате [ЛидерМедГрупп].

Одним из таких аппаратов для домашнего лечения является **кварцевая** лампа, которая производится в Нижнем Новгороде на заводе им. Попова [LCC].

При недостатке его в пище, нарушается минеральный обмен (в первую очередь обмен кальция и фосфора). Витаминами D богаты рыбий жир, сливочное масло. В растениях и растительных жирах витамина D нет, но есть так называемый провитамин, из которого под влиянием ультрафиолетовых лучей образуется витамин D. Под действием этих же лучей (солнце, **кварцевая** лампа) из таких же провитаминов он может образовываться и у нас в организме. Поэтому рахит – заболевание, вызванное недостатком витамина D – лечат не только рыбьим жиром, но и облучением кварцевой лампой. Витамин PP (никотиновая кислота) необходим нашему организму для синтеза окислительных ферментов. Суточная потребность – 15–25 мг. [Кузмин А. М. Обмен веществ и питание // «Наука и жизнь». 1950, НКРЯ].

Угольные фильтры изготавливаются из активированного угля и предназначены для удаления загрязнителей через процесс адсорбции [Клинво].

Кроме того, в новые пылесосы можно дополнительно устанавливать **угольный** фильтр для борьбы с неприятными запахами [Новости домашние // «Домовой». 2002, НКРЯ].

В первой колбе вода прогоняется через **угольный** фильтр, задерживающий все крупные загрязняющие частицы и соли металлов [Люльчак Е. Воздушный кулер // РБК Daily. 2008, НКРЯ].

Общие понятия, связанные с минералами: **минеральный**. Бальнеотерапия (минеральная терапия) – использование природных и искусственно приготовленных минеральных вод для профилактики и лечения различных заболеваний [БТСРЯ].

В качестве лечебных факторов применяются лечебные грязи, **минеральная** вода и климатотерапия [LCC].

Всевозможные лечебные ванны, массаж, душ, игло- и лазеротерапия, **минеральная** вода сочинских источников – все это поможет избавиться от сосудистых заболеваний, заболеваний органов дыхания, нервной системы, опорно-двигательного аппарата [Зенина Е. Морская симфония // «Туризм и образование». 2001, НКРЯ].

Ветер и его признаки: **ветряной**. Ветряная мельница (ветряк) – устройство, приводимое в действие ветром, вращающим крылья или лопасти [НТЭС].

В селе не было электроэнергии, поэтому **ветряная** мельница приносила много пользы крестьянам [LCC].

Карусельные и роторные ветродвигатели работоспособны при любом направлении ветра, но они, как и ветродвигатели барабанного типа, не защищены от возможных разрушений при сильном ветре. Простейшая **ветряная** мельница может нормально работать только в присутствии человека. Человек должен следить за ветром и вовремя устанавливать ветровое колесо в нужное положение. Если **ветряная** мельница большая, то для установки колеса на ветер необходимо не менее двух человек, если она не имеет специального ворота (простейшей машины для подъёма груза) [Кармишин А. В. Ветер и его использование, 1951, НКРЯ].

Атмосфера и ее состояние: **атмосферный, безвоздушный, воздушный, озоновый**. Атмосферный двигатель – это один из самых первых двигателей, созданных человеком. И свое название он берет от той самой атмосферы, которая окружает нас и при этом также участвует и в процессе горения смеси в двигателе. Смесь создается за счет затягивания воздуха поршнями через карбюратор, ресивер инжектора и подающейся горючей жидкости (бензин или дизельное топливо) То есть атмосферный двигатель – это самый обычный двигатель, без применения каких-либо специализированных устройств, влияющих на баланс питающей смеси двигателя (турбина, компрессор, интеркулер) [Drive2].

Атмосферный воздух через входное воздухоочистительное устройство и камеру всасывания поступает в двигатель [LCC].

Атмосферный двигатель – благодаря отсутствию турбо и своему происхождению от Тойоты – "стремится к долголетию", не перенапрягается [Колесов О. Тест-драйв Toyota Corolla: скромное обаяние // Комсомольская правда. 2013, НКРЯ].

Безвоздушное распыление – распыление лакокрасочного материала без участия сжатого воздуха под высоким давлением [ССТНТД].

Безвоздушное распыление материалов позволяет получить на поверхности равномерную по толщине и однородную по объему защитную пленку [LCC].

Воздушный шар – неуправляемый летательный аппарат, который легче воздуха [НТЭС].

Первый заполненный водородом **воздушный** шар был построен в 1783 году французским ученым Жаком Александром Сезаром Шарлем, вскоре после первого полета братьев Монгольфьер [Курамшин А. И. Элементы. Замечательный сон профессора Менделеева. 2019, НКРЯ].

А может, сесть на **воздушный** шар и подняться выше Эвереста? [Мацанов А. К. Мастер и подмастерье // «Ковчег». 2015, НКРЯ].

Озонотерапия – вид физиотерапевтического лечения в альтернативной медицине, предполагающий использование газа озона (O₃), который генерируется специальными приборами медицинского назначения – озонаторами. Его используют в качестве дезинфицирующего средства, в том числе наружно, вводят в суставы и в подкожную клетчатку в чистом виде, а в кровеносное русло вводят, смешивая с физиологическим раствором и/или кровью пациента (аутогемотерапия). Однако озон токсичен и потому опасен при вдыхании и непосредственном внутривенном применении [Википедия].

Озонотерапия. Озон восстанавливает микроциркуляцию, стимулирует окислительно-восстановительные процессы, а также улучшает энергетическое обеспечение клеток, иначе говоря, оживляет их, стимулирует обменные процессы в соединительных тканях в области растяжек [LCC].

Озонотерапия (внутривенное введение озонированного раствора) имеет широкий диапазон воздействия, оказывает бактерицидное, вирусоцидное, фунгицидное, иммуномодулирующее, противогипоксическое, дезинтоксикационное воздействие, обладает хорошей переносимостью и практически не имеет побочных эффектов [Доверьте ваше здоровье добрым рукам врачей-профессионалов! // Комсомольская правда, 2008, НКРЯ].

Водное пространство, водный поток, их части и признаки: **гейзерный**. Гейзерная кофеварка – тип кофеварки, в которой горячая вода, вытесняемая давлением пара, поднимается из нижнего резервуара в верхний через отделение с молотым кофе [СБКТ].

*Кофеварка **гейзерная** работает по следующему принципу – пар или горячая вода несколько раз проходит через подготовленный (молотый) кофе, таким образом напиток получает насыщенный вкус и прекрасный аромат [LCC].*

***Гейзерная** кофеварка тоже была изобретена парижанином – ювелиром Жаком-Августином Ганде в 1827 году [LCC].*

Вещества и минералы

Вещество по физическим и химическим свойствам, биологической активности: **газовый, дейтериевый, диоксидный, диэлектрический, лучистый, натровый, нитратный, пружинистый, углеводородный, щелочной, электролизный.**

Газовая плита – приспособление для приготовления пищи на огне, представляющее собой металлическую (обычно чугунную) доску с отверстиями, из которых выходит газ и огонь [БТСРС].

***Газовая** плита является одним из самых опасных бытовых приборов, поскольку требует подключения к системе газоснабжения [LCC].*

Тяжеловодный реактор, тепловой реактор, в котором замедлителем служит тяжёлая вода (D2O) [БСЭ].

***Дейтериевый** теплогенератор Киркинского – это энергетика нового поколения [LCC].*

*Между тем, **дейтериевый** реактор способен вырабатывать плутоний, который может быть использован для производства ядерного оружия, подчеркнули специалисты из Института наук и международной безопасности (Institute for Science and International Security) [США рассмотрели из космоса иранскую тяжелую воду // Lenta.ru. 2005, НКРЯ].*

Огнетушитель – переносной или перевозной аппарат для ликвидации загораний огнетушащими средствами (углекислота, химические и воздушно-механические пены, хладоны, порошки и т. д.) [БЭС].

*В случае возгорания использовать пенный, сухой или **углекислотный** огнетушители [LCC].*

*И, конечно же, на всякий пожарный случай всегда имейте под рукой огнетушитель (лучше всего **углекислотный**, он промаркирован буквами ОУ), песок или хотя бы плотную ткань [Рыбалкина Е. На базар за елкой // Комсомольская правда. 2010, НКРЯ].*

Диэлектрик – вещество, плохо проводящее электрический ток, непроводник (выделяют твердые, жидкие, газообразные диэлектрики) [БТСРС].

*Надежный **диэлектрический** корпус обеспечивает безопасность пользователя [LCC].*

*Кроме того, используются восемь промежуточных слоев из меди и **диэлектрический** материал с низким коэффициентом проводимости (low-k диэлектрик), увеличивающие скорость передачи сигнала в микросхеме и также сокращающие энергопотребление [Intel выпускает память на 65-нанометровых транзисторах // Lenta.ru. 2004, НКРЯ].*

Инфракрасный обогреватель – тепловое оборудование, которое нагревает предметы в помещении (стены, пол, мебель, одежду), тепло от которых передается воздуху. Служат как для зонального обогрева, так и для поддержания комфортной температуры в больших помещениях [ВсеИнструменты].

***Инфракрасный** обогреватель – один из наиболее безопасных способов обогрева, они греют с помощью инфракрасных лучей, которые нагревают не воздух, а людей и предметы в радиусе действия инфракрасных волн [LCC].*

*Один из приборов, который применяется при прямом стационарном отоплении, – потолочный **инфракрасный** обогреватель [Как обогреть помещение и при этом сэкономить // Аргументы и факты. 2001, НКРЯ].*

Гидроксид натрия является неорганическим токсичным соединением, которое широко применяется при изготовлении различных продуктов ежедневного пользования, в промышленных и бытовых целях [СегментПро].

Нитрат натрия соли азотной кислоты с анионом (NO_3), необходимый элемент питания растений. Широко используется в сельском хозяйстве в качестве удобрений и в пищевой промышленности в качестве добавки. Сами по себе нитраты относительно не токсичны, однако в организме могут превращаться в гораздо более токсичные нитриты [ЭС].

*Кальциевая селитра – это **нитратное** удобрение, но при точном соблюдении сроков применения и дозировок оно не оказывает негативного влияния на организм человека, и приносит большую пользу урожаю [LCC].*

Диван и его разновидности – оттоманка, тахта и кушетка, – относятся к группе деревянной мебели. Отличительная особенность дивана является наличие съемной или несъемной спинки. Диван состоит из четырёх основных частей: коробки из плит с ножками или на ножках, сидения, спинки и локотников. Сидение состоит из прямоугольной деревянной рамы, на которой в мягких диван укреплена проволочная сетка с пружинами [ТС].

*Ни в коем случае не разрешайте детям прыгать на диване, не имеет значения, из какого материала он изготовлен, будь это старый добрый **пружинистый** диван или же из материала типа силикона [LCC].*

*В настиле дивана используется основание из пружин-"змейка", которое мягкое по посадке, но имеет **пружинистый** эффект, благодаря чему Ваш позвоночник не будет подвергаться искривлению [LCC].*

Растворитель – неорганические или органические вещества, а также смеси, способные растворять различные вещества [ТСПБИЖ].

*Дорогостоящий **углеводородный** растворитель позволяет деликатно чистить вашу шубу [LCC].*

*Оборудование **Mac Dry** предназначено для работы с использованием различных растворителей: помимо наиболее распространенного перхлорэтилена, оно также позволяет использовать альтернативные растворители – **углеводородный**, силиконовый и K4 [LCC].*

Щелочной аккумулятор – это вторичный химический источник тока, в котором энергия протекающих в нём химических реакций непосредственно превращается в электрическую энергию. Существуют различные щелочные аккумуляторы, которые работают по одному принципу (анод + электролит (щелочной раствор) + катод), но отличаются химические составляющие аккумулятора: никель–кадмиевый аккумулятор, железо–никелевый аккумулятор, никель–металлогидридный аккумулятор, никель–цинковый аккумулятор, серебряно–кадмиевый аккумулятор, серебряно–цинковый аккумулятор [Википедия].

*В отрасли в настоящее время преимущественно используются шахтерские светильники на основе ламп накаливания, энергию которым дает **щелочной** аккумулятор [LCC].*

*Свинцовый аккумулятор в хороших руках служит от 1 до 3 лет в зависимости от качества его изготовления; наблюдались, однако, случаи, что аккумулятор загоняли и в полгода. Срок службы **щелочного** (жел.-никкел.) аккумулятора до сих пор не определен,*

во всяком случае он долговечен, стоит лишь время от времени менять щелочь и держать в чистом виде, не давая ржаветь сосуду снаружи. Свинцовый аккумулятор боится ударов, тряски, бездействия в разряженном состоянии, разряда ниже 1,8 вольта, короткого замыкания и, кстати, тяжел. **Щелочной** аккумулятор лишен всех этих недостатков и значительно легче. Цена свинцового аккумулятора много ниже щелочного, но зато при длительной эксплуатации последний много выгоднее и уход за ним легче [Магнушевский А., Зарядка и разрядка аккумуляторов // «Радио Всем». 1927, НКРЯ].

Электролизная установка является техническим устройством, используемым для проведения электролиза – процесса разложения химических соединений под воздействием электрического тока. Это один из самых важных процессов в химической промышленности, используемый для различных целей, таких как получение водорода, кислорода, хлора, щелочи, металлов и других продуктов [ППКК].

В начале XX века на заводе Розенкранца (так именовалось наше предприятие до 1922 года) создана первая в России **электролизная** установка для получения высококачественной рафинированной меди [«Красный выборжец» // «Родина». 1999, НКРЯ].

В настоящее время для дезинфекции водопроводной воды вместо активного хлора применяется **электролизная** установка (обеззараживание производится с помощью поваренной соли), а также используется оборудование для обеззараживания воды с помощью ультрафиолета [LCC].

Живая природа

Деревья и кустарники со съедобными плодами и листьями: **лимонный**. Лимонная кислота – одно из самых распространенных органических соединений, широко используемое в пищевой, фармацевтической и химической промышленности [АльфаХимСинтез].

Лимонная кислота отлично справится с задачей очистки системы от накипи и, кроме всего прочего, лимонная кислота абсолютно безвредна для здоровья, экологически безопасна для окружающей среды и дешева по сравнению со специальными химикатами [LCC].

Лимонная кислота, входящая в их состав, нейтрализует вредные соединения, являясь природным «противоядием» [В Роспотребнадзоре рассказали, как выбрать мандарины // Парламентская газета. 2021, НКРЯ].

Заключение

Таким образом, анализ показал, что прилагательные с инструментальным значением служат эффективным средством для точного описания объектов, их функций и характеристик. Это делает их незаменимыми в ситуациях, когда необходимо выделить назначение, способ использования или материал, из которого изготовлен предмет. Их широкая востребованность в различных сферах деятельности подчёркивает их значимость для коммуникации и передачи знаний. Такие прилагательные играют важную роль в актуализации категории инструментальности, так как они указывают на функциональные свойства объектов, их назначение или материал, из которого они изготовлены, также на то, что объект используется как инструмент или средство для выполнения определенных действий. Это показывает, что прилагательные не только могут описывать свойства объектов, но и актуализировать их роль в конкретных процессах, что делает их важным элементом в выражении категории инструментальности.

Список литературы

1. Автомобильный портал. URL: <https://www.drive2.ru/b/2978055/> (дата обращения: март 2024).
2. Архипова И. В. Таксисный потенциал предлогов нидерландского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 45–51. DOI: 10.24412/2713-0231-2021-3-45-51 EDN: NSVLXW
3. Бабенко Л. Г. и др. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ-пресс книга. 2005. 862 с. ISBN: 5-462-00358-7 EDN: QRRTQT
4. Интернет-магазин медицинского оборудования «ЛидерМедГрупп». URL: <https://perm.biomedgroup.ru/chto-takoe-kvarczevanie-i-zachem-ego-delat.html/> (дата обращения: 08.01.2025).
5. Интернет-магазин товаров для дома и строительства «ВсеИнструменты». URL: <https://www.vseinstrumenti.ru/publication/obogrevateli-slovar-terminov-712/> (дата обращения: 19.01.2025).
6. Интернет-магазин фильтров для воды «Клинво». URL: <https://clinvo.ru/stati/effektivnost-ugolnyh-filtrov-preimushhestva-i-nedostatki/?srsItd=AfmBOoo1ihmF8EkyUqT17qz3ScZ6pxOCR0ebqfGG1r3ku0jxiaQOFs4R> (дата обращения: 19.01.2025).
7. Интернет-магазин химического сырья и реагентов «АльфаХимСинтез». URL: <https://a-sintez.com/blog/yavlyaetsya-li-limonnaya-kislota-shchelochyu-424/> (дата обращения: 15.01.2025).
8. Интернет-магазин химических реактивов и сопутствующего оборудования «СегментПро». URL: <https://snabcomplekt.com/helpful-information/svoystva-gidroksida-natriya-i-primeneniye-veshchestva-v-promyshlennosti-i-bytu> (дата обращения: 15.01.2025).
9. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Издательство ООО «Пилигрим», 2010. 486 с. ISBN: 978-5-98993-133-0 EDN: RUSOUC
10. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: НОРИНТ, 2000. 1536 с.
11. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 18.01.2025).
12. Общедоступная многоязычная универсальная интернет-энциклопедия со свободным контентом – «Википедия». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 17.01.2025).
13. Промышленный портал Краснодарского края. URL: <https://promkuban.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).
14. Пугачев И. А. Товарный словарь. М.: Госторгиздат, 1956-1961. 9 т.; 26 см. Т. 2: Волокна текстильные – Зюйдвестка. Т. 2. 1957. 1044 с.
15. Совместное научно-техническое предприятие России и Китая в сфере разработки и внедрения систем альтернативного электроснабжения. URL: <https://e-solarpower.ru/faq/solnechnye-batarei/kak-rabotaet-solnechnaya-batareya/> (дата обращения: 21.01.2025).
16. ТСПБИЖ – Михайлов К. В., Крылов Б. А., Подвальный А. М. Терминологический словарь по бетону и железобетону. М.: ФГУП «НИЦ "Строительство" НИИЖБ им. А. А. Гвоздева». 2007. 110 с.
17. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. М.: ЛЕНАНД, 2019. 248 с.

18. Шустова С. В. Инструментальность и эмотивность в ситуации с глаголами восхищаться / восторгаться и их дериватами // *Язык и деятельность. Научные чтения на кафедре ромнских языков им. В. Г. Гака. Сборник статей по итогам VI международной конференции.* М. : Изд-во «Московский педагогический университет», 2021. С. 511–515. EDN: MICKKG
19. Шустова С. В. Инструментальность в каузативной ситуации // *Гуманитарные исследования. История и филология.* 2021. № 3. С. 82–89. DOI: 10.24412/2713-0231-2021-3-82-89 EDN: YLSDKO
20. Шустова С. В., Третьякова Д. Д. Глаголы с инкорпорированным актантом-инструментом в русском языке // *Евразийский гуманитарный журнал.* 2022. № 1. С. 26–33. EDN: MZRLRC
21. Электронная версия Большой советской энциклопедии. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/113/315.htm> (дата обращения: 20.01.2025).
22. Электронная версия Лингвистического энциклопедического словаря. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/269c.html> (дата обращения: 09.01.2025).
23. Электронная версия Научно-технического энциклопедического словаря. URL: <https://rus-scientific-technical.slovaronline.com/> (дата обращения: 19.01.2025).
24. Электронная версия Новой философской энциклопедии. URL: <https://iphlib.ru/library/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения: 02.02.2025).
25. Электронная версия Словаря бариста: кофейные термины. URL: <https://coffee-tea.ru/blog/slovar-barista/> (дата обращения: 18.01.2025).
26. Электронная версия Словаря-справочника терминов нормативно-технической документации. URL: <http://www.find-info.ru/doc/dictionary/normative-technical-documentation/fc/slovar-193-9.htm#zag-4320> (дата обращения: 17.01.2025).
27. Электронная версия Современного энциклопедического словаря. URL: <https://encyclopediadic.slovaronline.com/> (дата обращения: 02.02.2025).
28. Электронная версия Экологического словаря. URL: <https://rus-ecolog-dict.slovaronline.com/4072-%D0%9D%D0%98%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%A2%D0%AB> (дата обращения: 16.01.2025).
29. LCC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <https://corpora.uni-leipzig.de/> (дата обращения: 04.02.2025).

References

1. Avtomobil'nyy portal [Automobile portal]. (In Russ.). Available at: <https://www.drive2.ru/b/2978055/> (accessed: mart 2024).
2. Arkhipova I. V. Taksisnyy potentsial predlogov niderlandskogo yazyka [Taxi Potential of Dutch Prepositions]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian studies. History and philology]. 2021, no. 3, pp. 45-51. (In Russ.). DOI: 10.24412/2713-0231-2021-3-45-51 EDN: NSVLXW
3. Babenko L. G. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy [Large explanatory dictionary of Russian nouns: Ideographic description. Synonyms. Antonyms]. Moscow, AST-press kniga. 2005, 862 p. (In Russ.). ISBN: 5-462-00358-7 EDN: QRRTQT
4. Internet-magazin meditsinskogo oborudovaniya «LiderMedGrupp» [Online store of medical equipment "LiderMedGroup"]. (In Russ.). Available at: <https://perm.biomedgroup.ru/chto-takoe-kvarcevanie-i-zachem-ego-delat.html/> (accessed: 08.01.2025).

5. Internet-magazin tovarov dlya doma i stroitel'stva «VseInstrumenty» [Online store of goods for home and construction "VseInstrumenty"]. (In Russ.). Available at: <https://www.vseinstrumenti.ru/publication/obogrevateli-slovar-terminov-712/> (accessed: 19.01.2025).
6. Internet-magazin fil'trov dlya vody «Klinvo» [Online store of water filters "Klinvo"]. (In Russ.). Available at: <https://clinvo.ru/stati/effektivnost-ugolnyh-filtrov-preimushhestva-i-nedostatki/?srsltid=AfmBOoo1ihmF8EkyUqT17qz3ScZ6pxOCR0ebqfGG1r3ku0jxiaQOFs4R> (accessed: 19.01.2025).
7. Internet-magazin khimicheskogo syr'ya i reagentov «AlfaKhimSintez» [Online store of chemical raw materials and reagents "AlfaKhimSintez"]. (In Russ.). Available at: <https://a-sintez.com/blog/yavlyaetsya-li-limonnaya-kislota-shchelochyu-424/> (accessed: 15.01.2025).
8. Internet-magazin khimicheskikh reaktivov i sopushtvuyushchego oborudovaniya «SegmentPro» [Online store of chemical reagents and related equipment "SegmentPro"]. (In Russ.). Available at: <https://snabcomplekt.com/helpful-information/svoystva-gidroksida-natriya-i-primeneniye-veshchestva-v-promyshlennosti-i-bytu> (accessed: 15.01.2025).
9. Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Nazran, Piligrim, 2010, 486 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-98993-133-0 EDN: RUSOUC
10. Kuznetsov S. A. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg, NORINT, 2000, 1536 p. (In Russ.).
11. NKRYa – Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [NKRYa - National Corpus of the Russian Language]. (In Russ.). Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 18.01.2025).
12. Obshchedostupnaya mnogoyazychnaya universal'naya internet-entsiklopediya so svobodnym kontentom – «Vikipediya» [Wikipedia is a free, multilingual, and universal online encyclopedia with free content.]. (In Russ.). Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (accessed: 17.01.2025).
13. Promyshlennyy portal Krasnodarskogo kraya [Industrial portal of Krasnodar region]. (In Russ.). Available at: <https://promkuban.ru/> (accessed: 01.03.2025).
14. Pugachev I. A. Tovarnyy slovar' [Commodity dictionary]. Moscow, Gostorgizdat, 1956-1961, vol. 2, 1957, 1044 p. (In Russ.).
15. Sovmestnoe nauchno-tekhnicheskoe predpriyatie Rossii i Kitaya v sfere razrabotki i vnedreniya sistem al'ternativnogo elektrosnabzheniya [Joint scientific and technical enterprise of Russia and China in the field of development and implementation of alternative power supply systems]. (In Russ.). Available at: <https://e-solarpower.ru/faq/solnechnye-batarei/kak-rabotaet-solnechnaya-batareya/> (accessed: 21.01.2025).
16. TSPBIZh - Mikhaylov K. V., Krylov B. A., Podval'nyy A. M. Terminologicheskii slovar' po betonu i zhelezobetonu [Terminological dictionary of concrete and reinforced concrete]. Moscow, FGUP «NITs "Stroitel'stvo" NIIZhB im. A. A. Gvozdeva», 2007, 110 p. (In Russ.).
17. Shustova S. V. Funktsional'nye svoystva kauzativnykh glagolov: dinamicheskii podkhod [Functional properties of causative verbs: a dynamic approach]. Moscow, LENAND, 2019, 248 p. (In Russ.).
18. Shustova S. V. Instrumental'nost' i emotivnost' v situatsii s glagolami voskhishchat'sya / vostorgat'sya i ikh derivatami [Instrumentality and emotiveness in the situation with the verbs to admire / to delight and their derivatives]. *Yazyk i deyatel'nost'* [Language and activity]. Nauchnye chteniya na kafedre romnskikh yazykov im. V. G. Gaka. Sbornik statey po itogam VI mezhdunarodnoy konferentsii. Moscow, Moskovskiy pedagogicheskiy universitet, 2021, pp. 511-515. (In Russ.). EDN: MICKKG
19. Shustova S. V. Instrumental'nost' v kauzativnoy situatsii [Instrumentality in a causative situation]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian studies. History and philology]. 2021, no. 3, pp. 82-89. (In Russ.). DOI: 10.24412/2713-0231-2021-3-82-89 EDN: YLSDKO

20. Shustova S. V., Tret'yakova D. D. Glagoly s inkorporirovannym aktantom-instrumentom v russkom yazyke [Verbs with incorporated actant-instrument in Russian]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2022, no. 1, pp. 26-33. (In Russ.). EDN: MZRLRC
21. Elektronnaya versiya Bol'shoy sovetskoj ensiklopedii [Electronic version of the Great Soviet Encyclopedia]. (In Russ.). Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/113/315.htm> (accessed: 20.01.2025).
22. Elektronnaya versiya Lingvisticheskogo ensiklopedicheskogo slovarya [Electronic version of the Linguistic Encyclopedic Dictionary]. (In Russ.). Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/269c.html> (accessed: 09.01.2025).
23. Elektronnaya versiya Nauchno-tehnicheskogo ensiklopedicheskogo slovarya. (In Russ.). Available at: <https://rus-scientific-technical.slovaronline.com/> (accessed: 19.01.2025).
24. Elektronnaya versiya Novoy filosofskoy ensiklopedii [Electronic version of the New Philosophical Encyclopedia]. (In Russ.). Available at: <https://iphlib.ru/library/library/collection/newphilenc/page/about> (accessed: 02.02.2025).
25. Elektronnaya versiya Slovarya barista: kofeynye terminy [Electronic version of the Barista Dictionary: Coffee Terms]. (In Russ.). Available at: <https://coffee-tea.ru/blog/slovar-barista/> (accessed: 18.01.2025).
26. Elektronnaya versiya Slovarya-spravochnika terminov normativno-tehnicheskoy dokumentatsii [Electronic version of the Dictionary-reference book of terms of normative and technical documentation]. (In Russ.). Available at: <http://www.find-info.ru/doc/dictionary/normative-technical-documentation/fc/slovar-193-9.htm#zag-4320> (accessed: 17.01.2025).
27. Elektronnaya versiya Sovremennogo ensiklopedicheskogo slovarya [Electronic version of the Modern Encyclopedic Dictionary]. (In Russ.). Available at: <https://encyclopediadic.slovaronline.com/> (accessed: 02.02.2025).
28. Elektronnaya versiya Ekologicheskogo slovarya [Electronic version of the Ecological Dictionary]. (In Russ.). Available at: <https://rus-ecolog-dict.slovaronline.com/4072-%D0%9D%D0%98%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%A2%D0%AB> (accessed: 16.01.2025).
29. LCC - Laboratoriya korpusnoy lingvistiki Leyptsigskogo universiteta [LCC – Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig]. (In Russ.). Available at: <https://corpora.uni-leipzig.de/> (accessed: 04.02.2025).

Информация об авторе

С. А. Рябкин – аспирант, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Information about the author

S. A. Riabkin – Postgraduate Student, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 20.04.2025.

The article was submitted 05.02.2025; approved after reviewing 25.02.2025; accepted for publication 20.04.2025.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 94–106.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2025. No. 18. P. 94-106.

Научная статья

УДК 81'27

doi: 10.24412/2713-0231-2025-18-94-106

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ СВОЙ / ЧУЖОЙ В БИРМАНСКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ

Елизавета Вадимовна Малахова¹, Светлана Викторовна Шустова²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ lisaveet@mail.ru

² Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

lanaschust@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу бинарной оппозиции СВОЙ / ЧУЖОЙ в бирманских фразеологических единицах (ФЕ). Бинарное мышление, лежащее в основе организации человеческого опыта, может актуализироваться на фразеологическом уровне. Культурное наследие бирманцев, основного населения Мьянмы, богато пословицами, отражающими особенности географии, климата, быта и религиозных воззрений, укорененных в буддийской литературе и дидактических наставлениях. ФЕ, аккумулируя коллективный языковой опыт, не только отражают, но и запечатлевают культурно-специфическую картину мира, транслируя ценности, нормы и представления определенного лингвокультурного сообщества из поколения в поколение. Они позволяют декодировать мировоззрение народа, его историю и систему координат, в которой выстраиваются отношения человека с окружающим миром. На основе анализа 50 ФЕ, отобранных из сборника бирманских народных изречений, выявлено, что данные концепты актуализируются в языке посредством лексических единиц, местоимений, пространственно-временных указателей и эмоционально-оценочных средств. Установлено, что эта оппозиция пронизывает широкий спектр категорий человеческого опыта, таких как пространство, родство, принадлежность, свобода и значимость. Бинарная оппозиция СВОЙ / ЧУЖОЙ демонстрирует существенные различия в эмоционально-ценностной нагрузке. Концепт СВОЙ, начиная с личного опыта, расширяется до сфер СВОБОДЫ, ГОРДОСТИ и РОДИНЫ, тем самым формируя позитивный образ. В отличие от него, концепт ЧУЖОЙ формируется вокруг представлений о БЕЗРАЗЛИЧИИ, УБЫТКЕ и ЗАВИСТИ, проецируя на «другого» негативные коннотации. Актуализация концепта СВОЙ происходит через лексику, связанную с родством, пространственной близостью и общими ценностями. Концепт ЧУЖОЙ, противопоставляясь «своему», воплощает отдаление, инаковость и потенциальную опасность. Языковое выражение данного концепта проявляется в лексических единицах, указывающих на отсутствие родственных связей и пространственную удаленность.

Ключевые слова: СВОЙ / ЧУЖОЙ, концепт, бинарная оппозиция, фразеологический фонд, семантическое поле, бирманский язык

Для цитирования: Малахова Е. В., Шустова С. В. Бинарная оппозиция СВОЙ / ЧУЖОЙ в бирманском фразеологическом фонде // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 94–106. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-94-106>

Original article

THE BINARY OPPOSITION СВОЙ / ЧУЖОЙ IN BURMESE PHRASEOLOGICAL FUND

Elizaveta V. Malakhova¹, Svetlana V. Shustova²

¹ Perm State University, Perm, Russia

¹ lisaveet@mail.ru

² Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, lanaschust@mail.ru

Abstract. This research is devoted to the analysis of the binary opposition СВОЙ / ЧУЖОЙ in Burmese phraseological units (PUs). Binary thinking, which underlies the organization of human experience, can be actualized at the phraseological level. The cultural heritage of the Burmese, the main population of Myanmar, is rich in proverbs reflecting the specific features of geography, climate, everyday life, and religious beliefs rooted in Buddhist literature and didactic instructions. PUs, accumulating collective linguistic experience, not only reflect but also capture a culturally specific worldview, transmitting the values, norms, and ideas of a particular linguistic and cultural community from generation to generation. They allow decoding the people's worldview, their history, and the system of coordinates in which human relations with the surrounding world are built. Based on the analysis of 50 PUs selected from a collection of Burmese folk sayings, it was found that these concepts are actualized in the language through lexical units, pronouns, spatio-temporal indicators, and emotional-evaluative means. It was established that this opposition permeates a wide range of categories of human experience, such as space, kinship, belonging, freedom, and significance. The СВОЙ / ЧУЖОЙ binoms demonstrate significant differences in emotional and evaluative connotations. The concept of СВОЙ, starting with personal experience, expands to the spheres of СВОБОДА, ГОРДОСТЬ and РОДИНА, thereby forming a positive image. In contrast, the concept of ЧУЖОЙ is formed around ideas of БЕЗРАЗЛИЧИЕ, УБЫТОК and ЗАВИСТЬ, projecting negative connotations onto the «other». The actualization of the concept СВОЙ occurs through vocabulary associated with kinship, spatial proximity, and shared values. The concept of ЧУЖОЙ, in contrast to «own», embodies remoteness, otherness, and potential danger. The linguistic expression of this concept is manifested in lexical units indicating the absence of family ties and spatial distance.

Keywords: СВОЙ / ЧУЖОЙ, concept, binary opposition, phraseological fund, semantic field, Burmese language.

For citation: Malakhova E. V., Shustova S. V. The binary opposition СВОЙ / ЧУЖОЙ in burmese phraseological fund. Humanitarian Studies. History and Philology. 2025;18:94-106. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2025-18-94-106>

Введение

Оппозиция СВОЙ / ЧУЖОЙ, укорененная в глубинах человеческого сознания, является одной из древнейших ментальных констант. СВОЙ / ЧУЖОЙ в философии и культурной антропологии рассматривается как универсальное понятие, пронизывающее различные сферы человеческого бытия. Философский дискурс, стремясь к объективности, зачастую использует термин «Другой», который, в отличие от «Чужого», лишен выраженной эмоциональной, психологической и социокультурной окраски. Понятия «чужой» и «другой» формируют семантические полюса, поскольку «другой» конструируется либо по аналогии с «Я», либо через подобие «Я». Как отмечает М. Мних, «Понятие «Другой» ассоциируется прежде всего с другим человеком, другим Я (другим субъектом)» [Мних 2021: 235]. Таким образом, «другой» предстает как потенциально

понятный и близкий и ассоциируется с другим человеком, другим «Я». В то время как «чужой» несет в себе оттенок отчужденности и неопознанности, ассоциируется как враждебный по отношению к «Я».

Формирование «мы-сознания» тесно связано с противопоставлением «своих» и «чужих», что является важным этапом в становлении коллективной идентичности. Как отмечают исследователи, это становление происходило в рамках одновременно предполагающего противопоставления реальным или представляемым «они», когда болезни, смерть и другие беды приписывались «колдовству людей чужого племени, чужой общины. Чаще всего подозрение падало не на определенное лицо, а вообще на чужую группу» [Поршнев 1979: 99]. Другими словами, для укрепления чувства общности внутри группы необходимо наличие «внешнего врага», на которого можно возложить ответственность за любые невзгоды. Этот тезис перекликается с мыслями Н. А. Бердяева о взаимосвязи «я» и «другого»: «Существование человека, взятого как чистое существование «я», предполагает существование других людей, мира, Бога. Абсолютное уединение «я» от всякого другого, от всякого «ты» есть самоистребление» [Бердяев эл. ресурс].

Э. Гуссерль в своей модели мира помещает в центр «свое», «родной мир», «родную культуру» как нечто знакомое, понимаемое и принимаемое. Этот «свой мир» становится основой для понимания «другого», «иногo» мира, «иной культуры», на которую нанизываются элементы нового [Гуссерль 1998: 53]. Следовательно, познание «Я» происходит через определение границ «Чужого». «Чужой» будет понят лишь в той степени, в которой «свой» мир способен к самосознанию и самоосмыслению. Подчеркивая взаимосвязь индивидуального и коллективного опыта, М. Хайдеггер в своей фундаментальной онтологии, описывая «бытие в мире», акцентирует изначальную погруженность человеческого существования в событийность – совместный мир, в котором «бытие в мире» есть «событие с другими» [Хайдеггер 2003: 147]. Таким образом, философское осмысление оппозиции СВОЙ / ЧУЖОЙ показывает, что осознание собственной идентичности и понимание окружающего мира происходит через взаимодействие и сопоставление с «другим», как в индивидуальном познании, так и в коллективном бытии.

Разведем схожие понятия такие как дихотомия, бинарная оппозиция и концепт. Дихотомия означает деление или классификацию чего-либо на две взаимоисключающие и контрастные части или категории ««деление на два», в котором один из членов определяется только отрицательно, и будет дихотомическим» [Писарь 2016: 13]. Бинарная оппозиция – обозначает систему или понятие, состоящее из двух элементов или компонентов. В отличие от дихотомии, бинoмы не обязательно подразумевают резкий контраст или оппозицию между двумя элементами «тип отношений в семиотических системах, в рамках которого знак приобретает свое значение и смысл только через отношение со знаком, стоящим к нему в оппозиции» [там же: 13].

Концепт – «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 24].

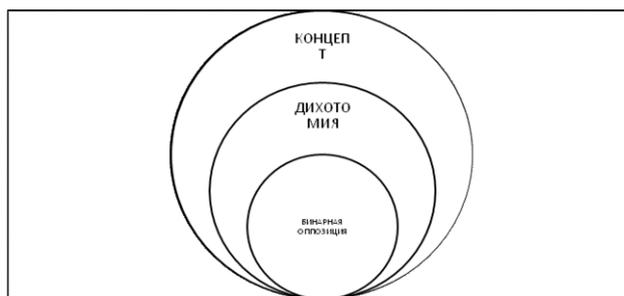

Рис. 1. Соотношение понятий: концепт, бинарная оппозиция, дихотомия

Концепт, как наиболее широкое понятие, охватывает всю совокупность знаний, ассоциаций, эмоций и оценок, связанных с определенным явлением. Бинарная оппозиция – более узкое понятие. Это отношение между двумя концептами, основанное на противопоставлении двух взаимосвязанных, но противоположных элементов. Дихотомия – частный случай бинарной оппозиции, характеризующийся взаимоисключающим разделением на две категории.

В нашей работе мы выбираем использовать термин *бинарная оппозиция*, так как границы между «своим» и «чужим» часто бывают размытыми и контекстуально зависимыми. Использование термина «бинарная оппозиция» позволяет нам учитывать эту сложность и многогранность отношений между двумя концептами. Кроме того, «бинарная оппозиция» акцентирует именно взаимосвязь и взаимозависимость концептов, а не просто их противопоставление.

Бинарная оппозиция СВОЙ / ЧУЖОЙ неизменно привлекает внимание исследователей и является предметом глубокого научного анализа в сфере концептологии [Арекеева 2022; Арекеева, Шустова 2023], паремиологии [Меньшакова 2022], дискурсологии [Трофимова 2024], моделируются синтагматические, лексико-семантические, ассоциативно-вербальные поля [Коркина, Шустова 2023; Файзиева 2024; Фомичева 2023]. Бинарное мышление, основанное на противопоставлении двух взаимоисключающих категорий, является фундаментальным способом организации человеческого опыта: «архаичное сознание с помощью двоичных представлений устанавливало место людей в центре сложных пространственных зависимостей. Утверждая существование взаимосвязи между такими парами представлений, как «восток – запад», «правый – левый», «мужчина-женщина», оно превращало окружающее человека пространство в действенного участника его социальной деятельности. Характерно при этом, что действенность такого «организованного» пространства была связана не с активностью мифических сил, а с существованием скрытых зависимостей между двоичными представлениями» [Иорданский 1982: 62]. Такого же мнения придерживался и А. Б. Пеньковский: «одним из фундаментальных семиотических принципов с глубокой древности является членение универсума на два мира – «свой» и «чужой», противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях типа «мы» – «они», «этот» – «тот», «здесь» – «там», «близкое» – «далекое» и мн. др.» [Пеньковский 2004: 13].

Картина мира, формируемая каждой культурой, неотделима от языка, являющегося её главным инструментом воспроизводства. Бинарные оппозиции могут определять как пространственную ориентацию, так и ценностное отношение субъекта к окружающему миру. Изучение этих концептов, таких как СВОЙ / ЧУЖОЙ, невозможно без анализа фразеологического фонда, который является отличным ресурсом для выявления и понимания культурных смыслов и ценностей, заложенных в языке.

Мьянма – страна в юго-восточной Азии, расположенная недалеко от Индии и граничащая с Китаем, Таиландом и Лаосом. По некоторым данным «Бирму населяют более 135 различных этнических народностей. Это и потомки тех самых монов, от чьей цивилизации ведёт свой отсчёт государство Бирма, их осталось примерно около 2 % от общего населения страны, а также шаны, карены, араканцы, китайцы, индийцы, качины и, конечно, бирманцы. Последние составляют большинство. Их около 67 %» [Бирма – золотая земля эл. ресурс]. На территории Мьянмы распространены языки и диалекты, принадлежащие к нескольким языковым семьям: сино-тибетской, тай-кадайской, австроазиатской и австронезийской. Государственным языком, согласно конституции, является бирманский, относящийся к сино-тибетской языковой семье, на котором говорит около 70% населения. Араканский, тавойский и мегуйский выделяют как диалекты бирманского. Языки аци, мару и лаши, также относящиеся к лоло-бирманской группе, используются незначительной частью населения и являются бесписьменными [Языки Мьянмы эл. ресурс]. Бирманцы обладают богатым культурным наследием, отраженным в пословицах. Эти пословичные выражения, часто уходящие корнями в буддийскую литературу и дидактические сборники наставлений («нити»), отражают уникальные географические и климатические особенности страны, а также быт, обычаи и религиозные воззрения бирманского народа.

Источником материала послужил словарь В. Д. Мазо «Бирманские народные изречения» [Мазо 2010]. Всего было отобрано 50 фразеологических единиц (ФЕ). В основе отбора ФЕ для исследования оппозиции лежат следующие критерии: 1) ФЕ должны иметь явно выраженное значение, отражающее противопоставление «своего» и «чужого» или подразумевать это противопоставление; 2) ФЕ должны отражать культурные ценности, нормы, традиции и представления, характерные бирманского языкового сообщества, что позволит выявить особенности восприятия «своего» и «чужого» в данной культуре. Одна ФЕ могла относиться сразу к нескольким семантическим полям, если соответствовала ее смыслу.

В нашем исследовании под семантическим полем понимается «совокупность семантических единиц, имеющих фиксированное сходство в каком-нибудь семантическом слое и связанных специфическими семантическими отношениями [Городецкий 1969: 173]». Распределение ФЕ по семантическим полям осуществлялось на основе анализа их семантического содержания и выявления доминирующих смысловых компонентов. Каждая ФЕ относилась к тому полю, которое наиболее точно отражало ее основное значение.

Основная часть

Актуализация концепта СВОЙ в бирманском фразеологическом фонде

Семантические поля, раскрывающие содержание концепта СВОЙ, представлены в таблице 1.

Микрополе ЭГОИЗМ образует ядро концепта СВОЙ. ФЕ, составляющие это микрополе, наглядно демонстрируют тенденцию преувеличения значимости собственных проблем *Только тот, у кого болит живот, знает, где боль* и, как следствие, проявление равнодушия к трудностям окружающих. Отсутствие эмпатии и эмоциональной вовлеченности в переживания других *Не до чужой печали, и своей еще с плеч не скачали* свидетельствует о равнодушии к «чужому», который, в отличие от «своего», лишен эмоциональной окраски и не вызывает сочувствия.

Микрополе ПРЕДАТЕЛЬСТВО выявляет парадоксальную ситуацию, когда угроза исходит изнутри группы, от тех, кто должен был бы быть опорой и защитой. ФЕ, составляющие это микрополе, подчеркивают горечь разочарования и ощущение уязвимости, вызванные действиями «своих», которые нарушают ожидания верности и поддержки *Наше войско на нас напало; наша же охрана нас арестовала*.

Ближняя периферия представлена микрополями СВОБОДА, ГОРДОСТЬ и РОДИНА, подчеркивая ценность независимости, самоуважения и привязанности к месту происхождения. Микрополе СВОБОДА подчеркивает автономию и независимость, связанные со «своим» пространством и ресурсами. Возможность распоряжаться «своим» по своему усмотрению *На своей кляче куда хочу, туда и скачу*. Микрополе ГОРДОСТЬ проявляется в позитивной оценке «своего», в утверждении его превосходства и уникальности *Всякий купец свой товар хвалит*. Гордость за «свое» способствует формированию чувства собственного достоинства и положительной самоидентификации. Микрополе РОДИНА выражает глубокую привязанность к месту происхождения и культурным корням, подчеркивая ценность традиций и национальной идентичности *Своя земля и в горсти мила*. Любовь к «своей» земле служит основой для патриотизма и чувства принадлежности к определенному сообществу.

ПРЕИМУЩЕСТВО РОДНОГО и СРАВНЕНИЕ формируют дальнюю периферию. ФЕ, входящие в микрополе ПРЕИМУЩЕСТВО РОДНОГО, транслируют мысль о том, что принадлежность, близость и знакомство с объектом наделяют его особой привлекательностью и ценностью *Собственная хижина лучше большого дома, который приходится снимать* подчеркивая приоритет чувства дома и принадлежности над материальными благами.

Микрополе СРАВНЕНИЕ вносит дополнительное понимание концепта СВОЙ. ФЕ этой группы указывают на тенденцию сравнивать «свое» с «чужим», причем сравнение это часто носит субъективный характер, направленный на возвышение «своего» *Всякий цыган свою кобылу хвалит* и *Всякий купец свой товар хвалит* подчеркивают универсальность человеческого стремления выставлять в лучшем свете то, что ему принадлежит.

Таблица 1. Распространение семантических полей концепта СВОЙ

Название семантического поля	Примеры	Объем
ЭГОИЗМ	<i>Только тот, у кого болит живот, знает, где боль</i> (Болен зуб у себя во рту); <i>Ворона только свои яйца замечает</i> (Сова о сове, а всяк о себе); <i>Чужую свинью прокормить трудно</i> (К своему рту ложка ближе); <i>Чужое письмо прочел – жив остался, свое прочел – погибель настала</i> (Чужую печаль и с хлебом съешь, а своя и с калачом в горло нейдет).	16 % (8)
ПРЕДАТЕЛЬСТВО	<i>Мои весы меня же и обвешивают</i> (Нет досадней, как своя же дворняжка на тебя лает); <i>Наше войско на нас напало; наша же охрана нас арестовала</i> (Кому от чужих, а нам от своих); <i>Мой дождь меня же и мочит</i> (Нет досадней, как своя же дворняжка на тебя лает).	10 % (5)
СВОБОДА	<i>Моя лошадь – хочу, в Сагайн еду; моя лодка – хочу, в Перу плыву</i> (На своей кляче куда хочу, туда и скачу); <i>Воду со своей ладони хочу – тихонько лью, хочу – ладонь опрокину</i> (Свой хлеб хошь ночью ешь!)	8 % (4)

Название семантического поля	Примеры	Объем
ГОРДОСТЬ	<i>Даже Будда взял бы сторону своей жены</i> (Всякому свое дороже); <i>У других рис растет, а у меня – красивая дочь</i> (Всякий купец свой товар хвалит).	8 % (4)
РОДИНА	<i>Только полюбив свою деревню, свою страну полюбишь</i> (Своя земля и в горсти мила); <i>В стране галоунов – Галоун господин, в стране нагов – Нага господин</i> (Всяк кулик в своем болоте велик).	8 % (4)
ПРЕИМУЩЕСТВО РОДНОГО	<i>Собственная хижина лучше большого дома, который приходится снимать</i> (Твое хоть дороже, а свое мне милее); <i>Наши Будда выше, чем у них</i> (Всякий цыган свою кобылу хвалит).	6 % (3)
СРАВНЕНИЕ	<i>Сравнивай свои помыслы с помыслами других</i> (Не все меряй на свой аршин!); <i>Наши Будда выше, чем у них</i> (Всякий цыган свою кобылу хвалит); <i>У других рис растет, а у меня – красивая дочь</i> (Всякий купец свой товар хвалит).	6 % (3)
ВЫГОДА	<i>Уж если опрокинуть – так в свой карман</i> (Домашняя копейка рубля бережет); <i>Раз в его пруду рыбы наловили, один горшок рыбы ему причитается</i> (Чье вино, того и здравьице).	4 % (2)
НЕДОСТАТКИ ДРУГИХ	<i>В своем глазу гной не видит, в чужом – видит</i> (У людей в глазу сучок видишь, а у себя и бревна не видишь).	2 % (1)

Актуализация концепта ЧУЖОЙ в бирманском фразеологическом фонде

В таблице 2 представлены семантические поля, раскрывающие содержание концепта ЧУЖОЙ, с количественным выражением каждого поля в процентах и иллюстрирующими примерами.

Микрополе БЕЗРАЗЛИЧИЕ представляет собой ядро концепта ЧУЖОЙ, акцентируя внимание на эмоциональной дистанции и отсутствии сопереживания по отношению к внешнему миру. ФЕ, входящие в это микрополе, объединены общей семантикой отстраненности, незаинтересованности и пренебрежения к чужим проблемам, потребностям и ресурсам. Во-первых, фиксируется равнодушие к чужой беде и печали *Далеко пенек от слоньего зада*. Во-вторых, прослеживается потребительское отношение к чужим ресурсам и выгодам: *Сосать молоко чужой матери; На чужих харчах свинью выкормил*. В-третьих, подчеркивается преходящий характер чужого горя: *Чужой умер – только поминки видишь; свой умрет – горя хлебнешь; Чужое горе не больше, чем жара в сентябре* акцент делается на мимолетности чужих страданий, которые не затрагивают лично и не оставляют глубокого следа в памяти. В-четвертых, выражается нежелание делиться и отдавать свое «чужим»: *Вещи мирянина – так давай-давай; вещи монаха – это му стоит, это пэ стоит*. Это отражает стремление сохранить собственные ресурсы и блага, не испытывая щедрости по отношению к внешнему миру.

Микрополе ЭГОИЗМ дополняет ядро концепта ЧУЖОЙ, формируя образ мира, где доминируют личные интересы и где «чужое» рассматривается как средство для достижения собственных целей. Преувеличение собственных проблем и обесценивание чужих страданий *Хоть он и умер, все равно моя болезнь тяжелее, чем у него, была*. Стремление к извлечению выгоды из чужого, не отказываясь даже от малого, если оно дается даром: *Сам платит за рис – берет четверть корзины, бесплатно дают – и от половины корзины не откажется*.

Микрополе УБЫТОК формирует представление о «чужом» как об источнике потерь и разочарований. Оно подчеркивает, что взаимодействие с «чужим» сопряжено с риском утраты собственных ресурсов и не приносит желаемого результата. *Полюбишь чужую жену – потратишь много бетеля; Чужую пашенку пахать – семена терять* здесь подчеркивается, что стремление к обладанию «чужим» может привести к значительным затратам, которые не окупятся.

Микрополе ЗАВИСТЬ вносит важный нюанс в понимание отношения к «чужому». Зависть отражает сложное переплетение чувств, включающих неприязнь, восхищение и сожаление о том, что «свое» не соответствует «чужому» *Чужому деду больше ста лет; Пагоду в своей деревне люди не почитают*.

Таблица 2. Распространение семантических полей концепта ЧУЖОЙ

Название семантического поля	Примеры	Объем
БЕЗРАЗЛИЧИЕ	<i>Далеко пенек от слоновьего зада</i> (Не до чужой печали, и своей еще с плеч не скачали); <i>Убил слона и его мясом всю деревню угощает</i> (Чужим обедом гостей потчевать не убыточно); <i>Сосать молоко чужой матери</i> (Из чужого кармана платить не тяга).	20 % (10)
ЭГОИЗМ	<i>В своем глазу гной не видит, в чужом – видит</i> (У людей в глазу сучок видишь, а у себя и бревна не видишь); <i>Хоть он и умер, все равно моя болезнь тяжелее, чем у него, была</i> (Чужое горе не болит).	10 % (5)
УБЫТОК	<i>Полюбишь чужую жену – потратишь много бетеля</i> (Чужую пашенку пахать – семена терять); <i>Чужое добро – что слона, которую нужно сплюнуть</i> (Чужим добром не разживешься).	8 % (4)
ЗАВИСТЬ	<i>Чужому деду больше ста лет</i> (Чужая корова велика); <i>Пагоду в своей деревне люди не почитают</i> (В чужой каше и зерна крупнее).	6 % (3)
ДИСКОМФОРТ	<i>В чужом доме, как зять у тещи, робеешь</i> (В чужом месте – что в лесу); <i>В чужую деревню переедешь – несчастлив будешь</i> (Скучно Афонюшке на чужой сторонюшке).	4 % (2)
НЕПОЗНАВАЕМОСТЬ	<i>Насколько перепелка жирна и насколько притворицик хитер, люди не знают</i> (Чужая душа не гумно: не заглянешь).	2 % (1)
ПРЕДАТЕЛЬСТВО	<i>Наше войско на нас напало; наша же охрана нас арестовала</i> (Кому от чужих, а нам от своих).	2 % (1)
БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ	<i>В рисе, купленном на базаре, мякны много</i> (Чужие руки легки, да не к сердцу).	2 % (1)
ТОСКА	<i>В чужую деревню переедешь – несчастлив будешь</i> (Скучно Афонюшке на чужой сторонюшке).	2 % (1)

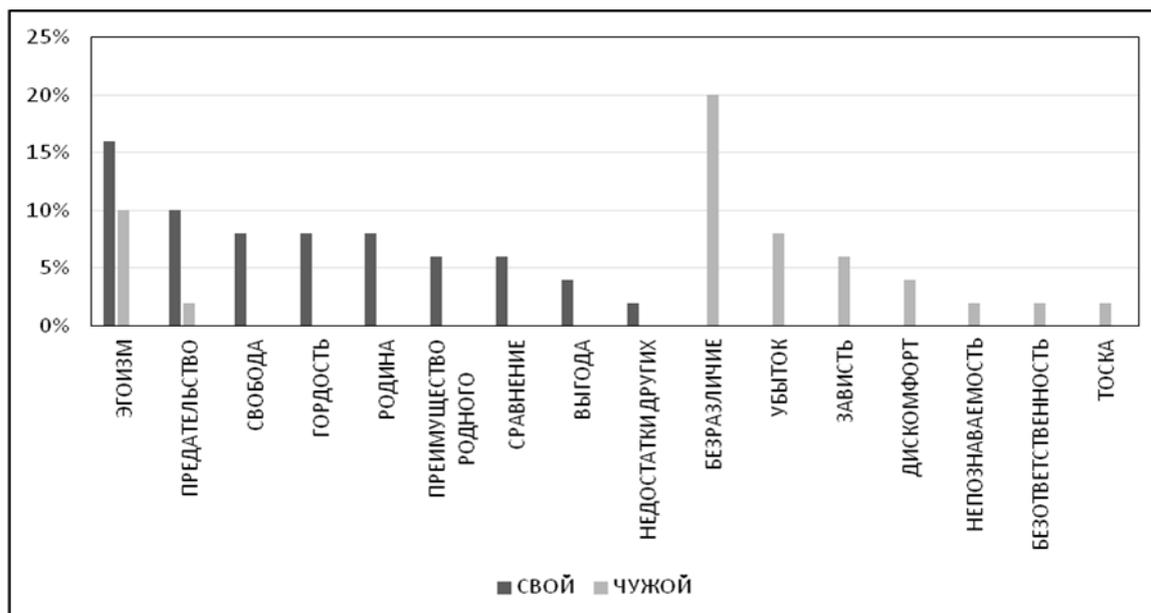

Рис. 2. Распространение семантических полей концептов СВОЙ / ЧУЖОЙ

СВОЙ / ЧУЖОЙ, проявляя общую тенденцию к эгоцентризму, расходятся в своей эмоциональной и ценностной структуре: если СВОЙ, начиная с микрополя ЭГОИЗМ, расширяется до сфер СВОБОДЫ, ГОРДОСТИ и РОДИНЫ, формируя позитивную идентичность, основанную на независимости и самоуважении, то ЧУЖОЙ строится вокруг БЕЗРАЗЛИЧИЯ, УБЫТКА и ЗАВИСТИ, проецируя на «другого» негативный опыт и потенциальную угрозу.

Бинарная оппозиция СВОЙ / ЧУЖОЙ находит свою актуализацию на различных уровнях языковой системы, а именно: на лексическом уровне, посредством использования лексических единиц с соответствующей семантикой; на уровне местоимений, через противопоставление личных и притяжательных местоимений; на пространственно-временном уровне, посредством указания на удаленность или близость; и, наконец, на эмоционально-оценочном уровне, с использованием лексики, выражающей эмоциональное отношение к «своему» и «чужому».

Таблица 3. Актуализация бинарной оппозиции СВОЙ / ЧУЖОЙ на лексическом уровне

Уровень	Средства выражения	Примеры
Лексический	Лексические единицы с семантикой «свое» и «чужое» («смысловые модализаторы»)	<i>Чужое письмо прочел – жив остался, свое прочел – гибель настала.</i>
Местоименные слова	Местоименные слова (я – ты; мы – вы; мы – они; наш – ваш; наш – их)	<i>Ты мне говоришь, что у тебя пропал петух, а я тебе скажу, что у меня пропала коза; У других рис растет, а у меня – красивая дочь.</i>
Пространственно-временной	Пространственная и временная локализация объектов (вместе – врозь; далеко – близко; здесь – там)	<i>Далеко пенек от слоновьего зада.</i>
Эмоционально-оценочный	Лексические единицы с эмоционально-оценочным и экспрессивным значением	<i>Вещи мирянина – так давай-давай; вещи монаха – это му стоит, это пэ стоит; Чужое добро – что слюна, которую нужно сплюнуть.</i>

Оппозиция СВОЙ / ЧУЖОЙ пронизывает различные категории человеческого опыта и отражается в языке через противопоставление: в пространстве – близкого и далекого, родного и чужого; в сфере родства – родственников и посторонних; в отношениях собственности – своего и чужого; в состоянии – свободы и несвободы; и, наконец, в оценке – значимого и незначимого.

Таблица 4. Категории противопоставления «своего» и «чужого»

Категория	Оппозиция	Пример
Пространство	Близкий / Далекий; Мир живых / Загробный мир; Родина / Чужбина	<i>Чужое письмо прочел – жив остался, свое прочел – погибель настала.</i>
Род / Семья	Родственник / Посторонний	<i>У других рис растет, а у меня – красивая дочь.</i>
Принадлежность	Собственный / Принадлежащий другим	<i>Раз в его пруду рыбы наловили, один горшок рыбы ему причитается.</i>
Свобода	Свобода / Несвобода	<i>Моя лошадь – хочу, в Сагайн еду; моя лодка – хочу, в Перу плыву.</i>
Значимость	Значимость / Незначимость; Важность / Неважность	<i>Вещи мирянина – так давай-давай; вещи монаха – это му стоит, это пэ стоит.</i>

Заключение

Концепт СВОЙ представляет собой многогранное понятие, ядром которого является идея принадлежности, близости и общности. Он аккумулирует в себе представления о родственных связях, пространственной близости, общих ценностях и идентичности. СВОЙ – это то, что воспринимается как часть личного пространства, источник безопасности и поддержки. На лексическом уровне концепт СВОЙ актуализируется через использование местоимений первого лица (*я, мы, мой, наш*), лексики, обозначающей родственные связи (*родственник, семья*), пространственной близости (*здесь, близко*) и положительно окрашенных эмоционально-оценочных единиц.

В противоположность «своему», концепт ЧУЖОЙ обозначает все то, что находится за пределами личного пространства, воспринимается как нечто отличное, незнакомое и потенциально опасное. ЧУЖОЙ ассоциируется с отдаленностью, инаковостью, отсутствием общих ценностей и возможной враждебностью. На лексическом уровне концепт ЧУЖОЙ актуализируется через использование местоимений второго и третьего лица (*ты, он, они, ваш, их*), лексики, обозначающей отсутствие родственных связей (*неродственник, чужак*), пространственную удаленность (*там, далеко*) и негативно окрашенных эмоционально-оценочных единиц.

Список литературы

1. Аркеева Ю. Е. Концептуальная оппозиция «свой – чужой» в китайской языковой картине мира // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 32 (4). 2022. С. 793–801. DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-793-801 EDN: CYWHFQ
2. Аркеева Ю. Е. Шустова С. В. Моделирование ассоциативно-вербального поля категории «свой» в сознании носителей русского языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 33–42. EDN: JLQNMV

3. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/mirobj/03.html> (дата обращения: 08.01.2025).
4. Бирма – золотая земля. URL: <https://www.oum.ru/literature/raznoe/birma-zolotaya-zemlya/> (дата обращения: 08.01.2025).
5. Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии. М.: Изд-во «Московский университет», 1969. 173 с.
6. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 1998. 200 с.
7. Иорданский В. Б. Хаос и гармония. М.: Наука, 1982. 343 с.
8. Коркина М. И., Шустова С. В. Репрезентация концептов ОТЕЧЕСТВО / FATHERLAND в сознании носителей русского и английского языков // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 58–71. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-12-58-71 EDN: WAFIIZ
9. Мазо В. Д. Бирманские народные изречения: Более 4000 бирманских пословиц и поговорок с их русскими эквивалентами. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 560 с.
10. Меньшакова Н. Н. «Свой – чужой» в паремийном пространстве романа «Дон Кихот» Сервантеса // Миграционная лингвистика. 2022. № 4. С. 4–14. EDN: WTBUVN
11. Мних Р. Свой vs иной / другой / чужой в идейно-эстетической парадигме модернизма // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 233–245. DOI: 10.15826/izv2.2021.23.2.037 EDN: EGLCSX
12. Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с. ISBN: 5-94457-166-7 EDN: QQUIPJ
13. Писарь Н. В. К вопросу об определении понятия «Дихотомия» в лингвистике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2016. № 3. С. 12–18. EDN: XDXTXD
14. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. 314 с.
15. Поршнева Б. Ф. Мыслима ли вообще коллективная психология // Политическая психология: хрестоматия. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 5–14.
16. Трофимова А. Н. Субстандартные лексические единицы, репрезентирующие образ «чужой» (на материале телесериала «Бандитский Петербург») // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 27–33. EDN: JZGSVV
17. Файзиева Г. В. Лексико-семантическое поле «чужой» в сознании носителей русского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 78–85. DOI: 10.24412/2713-0231-2024-13-78-85 EDN: WCBZEN
18. Фомичева Я. А. Модель ассоциативно-вербального поля категории «язык вражды» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 10. С. 79–92. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-10-79-92 EDN: AZSQKY
19. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
20. Языки Мьянмы. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Языки_Мьянмы (дата обращения: 08.01.2025).

References

1. Arekeeva Yu. E. Kontseptual'naya oppozitsiya «svoe - chuzhoj» v kitayskoj yazykovoj kartine mira [The conceptual opposition of “friend or foe” in the Chinese linguistic picture of the world]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»* [Bulletin of Udmurt University. Series

- “History and Philology”]. 32 (4). 2022, pp. 793-801. (In Russ.). DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-793-801 EDN: CYWHFQ
2. Arkeeva Yu. E. Shustova S. V. Modelirovanie assotsiativno-verbal'nogo polya kategorii «svoy» v soznanii nositeley russkogo yazyka [Modeling the associative-verbal field of the category "own" in the consciousness of native Russian speakers]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2023, no. 1, pp. 33-42. (In Russ.). EDN: JLQNMB
  3. Berdyaev N. A. Ya i mir ob"ektov. Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya [I and the World of Objects. An Experience of Philosophy of Solitude and Communication]. (In Russ.). Available at: <http://www.vehi.net/berdyaev/mirobj/03.html> (accessed: 08.01.2025).
  4. Birma - zolotaya zemlya [Burma - the golden land]. (In Russ.). Available at: <https://www.oum.ru/literature/raznoe/birma-zolotaya-zemlya/> (accessed: 08.01.2025).
  5. Gorodetskiy B. Yu. K probleme semanticheskoy tipologii [On the problem of semantic typology]. Moscow, Moskovskiy universitet, 1969, 173 p. (In Russ.).
  6. Gusserl' E. Kartezijskie razmyshleniya [Cartesian Meditations]. Saint Petersburg, Nauka, 1998, 200 p. (In Russ.).
  7. Iordanskiy V. B. (In Russ.). Khaos i garmoniya [Chaos and Harmony]. Moscow, Nauka, 1982, 343 p.
  8. Korkina M. I., Shustova S. V. Reprezentatsiya kontseptov OTEChESTVO / FATHERLAND v soznanii nositeley russkogo i angliyskogo yazykov [Representation of the concepts FATHERLAND in the minds of native Russian and English speakers]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian studies. History and philology]. 2023, no. 12, pp. 58-71. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-12-58-71 (In Russ.). EDN: WAFIIZ
  9. Mazo V. D. Birmanskije narodnye izrecheniya: Bolee 4000 birmanskikh poslovits i pogovorok s ikh russkimi ekvivalentami [Burmese Folk Sayings: Over 4000 Burmese Proverbs and Sayings with their Russian Equivalents]. Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2010, 560 p. (In Russ.).
  10. Men'shakova N. N. «Svoy - chuzhoy» v paremiynom prostranstve romana «Don Kikhot» Servantesa ["Friend or Foe" in the Paroemic Space of Cervantes's Don Quixote]. *Migratsionnaya lingvistika* [Migration linguistics]. 2022, no. 4, pp. 4-14. (In Russ.). DN: WTBUVN
  11. Mnikh R. Svoy vs inoy / drugoy / chuzhoy v ideyno-esteticheskoy paradigme modernizma [Ours vs. Other / Different / Alien in the Ideological and Aesthetic Paradigm of Modernism]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [News of the Ural Federal University. Series 2: Humanities]. 2021, vol. 23, no. 2, pp. 233-245. DOI: 10.15826/izv2.2021.23.2.037 (In Russ.). EDN: EGLCSX
  12. Pen'kovskiy A. B. Ocherki po russkoy semantike [Essays on Russian semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, 464 p. ISBN: 5-94457-166-7. (In Russ.). EDN: QQUIPJ
  13. Pissar' N. V. K voprosu ob opredelenii ponyatiya «Dikhotomiya» v lingvistike [On the definition of the concept of "Dichotomy" in linguistics]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology]. 2016, no. 3, pp. 12-18. (In Russ.). EDN: XDXTXD
  14. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. Moscow, AST: «Vostok-Zapad», 2007, 314 p. (In Russ.).
  15. Porshnev B. F. Myslima li voobshche kollektivnaya psikhologiya [Is Collective Psychology Possible at All?]. *Politicheskaya psikhologiya* [Political Psychology]. Moscow, Aspekt Press, 2007, pp. 5-14. (In Russ.).

16. Trofimova A. N. Substandartnye leksicheskie edinitsey, reprezentiruyushchie obraz «chuzhoy» (na materiale teleseriala «Banditskiy Peterburg») [Substandard lexical units representing the image of "alien" (based on the TV series "Bandit Petersburg")]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 1, pp. 27-33. (In Russ.). EDN: JZGSVV
17. Fayzieva G. V. Leksiko-semanticheskoe pole «chuzhoy» v soznanii nositeley russkogo yazyka [The lexical-semantic field "foreign" in the consciousness of native Russian speakers]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian studies. History and philology]. 2024, no. 13, pp. 78-85. (In Russ.). DOI: 10.24412/2713-0231-2024-13-78-85 EDN: WCBZEH
18. Fomicheva Ya. A. Model' assotsiativno-verbal'nogo polya kategorii «yazyk vrazhdy» [Model of the associative-verbal field of the category "hate speech"]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian studies. History and philology]. 2023, no. 10, pp. 79-92. (In Russ.). DOI: 10.24412/2713-0231-2023-10-79-92 EDN: AZSQKY
19. Khaydegger M. Bytie i vremya [Being and Time]. Khar'kov, Folio, 2003, 503 p. (In Russ.).
20. Yazyki M'yanmy [Languages of Myanmar]. (In Russ.). Available at: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Yazyki_M'yanmy (accessed: 08.01.2025).

Информация об авторах:

- Е. В. Малахова*** – студент, факультет современных иностранных языков и литератур, Пермский государственный национальный исследовательский университет;
- С. В. Шустова*** – доктор филологических наук, профессор, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the authors:

- E. V. Malakhova*** – Student, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures, Perm State University;
- S. V. Shustova*** – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University, Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages, Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 15.02.2025; одобрена после рецензирования 28.02.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 15.02.2025; approved after reviewing 28.02.2025; accepted for publication 20.03.2025.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ.....	7
Бушмакина Ю. В. САДЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ГОРОДСКОЙ ПЛАНИРОВКИ: ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ВОССОЗДАНИЯ ПРОСТРАНСТВА ВОКРУГ ГОСПОДСКОЙ УСАДЬБЫ СТРОГАНОВЫХ В Г. УСОЛЬЕ	7
ФИЛОЛОГИЯ.....	15
Гладкова К. Ю., Акмырадова М. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ АПЕЛЛЯТИВНОСТИ В ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ ПОЛИТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ Г. БРАУНА)	15
Остапенко Т. С., Доценко Т. И. МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ КОМБИНИРОВАННЫХ ТРИЛИНГВОВ – НОСИТЕЛЕЙ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО, РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ.....	24
Яркова В. В. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА: К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛЬНОМ АППАРАТЕ.....	35
Баранцева О. А., Тойблатова К. О. СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА КВАЗИАНТРОПОНИМОВ В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ «A PSALM FOR THE WILD-BUILT» Б. ЧАМБЕРС	54
Гладких Ю. Г., Киршина М. А. СТРУКТУРНЫЕ И КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ В ЦИКЛЕ «ЗАТЕСИ» В. П. АСТАФЬЕВА.....	63
Рязанцев К. А., Графова О. И. КАТЕГОРИЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ В МАНИФЕСТЕ ДЖЕННИ ПРАЙС «STOP SAVING THE PLANET!: AN ENVIRONMENTALIST MANIFESTO»	75
Рябкин С. А. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ.....	82
Малахова Е. В., Шустова С. В. БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ СВОЙ / ЧУЖОЙ В БИРМАНСКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ.....	94

CONTENT

HISTORY	7
Bushmakina Yu. V. GARDENS AS ELEMENTS OF URBAN PLANNING: HISTORICAL SOURCES FOR RECREATING THE SPACE AROUND THE STROGANOV'S MANOR ESTATE IN USOLYE	7
PHILOLOGY	15
Gladkova K. Yu., Akmyradova M. APPELLATIVE MEANS REPRESENTATION IN A POLITICAL PUBLIC SPEECH (BASED ON PUBLIC SPEECHES BY G. BROWN).....	16
Ostapenko T. S., Dotsenko T. I. CROSS-LINGUISTIC LINKS IN AN INDIVIDUAL CONSCIOUSNESS OF COMBINED TRILINGUALS – SPEAKERS OF THE KOMI-PERMYAK, RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES.....	25
Yarkova V. V. FUNCTIONAL GRAMMAR: ON THE CONCEPTUAL FRAMEWORK	35
Barantseva O. A., Toiblatova K. O. SPECIFICITY OF QUASI-ANTHROPONYM TRANSLATION IN B. CHAMBERS' SCIENCE FICTION WORK "A PSALM FOR THE WILD-BUILT"	54
Gladkikh Yu. G., Kirshina M. A. STRUCTURAL AND COMPOSITIONAL FEATURES OF METAPHORICAL COMPLEXES IN THE CYCLE ZATESI BY V. P. ASTAFYEV	63
Ryazancev K. A., Grafova O. I. THE CATEGORY OF PERFORMATIVITY IN JENNY PRICE'S MANIFESTO "STOP SAVING THE PLANET!: AN ENVIRONMENTALIST MANIFESTO"	75
Riabkin S. A. THE FUNCTIONING OF ADJECTIVES OF INSTRUMENTAL SEMANTICS	82
Malakhova E. V., Shustova S. V. THE BINARY OPPOSITION СВОЙ / ЧУЖОЙ IN BURMESE PHRASEOLOGICAL FUND	95

Электронное издание

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ**

Электронный научный рецензируемый журнал

2025. № 18

Ответственный редактор выпуска

Подюков Иван Алексеевич

Ответственный секретарь выпуска

Мазурова Елена Викторовна

Издается в авторской редакции.

*Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.*

Компьютерная вёрстка выполнена внештатным сотрудником

Л. Н. Голубцовой

Дата размещения на сайте 12.05.2025.

Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

Редакционно-издательский отдел

Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 115

тел. (342) 215-18-52 (доб. 394)

e-mail: rio@pspu.ru